

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ЯНВАРЬ

2001

ТЕВЕС

5761

N 1 (105)

ВОЛЯ Б-ГА И КАТАСТРОФА

Иудаизм – это Б-жественное учение, оно постоянно обновляется и всегда остается современным. Жизнь течет, приходят новые поколения, а основы веры, заповеди Закона нерушимы. Как и 3000 лет назад, мудрые в Торе ищут ответы на вопросы, которые ставит жизнь. Единый с Б-гом, жив еврейский народ, и он вечен благодаря этому единству, наперекор всем врагам Творца и нашего народа.

Сколько бы мы не говорили и не доискивались, пытаюсь постичь Катастрофу, остаются тайны, которые неподвластны человеческому уму. Помня о шести миллионах, мы не можем хладнокровно созерцать прошлое, настоящее, обращаться к будущему. Несмотря на неопишное горе, мы продолжили жизнь, и в наших детях и внуках мы возродили любовь и веру, привили им родную культуру, продолжив традиции Праотцев. Близкое или далекое, прошлое всегда остается с нами.

По указанию Б-га еврейский народ первым в истории поставил человеческие жертвоприношения вне Закона и долгое время был единственным, запрещающим употребление крови. Как это не парадоксально, антисемитизм вскормлен на «кровавом навете», нас обвиняют в «деициде» – убийстве Б-га. «Чем грубее ложь, тем больше в нее верят», – так и есть. Но даже тогда, когда мир рушился на наших глазах, опрокидывался, погружался во тьму и хаос, мы сохраняли веру в Творца и приход Мошиаха (Мессии). Евреи шли в газовые камеры и пели: «Я исполнен абсолютной веры в приход Мошиаха».

К сожалению, существует миф, что евреи шли в газовые камеры, как скот на бойню: безропотно поднимая руки, не сопротивлялись уничтожению. Миф начал создаваться уже тогда, когда начали работать эти чудовищные изобретения человеческого ума, потому что многие не понимали последовательной веры в Мошиаха тех, кто оставался верным своей вере даже за шаг до смерти. Оторванные от традиции, они не понимали смысла воззвания к Б-гу, повторяемого и на пороге смерти: «Слушай, Израиль, Г-сподь Б-г наш, Г-сподь Один», как не видели смысла в предсказанном мудрецами: страдания евреев и великие чудеса, «как и в дни исхода из Египта», должны предшествовать приходу посланца Г-спода.

Я уверен: евреи тогда сделали все, что можно было сделать без поддержки, без оружия. В каждом местечке, в каждом городе люди старались спастись или пытались бороться, организуя сопротивление, партизанские отряды. Но беда была в том, что в своем противостоянии отлаженной машине уничтожения они оказались одиноки. Молодежь сегодня испытывает смешанные чувства стыда и боли, когда узнают, как редки были случаи вооруженного сопротивления системе тотального уничтожения народа. Побег из лагеря единиц тогда влекли к смерти десятков и сотен других заключенных, а оружия не было, как не было и надежды на массовую поддержку других народов. Проблема Катастрофы состоит в том, что голос евреев по разным причинам не был услышан. Народы и правительства многих стран Европы и Америки не захотели услышать их зов о помощи. Но если говорить о личных вкладах евреев в победу над фашизмом, тоталитаризмом, то они колоссальны, хотя довольно мало известны.

Мы видим проявления Б-га не только в актах Его милосердия, но и в строгости. Мы обращаемся к Б-гу Милосердному, но понимаем, что Б-г Милосердный и Б-г в строгости – это один и тот же Б-г. Нам неведомы избираемые Им пути, и это естественно, что будучи людьми, мы не способны иногда понять, осознать выбор, сделанный

Всевышним. Поэтому мы всегда будем задавать вопрос: «Где был Он во время Катастрофы? Как Он мог допустить геноцид?» Банальные ответы, вроде тех, что это было наказание за грехи, здесь неуместны. Но, задавая эти вопросы, мы продолжаем верить Ему, сохраняя веру в высшую справедливость. Непонимание решений Б-га не изменяет нашей веры. Б-г Милосердный, Б-г в строгости, Б-г Один всегда остается с нами.

Высокую цену пришлось заплатить за долгие годы галута, за жизнь вне своей земли, за осознание необходимости, что она должна быть. Веру многих поколебала Катастрофа, и они не осознают, что отказ от родных традиций, утрата корней – лучший подарок силам зла, наследникам гитлеризма. Ведь это их мечта искоренить даже слова «еврей» и «иудаизм». Большинство жертв фашизма, к примеру, в Германии, вовсе не было последователями иудаизма. Давно ассимилировавшиеся, почти забывшие о своих корнях, а то и вовсе их не знавшие, немцы по культуре и образу жизни, католики, протестанты и атеисты использовались как пушечное мясо на фронтах и погибали в газовых камерах только за то, что в их жилах текла хоть капля еврейской крови. Не понимая Г-спода, верить в Него отказываются по двум причинам. Или веры не доставало и раньше, или сила фашизма воспринимается как превосходящая силу Б-га. Второе логически следует из первого.

Творец избрал свой народ для искоренения нацистских идолов и пороков ксенофобии. В уходящем столетии мы одновременно пережили и крайнюю степень антисемитизма и стали свидетелями чудесного рождения нового сильного еврейского государства – гаранта нашего существования и безопасности. Как и новорожденный ребенок, государство появилось в муках и стонах, и это предопределяет его долгую и счастливую жизнь.

После второй мировой войны часто, слишком часто говорили об отсутствии у евреев будущего. Но искра веры сохранилась и способствовала возрождению еврейства повсеместно. Чудо, постоянно творимое Б-гом, – это возрождение еврейского народа и на Святой Земле, Земле Израиля, и в других странах. Еврейство в США – самый яркий пример. В каждом городе, в каждом втором квартале там есть синагога, еврейская школа, – еврейская жизнь бьет ключом. Вклад евреев в культуру, науку, государственное управление, бизнес, медицину колоссален. Только в Нью-Йорке, наверное, восемьдесят процентов больниц создано еврейской общиной. Воссоздание еврейских общин в России и странах бывшего СССР тоже одно из чудес, и мы уверены, здесь у общины хорошие перспективы.

Катастрофа не сломила еврейский народ, наоборот, прошло время, и он стал сильнее, окреп, поднял голову. Происходящее в последние пятьдесят лет внушает оптимизм и надежду, что Катастрофа не повторится, и мы снова полны энтузиазма.

«Не даровать Гитлеру посмертных побед», – так сформулировал философ Эмиль Факенхайм принцип, который он назвал шестьсот четырнадцатой заповедью. Надежды нашего народа – в силе и миролюбии, последовательной реализации принципа «никогда больше». Все здравомыслящие люди понимают, что «окончательное решение еврейского вопроса», полное уничтожение евреев по Гитлеру, ведет к искоренению основ всех религий, «зараженных» «еврейскими» идеями, к краху цивилизации, без гуманизма не способной к прогрессу. Весь мир живет надеждой, что Катастрофа, Холокост (всесожжение), как символ жертвоприношения Б-гу – это последний языческий акт отказа от Г-спода и его Заветов.

Мир услышал слова покаяния отдельных личностей, политических деятелей, иерархов церкви. Всем известна молитва римского папы: «Мы осознаем теперь, что много-много веков слепоты поразили наши очи, так что мы не созерцали более красоты Тобою избранного народа и не узнавали более в лицах их черт нашего брата-первенца. Прости нас...» Но все это дает пока еще очень малую надежду на обретение единого Б-га всеми народами. И будущее мира зависит не от извинений отдельных лиц, а от мудрых, достойных государственных решений, не допускающих двойственных толкований.

Только возвращаясь к Создателю, мы можем сохранить человека как цель Его творения, а, значит, и жизнь на земле. И другого пути у нас нет.

Àěààí úé ðàààéí Dîññè Áàðè Èàçàð

УРОКИ ТОРЫ

ШМОЙС

В этой недельной главе, когда Б-г призывает Моше исполнить миссию — вывести сынов Израиля из Египта, тот просит в ответ: «Пошли того, кого Ты всегда посылаешь». Мидраш толкует это, как просьбу послать вместо него Мошиаха. Но какова связь между Моше и Мошиахом, этими двумя освободителями? И в чем разница между ними, вследствие которой каждому дана именно та, а не другая миссия? Вы найдете ответы на эти вопросы и узнаете, каково их значение в жизни каждого еврея.

ДВА ОСВОБОДИТЕЛЯ

Б-г последовательно убеждает Моше вернуться в Египет и вывести еврейский народ из египетского рабства, но Моше в конце концов все же взывает к Нему: «Пошли того, кого Ты всегда посылаешь» (Шмойс, 4:13). Мидраш Леках Тов дает на этот стих комментарий: «Моше сказал Ему: “Владыка Вселенной, прошу, пошли того, кого Ты пошлешь”, – то есть Мошиаха, который должен стать освободителем в грядущем». Но Б-г хотел, чтобы именно он, Моше, вывел евреев из Египта.

Из этого мидраша можно заключить, что между Моше и Мошиахом существует особая связь, чем и объясняется просьба Моше послать в Египет самого Мошиаха. Тем не менее освобождение из египетского рабства было задачей Моше, а миссия Мошиаха связана с грядущим изгнанием. У них есть нечто общее, благодаря чему они имеют сходные задачи – освободить из изгнания. На это общее намекает высказывание мудрецов: «Моше был первым, он же будет последним избавителем». Это не означает, что Моше лично будет Мошиахом (Моше принадлежал к колону Леви, а Мошиах, как известно, должен быть потомком Давида и происходить из колена Иегуды). Скорее это означает, что сила для осуществления избавления, имеющаяся у Мошиаха, будет силой, унаследованной от Моше.

Причина этого в том, что первая и главная добродетель Мошиаха будет связана с Торой (согласно Рамбаму, он будет «погружен» в нее). Именно отсюда его сила, необходимая для освобождения, а ведь сама Тора называется «Тора Моше». Подобно этому потенциал народа Израиля, необходимый для проявления Мошиаха, определяется его служением в соответствии с правилами, сформулированными в Торе.

На внутреннюю связь между Моше и Мошиахом намекает стих (Брейшис, 49:10). Не отойдет «скипетр от Иегуды ... пока не придет Шило» (на иврите – ад ки яво Шило). В этом усматривают намек на Мошиаха, потому что слова «яво Шило» и «Мошиах» («придет Шило» и «Мошиах») равны по своему числовому значению (речь идет о сумме числовых значений букв. – Ред.). То же равенство и в словах «Шило» и «Моше», поэтому приход Мошиаха связывают с Моше. Кроме того, «яво» (придет) имеет то же числовое значение, что и слово «эход» (один). Таким образом, мы можем вывести уравнение: Мошиах=Моше+1, что означает: Мошиах приведет служение, связанное с качеством единства, а сила, необходимая для достижения единения, будет передана через Моше.

СПУСК РАДИ ПОДЪЕМА

Говорят наши мудрецы: когда был создан мир, он находился в состоянии совершенства. Но после греха с деревом познания, когда нечистота змея распространилась на Еву, не только человек, но и весь мир утратили совершенство вплоть до дарования Торы. Когда Израиль стоял у горы Синай, дух нечистоты «отошел». Но он снова распространился из-за греха золотого тельца и будет пребывать в мире до наступления эры Мошиаха, когда наконец исполнится обещанное: нечистота исчезнет навсегда, и мир будет полностью очищен.

В иудаизме существует общее правило: каждое падение происходит ради какого-то подъема, причем подъем этот совершается на более высокий уровень, чем предшествующий падению. Следовательно состояние мира после дарования Торы стало выше, чем до греха Евы. Согласно тому же правилу эра Мошиаха будет совершеннее времени дарования Торы.

Это двойственное движение делает возможным достижение доселе небывалых высот. С одной стороны, нисходит свет (откровение, духовная сила) Источника, находящегося в бесконечности, с другой стороны, соответственно происходит подъем народа Израиля и всего мира.

Пример этому мы видим в даровании Торы. Хотя потенциал для исполнения Б-жественных заповедей существовал и ранее (у Адама было шесть заповедей, у Ноаха семь, и еще по одной были даны соответственно Аврааму, Ицхаку и Якову, кроме того, праотцы соблюдали всю Тору еще до ее дарования). С дарованием Торы был дан не просто больший потенциал, но это была новая сила, принципиально отличающаяся от всего уже существовавшего, и она была дана народу Израиля, когда между ним и Б-гом возникли особые отношения – отношения избранности («и Ты избрал нас»). Это было раскрытием сущности Б-га, чем-то таким, что прежде не раскрывалось.

Настолько же беспрецедентным был подъем Израиля и всего мира – как глубинная их сущность, так и уровень произошедшего очищения. Следовательно, последующая деградация при совершении греха золотого тельца была не так велика. Значит, несмотря на то что ее последствия – присутствие нечистоты – видны и поныне, все же влияние дарования Торы очевидно.

МЕССИАНСКАЯ ЭРА

Подобно этому подъем в те времена, когда Мошиах станет учить Торе весь народ Израиля, будет выше подъема при даровании Торы. Во-первых, в степени Б-жественного раскрытия (несмотря на то что на Синае оно было настолько интенсивным, что люди могли воспринимать его на физическом уровне своими органами чувств; это было лишь подобие откровения во времена Мошиаха, когда «слава Г-спода будет открыта»). Во-вторых, в уровне подъема Израиля. Хотя на Синае дух нечистоты покинул народ, он тем не менее остался в потенциальной форме и вновь проявился в связи с грехом золотого тельца. Но во времена Мошиаха он будет уничтожен навсегда. Изменится сама суть природы мира, причем это изменение будет не временным, каким оно может быть, если вызвано особым вмешательством свыше, а окончательным и постоянным.

ЦЕЛЬ ИЗГНАНИЯ

Поскольку всякому подъему, как мы выяснили, должно предшествовать падение, значит, оно является необходимым этапом подготовки подъема. Именно служение в период падения (то есть пока влияние падения ощутимо) приносит подъем. Служение праотцев и очищение «горнилом» Египта привели к дарованию Торы. Подобно этому Мошиах приведет наше непрерывное служение в изгнании, необходимое для того, чтобы очистить самую суть мира (Тания, ч.1, гл.37).

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ОДИН»

Чтобы понять изложенное выше, попробуем сначала разрешить известную трудность с молитвой «Шма, Исроэль». Почему в ней говорится «Г-сподь Один (Эход)», а не «Г-сподь уникален»? Ведь числительное «один» означает то, что можно исчислять, за ним следует «второй». Но «уникален», исключает наличие другого.

Объяснение таково: истинное единство Б-га не есть изначальное отрицание существования чего бы то ни было, кроме Него. Уникальность в данном случае отрицала бы существование мира. Она ощущается в рамках материального мира и неразрывно связана с пониманием того, что Он не существует сам по себе, а материальный мир есть одно целое (то есть объединенное) с Б-гом.

Слово «один» как раз предполагает такой подход. Составляющие это слово – эход – буквы алеф, хет, далет имеют соответственные числовые значения 1, 8 и 4. 8 — символизирует семь небес и землю, а 4 – существующие стороны света. Все они в сущности являются излучениями, исходящими из 1 (алеф), то есть Источника и Хозяина (Алуф) мира. Иными словами, единство не должно восприниматься как только духовное, скорее человек должен ощущать его как нечто наполняющее собой физический мир и реализующееся в мире.

ТОРА И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ МИРА

Но как это возможно, чтобы мир, в природе которого заложено сокровище Б-жественности (на что намекают и соответствующие термины на иврите: олам – мир, хезлам – сокровытый), был восприимчив к раскрытию в нем Алуфа (Хозяина Вселенной, Единого)?

Именно с этой целью – сделать мир подходящим жилищем для Б-га – и были даны народу Израиля Тора и Заповеди.

У горы Синай они не просто были переданы, как инструменты ремесленника, чтобы с их помощью очистить и облагородить мир. Было откровение, которое, сопровождая это дарование, несло в себе ту энергию, что была необходима для осуществления данного процесса.

В момент, когда была дана Тора, весь мир как бы перестал существовать перед лицом Откровения – даже «птицы не пели и земля молчала», но это было проявлением скорее Высшей силы, нежели внутренней. Следовательно, такое состояние не могло быть постоянным.

Но именно отсюда произошла способность мира самоочищаться, благодаря чему он становится все более «пригодным» для восприятия еще более высокого Откровения.

МОШЕ И МОШИАХ

Теперь мы можем понять, почему Мошиах = Моше + 1. Ибо Мошиах будет приведен посредством служения, которое делает единство явным, выявляет его, а способность к такому служению была передана через Моше.

Отсюда видна внутренняя связь между Моше и Мошиахом: второго приведут силы, полученные через первого. Это же выявляет и разницу между ними: изгнание и освобождение из Египта были необходимы ради дарования Торы, благодаря которому еврейский народ обрел способность очищать себя и весь мир. Задачей же Мошиаха является завершение этого процесса и начало нового служения, когда очищение мира уже завершено.

ЕДИНСТВО И ЛИЧНОСТЬ

Человек есть микрокосм Вселенной. Происходящее с миром находит отражение в жизни каждого человека в каждый момент: и когда он работает, совершая свое служение до вечера, и когда он доверяет на ночь свою душу Б-гу, и когда он снова получает ее на следующий день и начинает новое служение.

Служение каждого дня должно начинаться с молитвы и изучения Торы. Через них человек получает силу для служения (Б-жественный дух проникает с помощью молитвы во все его существо) и для преодоления дурного начала (Тора учит его правильному поведению). После этого человек в состоянии распространить это служение на область практического (до такой степени, что, согласно Рамбаму, «его мудрость проявляется в том, как он ест и пьет»). Его материальное существование в этом мире (символизируемом «хет» и «далет» слова «Эход») подчинено Б-жественной мудрости (алеф). Признание Единого пронизывает все его физические действия.

Затем, когда день его служения завершен, человек мысленно проводит «ревизию» поступков дня и вновь посвящает свое существование Б-гу. Он говорит: «В Твои руки вручаю я душу мою, Б-г Истины», а Истина и есть Единство. Слово «истина» – на иврите «эмес» – составляют первая, средняя и последняя буквы еврейского алфавита, напоминая нам о Б-ге, сказавшем: «Я Первый и Я Последний и кроме Меня нет бога». Нет реальности, кроме той, что исходит от Него: если букву «алеф» удалить из слова «эмес», получится «мес», что означает «смерть», то есть отсутствие жизни.

Так же, как Тора, переданная через Моше, дает миру силу привести Мошиаха, так и каждому человеку в отдельности она дает силу облагородить свою собственную жизнь и все окружающее, тем самым ускоряя наступление эры Мошиаха.

ВАЭРА

Моше по велению Всевышнего обратился к фараону, чтобы он выпустил еврейский народ из Египта. Но это привело только к усилению гнета евреев. Тогда Моше спрашивает Б-га: «Зачем Ты сделал зло этому народу?» – на что получает совет следовать примеру праотцев: Авраама, Ицхака и Якова, которые не задавали

вопросов о сущности Б-га. Ребе раскрывает природу их добродетели и причину вопроса Моше.

ВОПРОС МОШЕ

В конце предыдущей главы Моше вопрошает Б-га: «Зачем Ты сделал зло этому народу?» Иначе говоря, как могло случиться, что поручение Всевышнего потребовать освобождения евреев, выполненное Моше, принесло еще большие тяготы народу. Само по себе освобождение несло только добро («Тора Ор», Ваэра, 56д). Про Моше, исполнившего роль посланника, сказано: «И увидела она, что он необычайно хорош» (Шмойс, 2:2). А пославшим Моше к фараону, то есть освободителем, был Б-г и никто другой (поскольку только Он стоит выше природы, и освобождение людей, находящихся ниже «49-го уровня нечистоты» могло произойти только сверхъестественным способом), – образец добра и сострадания. Итак, если все составляющие данной миссии суть добро, то что же могло быть источником зла?

Ответ на вопрос Моше (он в начале нашей недельной главы) был следующим: «И говорил Всесильный с Моше, и сказал ему: “Я – Б-г. Я открывался Аврааму, Ицхаку и Якову в образе Всемогущего (Кель Ша-дай), но своей Б-жественной сущности (тетраграмматон) Я им не открывал”. Другими словами, Авраам, Ицхак и Яков прошли через много испытаний и претерпели много лишений, но не задавали вопроса “зачем?”».

И все же не все в этой истории ясно. Моше достиг больших духовных высот по сравнению с остальными. Он жил в седьмом поколении от Авраама, а мудрецы говорят: «Все седьмое всегда наиболее ценно» (Ваикра Раба, 29:11). Но если праотцы не спрашивали о сущности Б-га, как мог интересоваться этим Моше?

В своем ответе Б-г однозначно подчеркивает добродетель праотцев. Тогда почему Он не сказал: «Я открылся ... Израилю» вместо «... Якову»? Ведь имя «Израиль» находится на более высоком духовном уровне, чем Яков (см. беседу гл. Ваишлах).

Всякий рассказ в Торе имеет отношение к каждому еврею (Зогар). И Тора избегает употребления некорректных выражений даже по отношению к животному, что уж говорить о евреях и тем более о Моше, лучшем из них. Следовательно, критика Моше в Торе имела вескую причину: надо было подчеркнуть необходимость следовать примеру праотцев, не ставивших вопросов о целесообразности действий Б-га.

В данном случае подразумевается, что у каждого еврея в любом поколении есть выбор: вести себя подобно Моше или подобно праотцам. Мудрецы говорили (Брейшис Раба, 56:7): Нет такого поколения, где не было б человека подобного Аврааму или Ицхаку, или Якову... или Моше». Но касается это только особо выдающихся людей. А Тора была дана всем, в ней говорится о большинстве. Как же тогда можно говорить, что у каждого еврея есть выбор: вести себя, как Моше, или как праотцы? И надо ли в настоящем случае предпочесть пример праотцев?

МОШЕ И ПРАОТЦЫ

Разница между Моше и праотцами в том, что Моше олицетворяет собой Мудрость (на иврите – «хохма»), и именно через него была дана Тора, Б-жественная Мудрость. Праотцы же были воплощением Эмоций (на иврите – мидот). Авраам служил Б-гу главным образом любовью и состраданием. О нем сказано: «Авраам, любимый Мой» (Исайя, 41:8); и к людям, и к Б-гу он относился по-доброму во всех отношениях. Ицхак

служит образцом служения, основанного на страхе, он судил всех строго. В Торе о Б-ге сказано как о «Страхе Ицхака» (Брейшис, 31:42). Поэтому он не мог выносить абсолютно никакого зла в мире. «Помутились глаза его», когда узнал он об идолопоклонстве жен Эйсав (Раши). И, наконец, Яков воплощает милосердие – совершенное сочетание любви и страха, доброты и суда. «Всесильный отца моего, Всесильный Авраама и Ицхака был со мной» (Брейшис, 31:42) – то есть он соединил в себе обе формы служения Всевышнему. Следовательно, поведение его было совершенным даже при испытании богатством (добротой), когда он находился у Лавана, – «весьма разбогател этот человек (Яков)» (Брейшис, 30:43), и при испытании тревогой (судом), когда Эйсав привел четыреста человек, чтобы с ним сразиться. Через все «Яков прошел и сохранил свою цельность», то есть остался совершенным (там же, 33:18; Шабос, 33а).

Все сказанное не означает, что у праотцев отсутствовало качество Мудрости, а у Моше – Эмоций. Праотцы изучали Тору, как сказано у мудрецов: «Б-г дал Аврааму две почки, как двух мудрых людей, которые советовали ему и учили его» и «Со времен наших праотцев ешива (учебное заведение, где учат Тору) никогда не отделялась от них (еврейского народа)». Моше в свою очередь умел проявлять сострадание и вершить строгий суд. Вспомним его сочувствие, когда «увидел он их (евреев) тяжкий труд» (Шмойс, 2:11) и осуждение, когда он строго выговорил еврею за то, что тот дрался с другим евреем: «За что ты бьешь своего ближнего?» (Шмойс, 2:13). И все-таки основной характерной особенностью Моше была мудрость, недаром он передал еврейскому народу Тору, и она названа его именем: «Помни Тору Моше, раба моего» (Малахи, 3:22). А праотцы служили, в основном, силой эмоций, благодаря им этот путь стал наследием каждого еврея.

СМЫСЛ ВОПРОСА

Теперь нам ясно, почему Моше, духовные достижения которого выше, чем праотцев, задал Б-гу такой вопрос. Причина в том, что Разум, или интеллект, стремится все понять, и столкновение с тем, что недоступно познанию, становится препятствием на пути служения Всевышнему. Моше искал ответа – объяснения непонятого ему, чтобы продолжить путь к Всевышнему через познание.

ВЕРА, КОТОРАЯ НЕ ЗАДАЕТ ВОПРОСОВ

«Я – Б-г. Я открывался Аврааму, Ицхаку и Якову в образе Всемогущего (Кель Ша-дай), но своей Б-жественной сущности (тетраграмматон) я им не открывал». До дарования Торы Б-г раскрывался только как Элоким – ограниченное раскрытие, показывающее имманентность (внутреннее присутствие) Б-га в мире (поэтому имя Ша-дай представляет Б-га таким, каким Он проявляется в ограниченном мире – «Он, сказавший своему созданию: “Дай” – на иврите “достаточно!”» (Брейшис Раба, 46:2). Это мир многообразия, поэтому и имя Элоким дается во множественном числе. Но после Синая Он раскрыл Свое четырехбуквенное имя как знак бесконечного, преодолевающего все границы, Единства.

И в тот же момент все границы были стерты (Шмойс Раба, 12:3): и границы между высшими и низшими силами, и между Мудростью, Интеллектом и Эмоциями.

Поэтому Б-г сказал Моше: стоя на пороге освобождения, кульминацией которого будет дарование Торы, ты должен преодолеть грань, разделяющую Разум и Эмоции. И хотя ты человек Разума, надо уметь сочетать ум с силой эмоций, чтобы обрести веру, не задающую вопросов.

Поэтому, говоря об отцах, Он использовал имя «Яков», а не «Израиль», поскольку «Израиль» выше уровнем, чем «Яков» («Яков» на иврите соотносится со словом «экев» – пятка, тогда как «Израиль» составлено из слов «ли-рош» – «голова моя». Смысл этого указания для Моше состоял в том, что его Мудрость должна охватывать Эмоции, и одновременно быть заключенной в них при акте Каболас Ойл – принятии бремени веры. Высшее (Мудрость) и низшее («пятка») должны стремиться к взаимопроникновению.

ЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ

Эмоции не только пробуждают силу веры, не задающей вопросов, но и побуждают к действиям. Любовь заставляет человека «творить добро», страх «отвращает его от зла» (Тания, ч. 1, гл. 4). Но знание как таковое ведет к отчужденности. Разум, поглощенный познанием, теряет способность действовать. И даже если он в процессе учебы узнает, что надо делать, само желание действовать утрачивается.

Поэтому мудрецы предупреждали: «У того, кто говорит, что не занимается ничем, кроме (изучения) Торы, нет даже Торы». То есть изучение Торы само по себе может привести к отчужденности, а еврей должен сочетать его с непосредственным служением Всевышнему и состраданием к человеку. Учебу, саму по себе, не находящую отражения в действиях, нельзя назвать настоящей учебой.

«ОТЦЫ» И «ДЕТИ»

Вот почему Авраам, Ицхак и Яков, которые служили Всевышнему в основном силой эмоций, названы «праотцами». Отец – это тот, у кого есть дети. А «потомки праведных людей – их добрые дела» (Раши). Так как они люди Эмоций, а Эмоции ведут к действиям, их (главным) достижением можно считать «добрые дела».

Их заслуга также заключается в их потомках в прямом смысле слова. Они не отделялись от мира, заботились о благосостоянии других, поэтому передали свои ценности детям в вечное наследие.

Это объясняет загадочный комментарий, данный Раши на фразу в начале нашей недельной главы – «Я открылся». Раши добавляет: «Праотцам». Но это кажется естественным и не требующим упоминания, так как Тора сама продолжает: «Аврааму, Ицхаку и Якову». Однако Раши замечает, что именно в заслугу их «отцовства» им открылся Всевышний: не за личные духовные заслуги, а за то, что у них были потомки (под ними имеются в виду и «добрые дела», и дети, унаследовавшие их праведность). Б-г любил Авраама, «ибо Я предназначил его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после него следовать путями Б-га, творя добро и правосудие» (Брейшис, 18:19).

ЗНАЧЕНИЕ ОТВЕТА ВСЕВЫШНЕГО

Таким образом, ответ Всевышнего, данный Моше, заключался в следующем. Моше, не теряя своей природы человека мудрого, должен научиться отдаваться эмоциям, как это делали праотцы, чтобы, во-первых, его вера стала безусловной, не задающей вопросов, и, во-вторых, чтобы он стал человеком, претворяющим свои знания в дела. Действительно, мы увидим, что Моше в конце концов превзойдет в этом праотцев. Они были пастухами, оторванными от мира, Моше же растолковал Тору (Раши), принес ее в

мир, и нес на себе бремя пастыря еврейского народа, так что мог сказать: «Ты говоришь мне: “Неси его в лоне твоём” – (Бемидбар, 11:12).

Двусторонний процесс произошел при откровении на горе Синай: «высшее спустилось вниз», а «низшее поднялось вверх» (Шмойс Раба, 12:3). То же и во внутренней жизни человека. Высшее, то есть разум, спустилось в область действий, а низшее, то есть «пятка» Яакова (символ Каболас Ойл, или абсолютного принятия воли Б-га) поднялось до того, чтобы разум проникся безоговорочной верой.

Каждый еврей должен извлечь для себя урок из упрека Всевышнего (в адрес Моше): все евреи, на каком бы уровне они ни находились, должны работать вместе. «Главы колен твоих», должны «спускаться», чтобы заниматься с «дровосеками твоими» и «водоносами твоими», а те в свою очередь должны «становиться выше», изучая Тору (как «открытые», так и «внутренние» ее аспекты), выполняя Заповеди и «украшая» их. И никакой еврей, даже «главы колен твоих», не должен быть отдален в процессе своей учебы настолько, чтобы пренебречь участием в делах этого мира и безусловным принятием воли Б-га. Эта способность (сила) – объединить «высшее» и «низшее» – досталась нам в наследство от Моше. А способность действовать, благодаря которой через Моше смогло осуществиться освобождение из Египта, принесет нам окончательное освобождение, преодолевающее все границы, – непременно наступление эры Мошиаха.

БО

Десятая казнь – смерть египетских первенцев – от предыдущих девяти отличается, во-первых, тем, что названо ее точное время («около полуночи»), а во-вторых, евреям пришлось принять меры предосторожности, чтобы самим не пострадать: оставаться дома, начертая некий знак на дверных косяках.

Ребе объясняет особенности десятой казни, указывающие, как выясняется, путь, который приведет нас к окончательному освобождению – наступлению эры Мошиаха.

ВРЕМЯ И МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

Предупреждая фараона о смерти египетских первенцев, Моше упомянул час, когда это произойдет. Б-г говорил, что это случится в полночь, Моше же сказал «около полуночи» (Шмойс, 11:4): он опасался, что астрологи фараона могут ошибиться и, неправильно рассчитав время полуночи, обвинить его в неточности (Раши). Тем не менее, многое остается непонятным. Зачем вообще было упоминать о времени казни? Простого предупреждения о ее приближении, как это делалось раньше, было бы достаточно. Напрашивается вывод: между казнью первенцев и полночью есть некая связь, и, упомянув об одном, Моше должен был сказать и другое.

Десятая казнь отличалась следующими двумя особенностями:

– во-первых, евреи, чтобы избежать этого наказания, должны были начертать особый знак «на дверных косяках и притолоке» (Шмойс, 12:22) – знак кровью от обрезания и от пасхального ягненка;

– во-вторых, они всю ночь должны были оставаться дома: «Вы же не выходите за двери дома своего до утра» (Шмойс, 12:22), потому что «разрушительная сила, получив всю власть (вырвавшись на волю), не делит людей на праведных и грешных» (Раши).

Но зачем нужны были подобные меры предосторожности? От предыдущих казней страдали только египтяне, и сыновьям Израиля не надо было опасаться за себя. Почему же десятая казнь отличалась от остальных? И для чего были две предосторожности (знак из крови и укрытие в своих домах)?

ОСОБЕННОСТИ ПОСЛЕДНЕЙ КАЗНИ

Мы можем приблизиться к ответу, если поймем, что «ничем не ограниченная разрушительная сила» не действовала во время предыдущих девяти казней. Тогда были определены метод воздействия и степень повреждения, то есть казни имели границы, пределы. Град, например, уничтожил «лен и ячмень... а пшеница и полба побиты не были, потому что они созревают позже» (Шмойс, 9:31-32). Но казнь первенцев не была ограничена каким-то способом уничтожения; сила, «не делящая людей на праведных и грешных», была выпущена на свободу, и сынам Израиля пришлось защищаться от нее.

На более высоком уровне казнь первенцев отличалась не только методом воздействия, но и целями. Задачей остальных казней было не уничтожить египтян, а заставить их понять, что Б-г существует: «Так узнаешь ты, что Я – Б-г» (Шмойс, 7:17; 8:18; 9:14). Сынам Израиля, и так признававшим Б-га, подобный урок был не нужен (Тора Ор). Первые девять казней давали пострадавшим (но не убитым) возможность исправиться и извлечь урок, увидев силу Б-га. Целью десятой казни, поскольку все первенцы погибли, не могло быть стремление дать жертвам урок. Их надо было в наказание уничтожить.

В данной ситуации строгий судья мог бы спросить: в чем разница между идолопоклонством и деградацией евреев (Ялкут Реувени на Шмойс, Зогар) и египетских первенцев? Ведь и те, и другие заслуживают наказания. Следовательно, сынам Израиля необходимо было защитить себя от разрушительной силы – инструмента строгого суда.

Чтобы спастись, следовало выполнить два приказа. Во всем Египте разрушительная сила оказалась на свободе. Раз она относилась ко всем непредвзято и не знала ограничений, ни один знак не мог защитить от нее. Значит, сыновья Израиля были вынуждены запереться в домах. Поскольку казнь Б-жья «миновала» эти дома, то в них ее действие было ограничено. Следовательно была возможность и необходимость установить «знак», который отличил бы евреев от египтян.

ПОЛНОЧЬ И Б-ЖЕСТВЕННАЯ СУЩНОСТЬ

Непонятым остается следующее. Голос строго суда вопрошает: «В чем разница между безбожным Египтом и грешным еврейским народом?». Как «знак» может послужить ответом на такую претензию?

Десятая казнь была осуществлена «самим Б-гом, в Его славе и сущности». А Б-г не поддается описанию и, в частности, не может быть объектом строгого суда. На таком уровне любые обвинения бессмысленны и недействительны.

А вот как связаны десятая казнь и полночь. Полночь – время, когда всепроникающий «Свет» Б-жий обнаруживает себя. Она соединяет две половины ночи:

первую, ведущую от света к тьме, и следовательно, являющуюся символом строгости и сокрытия (гвура), со второй, ведущей от тьмы к свету, то есть символом добра и раскрытия. В какое-то мгновение, приведя две противоположные силы к гармонии и тем самым преодолев их, полночь становится временем, когда раскрывается Б-г и Его Сущность (Ор а-Тора).

Во время десятой казни Б-г проявил безграничную, бесконечную любовь к евреям, лишаящую оснований любые обвинения голоса справедливости. Когда этот голос говорит: «Разве Эйсав не был братом Якова?» (иначе говоря, разве они не равны?), Б-г отвечает: «Но я любил Якова и ненавидел Эйсав» (Малахи, 1:2-3). Потому что Его любовь к евреям глубока и неизменна, как любовь отца к своим детям: «Сыны вы Б-гу Всесильному вашему» (Дворим, 14:1).

Потому-то Моше указал фараону время казни («около полуночи»). Таким образом он намекал, что Всевышний свершит ее, используя свое превосходство над миром разума. В противном случае фараон считал бы, что евреи, грешившие, как египтяне, также пострадают во время казни, цель которой не научить, а уничтожить. И только безусловная любовь Всевышнего могла их спасти.

ЗНАК И ЛЮБОВЬ

Зачем же евреи все-таки должны были подать знак?

Чтобы принести в этот мир вечный свет Б-га, человек должен исполнять заповеди, записанные в Торе. Даже вечно существующая, безусловная любовь Всевышнего требует ответной реакции еврея, если он хочет ощутить и раскрыть ее внутри себя. Учитывая однако, что эта любовь безгранична, он должен ответить чем-то выходящим за пределы рационального. Таковы кровь обрезания и кровь пасхального ягненка. Еврейского мальчика обрезают, когда ему всего восемь дней от роду, и он еще не способен разумно мыслить. Этот союз, заключаемый между Б-гом и евреем, стоит выше человеческого понимания.

Принести ягненка в качестве пасхальной жертвы тогда было настолько опасно, что считалось актом самопожертвования (на иврите – месирас нефеш). Ягненок считался в Египте священным животным. Кроме того, сыновья Израиля должны были не просто зарезать ягнят, но до этого еще держать их в своих домах четыре дня, о чем египтяне, конечно, узнали. Самопожертвование лишено всякого рационального смысла. Таким образом, сам пасхальный ягненок был знаком евреев для Всевышнего, стоящим выше разума.

Б-г ответил евреям сверхъестественной любовью – любовью полуночи, любовью, исходящей из самой Б-жественной сущности, пощадив их во время десятой казни.

ВЕРА И РАЗУМ

Теперь мы можем разрешить видимое противоречие в утверждениях наших мудрецов, выясняющих, за какую заслугу израильтяне были освобождены из Египта. Из одних комментариев мы узнаем, что такой заслугой являлась их вера. «И поверил народ, и понял, что вспомнил Б-г о сынах Израиля и увидел их страдания, – и поклонились они, и пали ниц» (Шмойс, 4:31). В другой книге сказано, что они были награждены за то, что начертали знаки кровью: «В крови твоей – живи» (Иехезкел, 16:6).

На самом деле оба мнения по сути одно целое. Два знака выражают связь евреев с Б-гом узами, превосходящими разум. Вера евреев выходила за пределы рационального. До освобождения «ни один раб не мог убежать из Египта, потому что границы со всех сторон были закрыты» (Раши). Как угнетенный народ, 600 000 человек, постоянно находящийся под угрозой вымирания из-за указа фараона топить всех новорожденных мальчиков, может совершить побег? Выше человеческого разума была и вера евреев в миссию Моше, и обещанное Всевышним избавление. И такая вера породила безоговорочную любовь Б-га к своему народу, укрепившую их неразрывную связь. Знаки, ее выражающие, привнесли Б-жественную любовь в мир.

ГРЯДУЩЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

«Как в дни твоего исхода из Египта, явлю Я чудеса» (Миха, 7:15). Это значит, что грядущее избавление будет подобно тому, что было.

Выход из Египта стал наградой за веру евреев, что была выше человеческого понимания, веру, настолько глубокую, что она влияла и на их видимые, внешние возможности (символизируемые кровью обрезания) и даже на нечеловеческое окружение (пасхальный ягненок).

Подобно этому конечное освобождение будет наградой за веру, игнорирующую сокрытие Б-га, которое вызвано изгнанием. За веру, твердо хранящую убеждение в скором приходе Мошиаха. За веру, существующую не на поверхностных уровнях сознания, а создающую внутреннюю уверенность и пронизывающую все сферы жизни.

БЕШАЛАХ

В этой главе рассказывается о разделении Красного моря: его воды расступились благодаря сильному ветру, посланному Б-гом. Когда ветер прекратился, и воды сомкнулись над преследователями евреев, то, как нам сообщается, «море вернулось к своему обычному состоянию». Почему Тора добавляет эту поначалу кажущуюся лишней фразу? Мидраш усматривает в ней намек на условие, которое Б-г заключил с Красным морем при его создании. Условие заключалось в том, что в нужное время оно разомкнет свои воды для народа Израиля. Ребе исследует данный вопрос, анализируя роль природных объектов и сил природы в Б-жественном плане создания Вселенной.

РАЗДЕЛЕНИЕ МОРЯ

«И навел Моше руку свою на море, и возвратилось море поутру к обычному состоянию своему, а египтяне бежали ему навстречу – и опрокинул Б-г египтян среди моря»

(Шмойс, 14:27).

Мидраш комментирует это так. При создании Красного моря Б-г поставил условие, что оно расступится для народа Израиля, когда тому надо будет через него перейти. Таково значение фразы «море вернулось к своей первоначальной силе». Оно (море) выполнило условие соглашения, «которое Я поставил с самого начала» (игра слов «условие» и «первоначальная сила», которые на иврите состоят из одинаковых букв).

Но этот мидраш трудно понять, поскольку стих говорит не о том, что, разделившись, море исполнило свою задачу. Совершенно ясно: когда оно сомкнуло воды над преследующими евреев египтянами, речь идет о его возвращении к исходному состоянию. Существует такое объяснение. Талмуд рассказывает, как рабби Пинхас бен Яир приказал реке Гиннай разделить свои воды и на ее отказ пригрозил: «Если ты так не сделаешь, я постановлю, чтобы вода по тебе больше вообще не текла». Если то же самое верно по отношению к Красному морю, тогда его возвращение к «первоначальной силе» является свидетельством выполнения соглашения, заключенного с Б-гом. Однако этот ответ неполон. Во-первых, он предполагает, что если бы Красное море не расступилось, то оно не только не вернулось бы к своей силе, но вообще не имело бы никакой воды. Наш стих, с другой стороны, предполагает, что только полная сила Красного моря зависела от соглашения, но не само его существование в качестве моря. Второе. В любом случае мидраш сопоставляет слова «полная сила» и «условие». Но согласно такому объяснению сила моря только следствие первоначального выполнения соглашения, и она не связана с самим соглашением.

УСЛОВИЕ, ПОСТАВЛЕННОЕ В НАЧАЛЕ ТВОРЕНИЯ

Первую из этих трудностей мы можем разрешить с помощью Межеричского Магида (он слышал это от Бешта). Во время сотворения мира все природные объекты были созданы с условием, что они будут подчиняться воле праведников даже вопреки законам своего нормального физического существования. Следовательно, если они этого не сделают, то мало того, что перестанут существовать, а будет так, словно они никогда и не были созданы. Иными словами, если бы Красное море не расступилось, то в нем не просто больше не было бы воды, но не стало бы всего его предыдущего существования. Поэтому, когда стих говорит нам, что «море вернулось к своей первоначальной силе», он передает ту идею, что, выполнив соглашение с Б-гом, море тем самым не только обеспечило свое существование в будущем, но и оправдало в прошлом.

Этот момент может быть очень сложен для нашего понимания, поскольку хотя мы и знаем, что нечто может быть стерто, но его прошлое существование является для нас объективным фактом, который нельзя отменить ретроактивно. Мысленный блок на пути понимания такой возможности вызван двойственной светской концепцией, за которую цепляется наш разум. Суть ее в том, что во-первых, предметы имеют реальное и независимое существование, и, во-вторых, что наше течение времени, в котором мы не можем вернуться назад, изменив прошлое, является единственно возможным. С точки зрения иудаизма обе эти идеи ложны. Во-первых, объекты существуют только потому, что Б-г постоянно воссоздает их. А во-вторых, время – это идея для людей, Б-г же ею никак не ограничен. Фактически время было создано Им, и, следовательно, Он может быть вне времени. Отсюда следует, что если Б-г принимает решение отменить создание, «рассоздать» что-либо, то Он может сделать это и ретроактивно, удалив как прошлое, так и будущее существование объекта. Самой близкой аналогией в человеческих терминах, подходящей к рассматриваемому вопросу, представляется условное юридическое соглашение: если условие не выполнено, то соглашение не просто прекращает действовать, а считается несуществующим изначально.

ДВА ВИДА ЧУДЕС

И все же вторая трудность по-прежнему остается, ведь возвращение моря к первоначальной силе было результатом, но не выполнением самого соглашения. Чтобы разрешить эту проблему, мы должны сначала понять, почему мидраш считает необходимым дать комментарий на фразу «и вернулось море к силе своей». В чем здесь

проблема? А в том, что слов «и вернулось море» нам было бы достаточно для понимания, но если сказано еще и «к своей воле», то в этом должна быть какая-то дополнительная информация. Почему мы должны сомневаться, что первоначальная сила моря вернется? Есть ли основания полагать, что его разделение ради сухой полоски земли, по которой смогли пройти сыны Израиля, навсегда ослабило его, так что потребовалось второе чудо, восстанавливающее его силу?

Мы можем выделить два различных типа чудес:

1. Чудо, преобразующее саму природу объекта, тем самым вызывающее необходимость второго чуда, способного вернуть объект в первоначальное состояние (например, когда Б-г покрыл руку Моше проказой в знак подлинности откровения на горе Хорев, то потребовалось второе чудо, возвращающее руку в первоначальное состояние

(Шмойс, 4:6-7).

2. Чудо, изменяющее только внешний вид или форму объекта, но не производящее сущностных изменений, так что когда чудо прекращается, объект самостоятельно возвращается в первоначальное состояние (как реки, вода которых превратилась в кровь, – первая из десяти казней египетских, – позже снова стала водой (Шмойс, 7:19-25); это произошло потому, что сущность рек не изменилась, они по-прежнему оставались водой, когда из них пили евреи).

Поэтому, если мы скажем, что разделение Красного моря явилось чудом первого рода, то отсюда следует, что потребовалось и второе чудо, чтобы вернуть море к первоначальному состоянию. Такую версию отвергает разбираемая нами фраза, сообщая, что море вернулось «к своей силе», то есть изменилось лишь внешне, но не по сути.

Но фактически мы не можем так сказать, поскольку Тора уже отметила, что море находилось в разделенном состоянии постоянным усилием: «И гнал Б-г море сильным восточным ветром всю ночь» (Шмойс, 14:21). Отсюда понятно, что если бы ветер прекратился, море вернулось бы к своему нормальному состоянию само по себе. Тогда зачем же Торе нужно подчеркивать в следующей фразе, что море вернулось «к силе своей»?

Дополнительная информация о возвращении моря к его обычному состоянию должна заключаться в том, что все предыдущее его существование было оправдано выполнением условия, поставленного Б-гом. И хотя море выполнило его скорее разделением, нежели возвращением к исходному состоянию, видимый признак выполнения условия проявился лишь тогда, когда воды вернулись «к силе своей».

СУЩЕСТВОВАНИЕ ВРЕМЕННОЕ И ВЕЧНОЕ

Но для чего Б-гу заключать соглашение с морем и почему именно в момент его создания, ведь Его власть над собственными творениями не ограничена, и Он мог разделить море в любой момент, когда пожелает, и без его «согласия».

Комментарий Раши, провозглашающий: мир был создан «ради народа Израиля и ради Торы», не просто означает, что мир существует ради возможности народа Израиля исполнять волю Б-га на земле, но более того, благодаря служению еврейского народа мир освящается и становится «жилищем» для Б-га, таким образом реализуя свое предназначение.

Следовательно, поставив изначальное условие, что создаваемые объекты должны изменять свою природу, когда это необходимо народу Израиля, Б-г вписал в основной закон их существования саму возможность чуда. Поэтому, когда эти чудеса происходили, они представляли собой не перерыв в нормальном существовании объекта, но скорее продолжение и реализацию такого существования.

И действительно, это делает их существование явлением иного порядка. Они становятся не просто предметами, существующими какое-то время, а затем исчезающими, но скорее объектами, судьба которых (согласно сути их сотворения) связана с судьбой народа Израиля. А народ Израиля вечен – в глубочайшем смысле этого слова. Он является для Б-га «ростком насаждений Моих и творением рук Моих» (Ишаягу, 60:21), и благодаря этому природные объекты оказываются значительно большим, нежели инструмент в прогрессе народа Израиля (в этом случае они были бы связаны своими естественными функциями). Вместо этого они являются воплощением воли Б-жьей даже тогда, когда это предполагает изменения в их природе.

Именно поэтому выполнение морем соглашения с Б-гом мидраш связывает скорее с его возвращением к первоначальному состоянию, чем с разделением. Потому что, когда оно расступилось, обнажив сухую землю, то все еще не явило оправдания смыслу своего вечного существования. Ибо это могло быть изменение и отрицание его собственной природы. Но истинное выполнение его предназначения проявилось лишь по возвращении вод. И когда они вернулись, то именно к своему «исходному состоянию». Не просто к тому, чем были раньше, то есть водами моря, но к исходному состоянию вечных посланников для выполнения Б-жественной воли ради судьбы Его народа.

ХАНУКАЛЬНЫЙ СВЕТИЛЬНИК ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Поистине историческим событием началась Ханука в этом, 5761 году в Москве. В недавно открытый Московский еврейский общинный центр в Марьиной роще 21 декабря прибыл бывший премьер-министр Израиля Беньямин Нетаниягу, а вслед за ним впервые за всю историю России под своды еврейского Дома поздравить иудеев с праздником приехал президент России.

В своей приветственной речи Владимир Путин заявил: «В истории государства были времена, когда нельзя было ни выражать свою гражданскую позицию, ни обращаться к своим святым. Сегодня же Россия развивается как демократическое государство, и ничто не может помешать этому развитию».

Поздравляя евреев с Ханукой, Владимир Путин сказал: «Ханука отмечается прежде всего как победа духа, а не оружия, моральная победа. Без таких побед, такого чувства в сердце, которое они вызывают, невозможно построить ни эффективного общества, ни сильного государства».

По словам Путина, развитию отношений с переселившимися в Израиль бывшими соотечественниками он придает большое значение. «В Израиле нашего народа уже почти миллион. Я сознательно говорю, что содействую развитию отношений с нашими соотечественниками, потому что считаю большой исторической ошибкой отторгать этих людей», — заявил российский президент. Он подчеркнул, что выходцы из России, оказавшиеся за рубежом, дорожат русской культурой. «А мы, со своей стороны, должны беречь это отношение, любовь к нашей родине», — считает президент. Завершая свое выступление перед более чем 300 гостями праздника, российский руководитель предложил «так же тепло отмечать каждый праздник в России».

На память Владимиру Путину подарили ханукальный светильник – менору. Поблагодарив, президент России пообещал, что «свет и добро, которые будет излучать ханукальная менора, будут освещать и Кремль», и сам принял участие в торжественном зажигании меноры.

Хотя Ханука считается одним из самых веселых иудейских праздников и собравшиеся в тот вечер в общинном центре традиционно это подтвердили, Путин и Нетаниягу, сидевшие за одним столом, не забыли и о важных политических вопросах. Нетаниягу поделился с президентом России соображениями относительно развития ситуации на Ближнем Востоке и роли России как ко-спонсора ближневосточного мирного процесса. Он подчеркнул, что подходы к решению проблемы терроризма у России и Израиля идентичны. Обеим странам известно, что в борьбе с терроризмом существуют два основных правила: «отказаться от страха перед террористами» и «бороться и не сдаваться». И все же есть существенная разница между проблемами наших стран. «Если у вас расстояние до потенциальной угрозы 2500 километров, то у нас оно, — заметил бывший премьер-министр Израиля, — не более 25 метров». Российская общественность, по мнению Нетаниягу, должна понимать лучше позицию израильтян. Блиц-визит экс-премьера в Москву многие рассматривают как поездку для взаимных консультаций. Фоном общения Нетаниягу и Путина стали переговоры между палестинцами и израильтянами в Вашингтоне.

Этот приезд израильского лидера в Россию уже второй за последние два месяца. В интервью агентству РИА «Новости» 22 декабря он сообщил, что в ходе беседы Владимир Путин согласился: главное сейчас – подойти к вопросу арабо-израильского урегулирования с точки зрения реализма, и решение ближневосточной проблемы должно быть поэтапным.

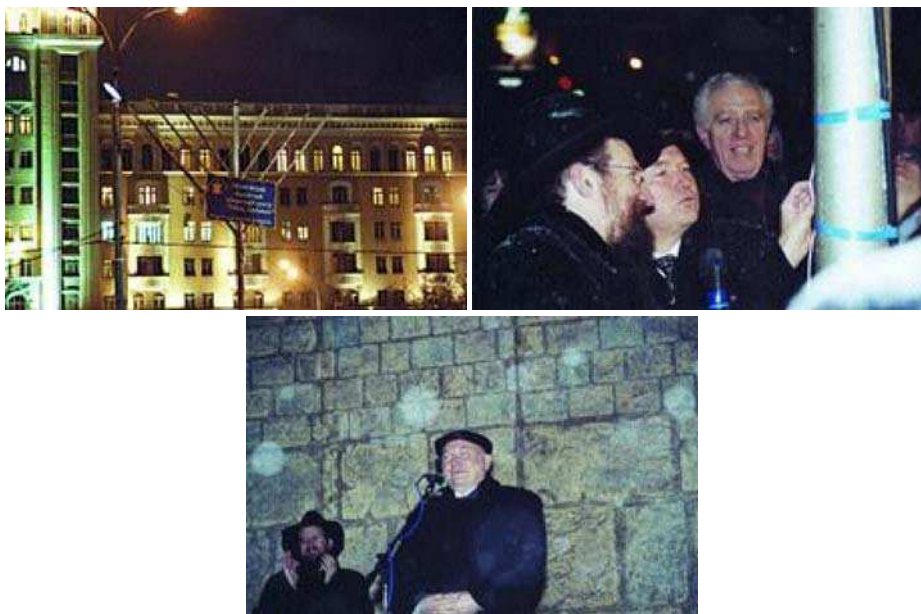
Беньямин Нетаниягу уверен, что Россия как ко-спонсор ближневосточного мирного процесса, имеющая тесный контакт как с палестинской, так и с израильской сторонами, может внести большой вклад в достижение взвешенного решения проблемы.

Визит Владимира Путина в общинный центр в Марьиной роще стал сенсацией мирового масштаба. Ведущие медиакомпании мира CNN и Netscape назвали это самым выдающимся событием дня. А в большом репортаже CNN о праздновании Хануки по всей планете основное внимание было уделено именно Владимиру Путину.

Ńai ai xadit ue

ТРИУМФ ХАНУКИ НА ТРИУМФАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

Вечером 21 декабря начался праздник Ханука, и во многих местах Москвы по этому поводу прошли торжества. В 18 часов состоялось одно из главных торжеств на Триумфальной площади. Главный раввин России Берл Лазар и мэр Москвы Юрий Лужков в присутствии президента Федерации еврейских общин СНГ Леви Леваева зажгли ханукальную менору. Обращаясь к съехавшимся сюда со всей столицы единоверцам, главный раввин России Берл Лазар в частности сказал: «Ханука – это праздник победы добра над злом, поэтому сегодня, когда вокруг нас темно и холодно, мы должны стараться делать еще больше добрых дел, чтобы принести в жизнь больше света и тепла».

«Шалом, мазл тов!» – обратился к евреям мэр Москвы. Он подчеркнул: «Как важно, что праздник этот проходит на московских улицах, и я счастлив, что улицы Москвы освещены теплым светом ханукий». Юрий Лужков пообещал: столичные власти будут делать все, чтобы «люди каждой национальности чувствовали себя в Москве как дома и имели возможность обучать детей родному языку, развивать свою культуру». После торжественной церемонии состоялся праздничный концерт с участием Максима Леонидова, выступившего с большой программой, Грушевского и других популярных артистов.

ВИЗИТ ГЛАВНОГО РАВВИНА РОССИИ В НОВОСИБИРСК

25 декабря в Новосибирске побывал с однодневным визитом главный раввин России Берл Лазар. Как сообщил пресс-секретарь главного раввина России Б. Горин, в

Новосибирске Берл Лазар принял участие в торжественной церемонии открытия нового здания еврейского лицея «Ор-Авнер» и в церемонии закладки первого камня еврейского общинного центра, который планируется построить в течение 2001 года. В трехэтажном здании общинного центра разместятся синагога, конференц-зал, библиотека еврейской литературы, спортзал, гостиничные комнаты, медицинские кабинеты, учебные классы, кафе и ресторан.

Еврейское население Новосибирска насчитывает около 20000 человек. Общину возглавляет раввин Залман Заклас, приехавший в город всего год назад и успевший многое сделать за такой короткий срок. Руководители практически всех региональных еврейских организаций отмечали, что за истекший год в жизни общины произошли беспрецедентные изменения к лучшему. А руководитель сибирского отделения Сохнута, выступавший на праздновании Хануки, призвал «всех евреев объединяться вокруг раввина».

В ходе поездки Берл Лазар встретился с губернатором Новосибирской области Виктором Толоконским, в беседе с которым он обсудил перспективы развития еврейской общины в регионе. Губернатор пообещал оказать содействие в строительстве еврейского общинного центра в городе, сообщает РИА «Новости».

Во время визита главный раввин России поздравил еврейскую общину Новосибирска с праздником Хануки. Он принял участие в торжественной церемонии зажжения праздничного светильника на одной из центральных площадей города.

Берл Лазар посетил также праздничный концерт, который прошел в Государственном академическом театре оперы и балета. Главный раввин России встретился с представителями еврейской общины Новосибирска. Вечером 25 ноября главный раввин России Берл Лазар вылетел в Москву.

Cài áí xàđĩ ùé

ДАРИТЬ СВОЙ СВЕТ

В канун праздника Ханука ученики нашей школы поздравили членов еврейской общины, особо нуждающихся во внимании и теплом отношении, – стариков, больных, одиноких.

Мы, ученики 8 класса донецкой еврей

ской школы, выехали со школьного двора, увозя с собой подарки: продукты, необходимые к празднику, собранные учениками и родителями, ханукии и наборы ханукальных свечей – подарок городской еврейской общины и вкусную традицию Хануки – пончики – «произведение» работников школьной столовой.

Мы – это мои одноклассники Таня Дрожжина, Женя Гольберт, Юля Плаксий, Рома Игнатъев и я. На уроках традиции и Торы Ира Резник часто говорила нам, что каждый из нас послан Всевышним, чтобы осветить обыденное, земное вокруг себя! И этот свет – не только свечи, зажигаемые по вечерам в каждом доме, это наш духовный свет: наши улыбки, наши песни, наши танцы...

Первый адрес. Здесь живет больная женщина Марина Крамаренко. Мы представляемся. Женя подробно рассказывает о школе, об уроках традиции. «А иврит трудно изучать?» – спрашивает Марина. «Нет, он легче английского!» Марина с интересом слушает рассказ об истории и традициях Хануки, о школьной жизни. Мы дарим ханукию и набор свечей, показываем, как нужно зажигать их. Взрослая женщина, как ученица, внимательно слушает, переспрашивает, уточняет подробности. Мы включаем магнитофон и поем песню о сэвивоне. Марина с удовольствием нам подпевает.

«Какие добрые, хорошие песни. Спасибо за добро, которое вы принесли в мой дом. Будьте всегда такими добрыми, отзывчивыми и ласковыми. Когда смогу свободно ходить, обязательно приду к вам в школу. Пусть во всех ваших домах будет тепло, радостно и светло», – сдерживая слезы, говорит Марина. Мы прощаемся: «До свидания, Марина. Пусть Ханука принесет в ваш дом счастье, здоровье и мир!»

И вот уже автобус, разбрызгивая лужи, мчит нас к дому, где живут Вера Абрамовна и Владимир Тимофеевич Кимовы. Владимир Тимофеевич едва передвигается по квартире. Вера

Абрамовна улыбается: «Я бодрее, надо же и в магазин съездить». Они рады гостям. Внимательно слушают наши рассказы и песни. Владимир Тимофеевич внешне невозмутим, лишь изредка задает вопросы, связанные с историей праздника. Вера Абрамовна не пытается скрыть волнения от нахлынувшей радости. Мы передаем Вере Абрамовне и Владимиру Тимофеевичу подарки, ханукию и, конечно, пончики! «Пусть в вашем доме будет тепло, светло, радостно и не болейте», – говорим мы. «Большое спасибо», – отвечает Вера Абрамовна. «Счастливого праздника», – уже с порога говорим мы. Она смотрит нам вслед, долго не закрывая дверь.

Еще несколько минут езды по городу, и мы на бульваре Шевченко, в доме, где живет Моисей Аронович Пискунов. Дверь открывает пожилой мужчина. Большие внимательные глаза на морщинистом лице улыбаются. Аккуратный, подтянутый Моисей Аронович приглашает нас в дом. Рассаживаемся. Знакомимся. Оказывается, его внучка училась в нашем классе. Заходит разговор об общих знакомых. Таня кладет на стол пончики. «Пончики испекли в нашей столовой». «Да!? – оживляется Моисей Аронович. – Я знаю, там очень хорошо готовят». И снова звучат рассказы о празднике и традициях. «Будьте здоровы, не болейте, живите долго», – прощаемся мы. Моисей Аронович очень растроган и благодарен. Как необходимо человеку внимание!

Когда возвращались домой, я подумала: «Какой хороший был день. Как здорово, что судьба и школа подарили нам возможность поделиться душевным теплом с этими людьми. Ведь это такое счастье – дарить людям радость».

Ёааа Нооіёоёау

ВАШ ВЫХОД, ЛАУРЕАТЫ

Сцена киевского «Театра на Липках» в этот раз собрала на фестиваль множество людей со всех концов Украины. Это вокальные и инструментальные ансамбли, танцевальные коллективы, оркестры и еврейские театральные труппы, это трио, квартеты и одиночные исполнители, это лауреаты и дипломанты всяческих конкурсов, обладатели Гран-При фестивалей и даже заслуженные артисты, люди взрослые и умудренные артистическим опытом. Донецкие мальчишки среди них были не только самыми юными, но и самыми неискушенными. Они ведь привыкли к концертам, где их ждали, но фестиваль...

После попури на идише «Лехаим» симпатией к юным артистам прониклись не только зрители. Высокую профессиональную оценку хору дали и строгие ценители искусства из жюри, и участники фестиваля. Диплом лауреата получил не только хор «Пирхей Донецк» в целом. Диплом и звание лауреата получил и солист, неподражаемый Сева Табачников.

– Ваш хор звучал так ярко и неожиданно, – делилась впечатлениями директор Центра еврейского образования в Украине Яна Яновер, присутствовавшая на фестивале и специально позвонившая в Донецк чтобы рассказать об успехе маленьких артистов, – ваши мальчишки – это просто чудо какое-то! А солист Сева – ну прямо-таки Иоселе-соловей!

Уверенность в себе, зрительскую любовь и профессиональное признание, диплом о том, что стали еще на одну ступеньку выше, и стимул к дальнейшей работе, к творчеству – вот что привезли мальчишки из Киева. А еще – множество предложений выступить с концертами во Львове и в Полтаве, в Киеве на мероприятии «Бабий Яр». Но это – задаток на будущее. А пока ребята из «Пирхей Донецк» приняли лишь одно предложение – выступили на заключительном

Гала-концерте участников фестиваля «Шалом, Украина». До чего же звонко звучали мальчишесчи голоса с той сцены, до чего стройной была каденция!

Поздравляем, лауреаты! Мазл тов!

Ōaēi Aōōē

ВКУСИТЕ – И УВИДИТЕ

Говорят, что в основе еврейского образа жизни, три «столпа»: шаббат, кашрут и законы супружеской жизни. Кошерное питание – это то, что необходимо еврею каждый день по несколько раз. И можно смело утверждать, что значение его настолько велико, что идеальные свойства еврейской личности, которые все мы так ценим, - ясность мысли, сердечность, благотворительность, преданность семье, человечность, благородство – не смогли бы сохраниться без этой важной составной в течение стольких веков, причем суровых веков нашей истории. Конечно, соблюдение кашрута, как и других законов еврейской жизни, требует определенных усилий – и от того, кто его придерживается, и особенно от того, кто его обеспечивает. Но, как известно, без физических, моральных и духовных усилий вообще невозможен хороший, стабильный результат.

Много трудностей приходится преодолевать главному раввину Новосибирска Залману Залаксу, чтобы обеспечить здесь евреев кошерным питанием и в первую очередь 140 учеников лицея «Ор-Авнер». Ежедневно в лицей завозят горячий кошерный хлеб, который выпекают в специальной пекарне, и прочие необходимые продукты. Как известно, растущему организму необходима белковая пища, и если с рыбой практически нет проблем – кошерные виды (у которых есть плавники и чешуя), как правило, всегда можно найти в свободной продаже, то к мясу у евреев особые требования, и, не наладив шхиты, традиционного забоя животных и птицы, его взять негде.

Наконец-то Залману Залаксу удалось договориться с руководством одной из крупнейших новосибирских птицефабрик о проведении там шхиты. Много необычного увидели работники птицефабрики, с большим интересом наблюдавшие за шойхетом. Во-первых, перед убоем животного произносится броха – соответствующее случаю благословение. Шойхет многократно и тщательно обследует лезвие ножа, которое должно быть заточено идеально, без малейшей зазубринки. Признано, что еврейский способ убоя – самый щадящий, быстрый и безболезненный.

Но правильно резать животное – это только половина дела. Надо еще обследовать тушу, затем разделать и кошеровать, то есть тщательно «обескровить» мясо. Тора предостерегает нас от употребления животной крови, поскольку в ней содержится «душа». Мясо обрабатывают в три этапа – вымачивают, тщательно высаливают и снова вымачивают, что в общей сложности

занимает около двух с половиной часов. Теперь мясо становится «легким» для нашего организма, причем ни вкусовые, ни полезные свойства его, вопреки расхожему мнению, не утрачиваются.

Конечно, много было работы и со шхитой, и при кошеровании мяса, зато какая была радость, когда поздно вечером мы получили первый результат всех этих трудов – ящики с кошерными курами в красивой упаковке со знаком «экшер» (гарантия кашрута) и надписью «Супер-кошер. Главный раввин Новосибирска Залман Залакс». Теперь можно обеспечить мясом не только учащиеся лица «Ор-Авнер», но и всех желающих, а их, к нашему счастливому удивлению, оказалось много. Люди приходят в синагогу и спрашивают кошерные продукты, а ведь совсем недавно большинство из них даже не знали такого слова – «кашрут»!

Вот мы и буквально узнали «вкус заповедей Торы»! Как сказал царь Давид, автор «Теилим» («Псалмов»): «Вкусите – и увидите, что Г-сподь благ!». Попробуйте и вы.

Ėāy Ī eēĭĭġāā

НОВЫЙ ГОД ХАСИДИЗМА В ДОНЕЦКОЙ ОБЩИНЕ

Освобождение 19 кислева 5559 года основателя Хабада рабби Шнеура-Залмана из застенков Петропавловской крепости стало праздником для евреев. Ребе вышел на свободу, получив не только оправдание царского суда, но, что намного важнее, указание Небесного суда распространять свет хасидизма по всему миру. Поэтому этот день называется Новым годом хасидизма.

О значении 19 кислева говорили и главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий, и преподаватели иешивы на торжественной Субботней трапезе, после окончания Субботы, где собрались учащиеся дневной и вечерней иешив, члены еврейской общины г.Донецка. Новому году хасидизма было посвящено занятие иешивы для девушек. А в воскресенье, 17 декабря, собравшиеся в женском клубе говорили о событиях, произошедших давно, но определивших судьбы еврейства на столетия вперед. В этот день евреи принимают решение о еще большем следовании заповедям Всевышнего, ведь 19 кислева дает нам для этого силы на весь будущий год.

Ėāĭ eā Bēĭāēā

ПРАЗДНИК КНИГИ В ВОЛГОГРАДЕ

В Волгоград пришел большой праздник еврейской книги! Фестиваль получился насыщенным и многожанровым, ведь при финансовой поддержке «Джойнта» его готовили такие энтузиасты, как преподаватели и учащиеся НОУ СОШ «Ор Авнер», воскресная школа «Возрождение», библиотека общинного центра, участники Семейного клуба и другие еврейские организации.

В помещении еврейского Центра разместились большая выставка книг. На Фестиваль еврейской книги их прислали из Москвы (Лозинский М.Т.), Ростова-на-Дону (издательство «Феникс», директор Вальдман Л.Е.), Санкт-Петербурга (библиотека института социальных и общинных работников, директор Кузьмина М.), от израильско-российского издательства «Гешарим» и «Мосты культуры» (директор Гринберг М.). Здесь же из информационных листовок можно было узнать об издательствах, приславших свои книги, номера телефонов, по которым эти издания можно заказать, ведь заинтересованных было, конечно, много.

Кроме новых поступлений, выполненных, безусловно, на высоком художественно-полиграфическом уровне, были экспонированы и архивные издания, любезно предоставленные «Сектором редкой книги» областной научной библиотеки им. М. Горького (заведующая сектором Селиверстова Н.В.). Это журналы «Еврейский мир» (1905 год), «Еврейская жизнь» (1902 год), «Еврейская энциклопедия» в 16 томах под редакцией Брокгауза и Ефрона (1905 год). Немалый интерес посетителей выставки вызвали и переданные в разные годы евреями-прихожанами в дар фонду библиотеки общинного центра экземпляры из личных библиотек: религиозная и художественная литература на идише, прошедшая через руки не одного поколения евреев-волгоградцев.

В размеренной и упорядоченной жизни Еврейского общинного центра этот день был по-хорошему необычным, шумным – звучали еврейские песни и инструментальная еврейская музыка. Воспитанники воскресной школы «Возрождение» подготовили хореографические и вокальные номера (руководитель Сысоева Б., хормейстер Иванченко М., хореограф Гуревич Е.).

В рамках фестиваля школа «Ор Авнер» подготовила и провела замечательный конкурс чтецов произведений детских еврейских поэтов –

С. Маршака, А. Барто, Г. Остера и других (ответственные преподаватели начальных классов Вишнякова Е. и русского языка и литературы Лянцман О.). В «Литературной гостиной», подготовленной О. Лянцман, в исполнении старшеклассников прозвучали поэтические произведения О. Мандельштама, И. Бродского, А. Галича, Ю. Визбора. На очередной встрече семейного клуба «Бейтиют» тоже прошли свои конкурсы – рецептов мясных, овощных кошерных блюд и выпечки из «Секретов а-идише мамэ», еврейских анекдотов, где поистине актерскими способностями блеснули Л. Маргулис, Л. Ройзен, Э. Чигиринский, Е. Гордон. Стихийно возник конкурс одностишей, на котором самыми «плодовитыми» оказались семья Глуховских, Т. Ройзен, Э. Ахмедова. Не остался в стороне от праздника клуб самых зрелых людей «Посиделки». Самодеятельные поэты И. Гольдин, М. Полянская, Л. Князик читали свои произведения о любви, о войне, о близких и далеких... Под аплодисменты собравшихся им вручили памятные подарки.

В секторе редкой книги областной библиотеки им. М. Горького приглашенные с интересом выслушали сообщение, заведующей Селиверстовой, которая в связи с фестивалем

еврейской книги провела встречу с горожанами, рассказав о сохранных во время Великой Отечественной войны изданиях на еврейскую тему. Собравшиеся увидели бесценный дар одного сталинградца-еврея, передавшего в фонд библиотеки семейную реликвию – миниатюрную Тору и молитвенный свиток.

И вот наступил последний день фестиваля, вернее вечер. Уютный гостеприимный зал Дома архитектора Волгограда с трудом вместил всех желающих. Гостей ожидал приятный сюрприз – столики с десертом. В фойе красовались обширная книжная экспозиция и выставка работ детского рисунка и всевозможных поделок учащихся двух школ – «Ор Авнер» и воскресной. А какой был концерт!

Победителей конкурса чтецов школы сменял на сцене хореографический ансамбль воскресной школы, после победителей конкурса еврейских анекдотов выступили ученик 8 класса Л. Ройзен, прочитавший стихотворение В. Высоцкого «Антисемит», танцевальный коллектив «Шма Израэль», мужская вокальная группа общины. «Гвоздем» программы стал известный волгоградский бард Алексей Куликов, исполнивший песни Визбора, Никитина и других всеми любимых авторов.

Так или иначе, с книгами связана вся еврейская жизнь. Окружающие народы называли нас «народом Книги», и это ко многому обязывает. Волгоградский фестиваль прошел на высоком уровне и послужил хорошим поводом еще раз обратиться к родной истории, оценить нынешние достижения и, конечно, открыл новые возможные перспективы для нас, взрослых, и, что особенно дорого, для наших детей.

Аידא עוֹץ אֵוִיל אֵי

ЩЕДРЫЙ СВЕТ ХАНУКИ

Дорогие евреи!

Трудно передать радость, которую принесли известия о Том, как проходила в ваших общинах Ханука. Подумать только: какая обширная география, и везде возобновилась еврейская жизнь! Разве это не Чудо, и можно было представить такое десять лет назад? Конечно нет, но можно было мечтать, и все мы, хотя бы в глубине души, очень-очень этого желали, стараясь делать всё, на что способны. А теперь даже захватывает дух: неужели с Б-жьей помощью свершилось?!

Думаем, вы испытаете те же чувства, когда увидите, какую значительную часть этого издания заняли ваши рассказы (а ведь они, по необходимости, были сокращены), и это послужит хорошим стимулом для дальнейшего энтузиазма: труды во имя святого не проходят даром! Конечно, вам будет полезно узнать об опыте других общин. Думается, при желании можно наладить с некоторыми из них прямые связи, чем-то обмениваясь, что-то заимствуя друг у друга. Пишите нам, если это произойдет.

Очень надеемся, что, войдя в колею, дальше дела пойдут еще успешней, и в будущем году даже всего объема нашего журнала не хватит, чтобы рассказать о возрожденной многообразной еврейской жизни. Тогда нам придется поломать голову, как «пробить» дополнительный номер. Но это, собственно, уже не ваша «головная боль».

Душой со всеми вами! Успехов!

ברוך ה' אלהינו «ה' אלהינו»

Абакан

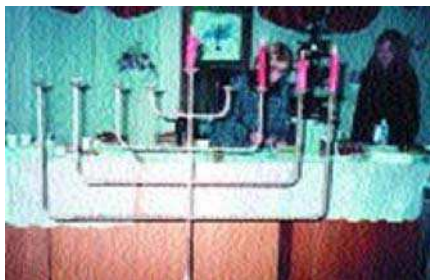

В фойе швейной фабрики, где находится офис общины, 23 декабря собралось 68 человек. Рассказ об истории праздника о том, что, Ханука – это освобождение, о том, что горело 8 дней масло. Зачитали поздравление от р. Лазара, прочитали ханукальную и субботнюю молитвы. К традиционному обеду были блины и пончики. Дети крутили юлу, выступал школьный ансамбль еврейской песни. Детям давали мелкие деньги. Потом выступали взрослые: читали стихи, пели.

Анапа

Праздник проходил 23–24 декабря в кафе «Пельменная» (Центральный рынок, павильон 183). Участвовал 21 человек. После исхода субботы прошла вечерняя молитва, потом с соответствующими благословениями были зажжены три свечи. На праздничной трапезе поздравляли с днем рождения члена общины М.И. Левину, детям сделали подарки, и пели традиционные ханукальные песни «Крепость и скала спасения моего» и другие, танцевали, играли. Все мероприятия проводились с полным соблюдением еврейских традиций и законов и способствовали приобщению к ним членов общины, их воспитанию.

Архангельск

Несмотря на сильный мороз в культурном центре Архангельска «Марфином Доме» на общинный праздник собрались около 150 человек. В фойе всех радостно встречала веселая еврейская музыка, а в главном зале ждали вкусные яства – пончики, соки, вино, фрукты.

Вначале выступили лидеры еврейских организаций города с поздравлениями и пожеланиями веселого праздника. Затем после интересного рассказа об истории и традициях праздника, подготовленного молодыми активистами, началось самое главное – молитва и зажигание ханукии. Медленно в зале погас свет, и председатель общины зажег три свечи главной ханукии (23 декабря). На всех столах стояли ее маленькие копии, поэтому у всех была возможность зажечь в этот вечер собственный огонь. Ну, а сразу после этого мы все вместе стали разучивать и петь традиционные песни праздника («Маоз цур», «Нер ли», «Свивон», «Ханука») с помощью замечательных аккомпаниаторов – девчонок из молодежного клуба.

Все дети получили сладкие подарки и сувениры.

Насколько хорошо знают о Хануке архангелогородцы, все узнали, проведя конкурс. Благодаря ему одни восполнили пробел в знаниях по традиции, другие получили призы. Главным призом шуточного конкурса стала банка «оливкового масла».

Перед началом трапезы ведущие рассказали о традиционных блюдах Хануки и их значении, после чего председатель сделал кидуш. За столом мы пели все известные еврейские песни, а после все пошло плясать под веселые хасидские мелодии.

Каждая семья, присутствовавшая на празднике, получила ханукии и календари на 5761 год, переданные от нашего главного спонсора — ФЕОР.

Праздник заканчивался, и все с улыбками, подарками, озаренные Б-жественным светом зажженной ханукии, покидали зал, благодаря спонсоров и организаторов.

Зажженная 23 декабря вечером ханукия озарила нас и напомнила многим, кто мы, и для чего более двух тысяч лет назад маленькая «кучка» еврейских храбрецов поднялась против надвигающейся на наш народ трагедии.

Самый светлый праздник в самые темные дни года – не чудо ли это?

Мы сердечно благодарны нашим спонсорам, главным образом ФЕОР, которая поддерживает нашу общину уже более года.

Астрахань

Вечером 24 кислева у астраханских евреев, как и у всех других в мире, начался светлый праздник Ханука. В празднично украшенной синагоге собралось 30 человек. Прошел Маарив. Потом член общины В.С. Рыжановский рассказал об истории Хануки. Была большая праздничная программа.

Вильнюс

Дудинка

Брянск

Волынский

25 кислева из Ростова на праздник приехали три представителя хасидских общин Америки и Франции. Шабат и праздник провели с нами. В этот день на празднике было 46 человек. После молитвы устроили трапезу. Пели субботние и ханукальные песни, было весело.

26 кислева на Шахарите присутствовало 40 человек. Затем сели за стол. Хасиды из Ростова рассказали о празднике. Пели.

27 кислева в синагоге собрались те, кто хотел надеть тфилин. Позже ходили с ребятами по домам и надевали тфилин на евреев.

27 кислева в Клубе учителя прошел большой праздничный концерт. В зале было около 250 человек. Председатель зачитал поздравление от р. Лазара, зажгли ханукальные свечи. Ребята из молодежного клуба показали спектакль «Ханука». Затем дети пели на иврите и танцевали. В концерте принимали участие многие самодеятельные коллективы и профессиональные артисты. Пели на иврите, на идише, на русском языке. Люди были очень довольны.

Ачинск

24 декабря мы праздновали Хануку в актовом зале педагогического колледжа, пришли 84 человека. После небольшого концерта и рассказа об истории Хануки председатель общины зажег ханукию. Потом раздали газеты и журналы, провели праздничную трапезу, сделали фотографии.

Братск

Праздник прошел в кафе «Бистро». Ханукию зажигал Даниил Степанов. После рассказа об истории и обычаях праздника выступил с поздравлениями руководитель общины С.В. Глузберг, члены общины П.Л. Четкин и Д.С. Деврин. Г.Ю. Басс провела детскую викторину. Мы танцевали и пели, и было очень тепло и радостно на душе.

Бийск

Праздновали Хануку 24 декабря. Председатель общины Я.Ю. Озорнин зачитал поздравление р. Лазара, рассказал об истории и традициях Хануки, о порядке зажигания свечей. Спектакль «Очищение храма» поставили учащиеся воскресной школы. Затем был праздничный концерт, пели песни, танцевали. Были праздничная трапеза, викторина «Ханука», караоке по-еврейски для взрослых и детей. Зажег свечи председатель общины. Все получили подарки.

Биробиджан

21 декабря в городском Дворце культуры собралось 700 человек. Раздача пончиков и латкес сразу всех оживила. После театрализованного представления состоялся концерт пяти еврейских коллективов: детского ансамбля «Элинот», ансамбля «Нежность», еврейского танцевального коллектива «Сюрприз», ансамбля скрипачей, танцевального детского коллектива «Мазлтов» и к тому же кукольного театра «Тайхел». Возле здания, в центре города, стояла ханукия высотой 4 метра, электрические свечи горели круглосуточно. На шабате, в пятницу вечером шесть клубов провели Хануку, было около 250 человек. Праздники проходили и 23 декабря в ресторане «Центральный», там собралось 130 человек. 24 декабря Хануку отмечала воскресная школа (120 учеников): свечи горели на всех столах, дети и педагоги обедали вместе.

В 260 км от Биробиджана есть село Амурзет. Община обеспечила евреев села ханукиями, праздник прошел в клубе, собрав 70 человек.

Благовещенск

В кафе «Орбита» пришли около 80 человек. В экспозиции и оформлении праздника мы использовали традиционную символику (председатель подготовил логотип ФЕОР). Звучало приветствие от р. Лазара, Джойнт помог с продуктами. Для праздника были заказаны торты с надписью «Ханука». Дети получили 24 подарка (в том числе ученики воскресной школы). Первую свечу зажег председатель.

История Хануки представлялась как «История в лицах». Руководитель проекта Кейчеймашина подготовила миниатюры, звучала классическая еврейская музыка, песни, в том числе гимн Хануки и песня «Делаван». Пустили по кругу чашку, чтобы собрать деньги, потом раздали их будущим ученикам воскресной школы, играли, крутили волчок.

Великие Луки

Празднование Хануки собрало 300 человек. В концертном зале музыкальной школы выступила театральная студия воскресной школы. Председатель общины А.С. Куница поздравил людей. Все получили подарки – календари, ханукии, пончики. Когда зажгли свечи, был концерт, выступал молодежный клуб. Праздничный ужин прошел в ресторане «Ловато». Зал был украшен гирляндами, звучала еврейская музыка, на столах горели свечи.

Владивосток

В честь Хануки во Владивостоке прошли дни еврейской культуры. Первая свеча ханукии была зажжена на банкете 22 декабря, а 24-го состоялся большой концерт «Свети, менора, свети!», в котором приняли участие творческие коллективы ЕРКО-Центра, один из которых клезмерский ансамбль «Ноар». Выступали лауреат международных конкурсов ансамбль камерной музыки «Кончертоне», ансамбль скрипачей «Элегия» под управлением Л.Ваймана, шоу-театр песни и танца «Фантазия» под управлением Г.Волковой и другие. Завершился концерт фейерверком.

В рамках фестиваля еврейской книги, приуроченного к празднику, прошло много интересных выставок: книжные — из библиотек общины и города и посвященная жизни и творчеству О. Мандельштама, выставка работ мастерицы Капустяник, вышивающей бисером, фотовыставка «Дочери Сиона», книжная ярмарка, презентации книг «Прикоснувшись к истории» и «Поваренная книга для евреек». В общинном центре состоялась викторина «Традиции еврейского народа».

Праздник отмечали во всех еврейских организациях города, в том числе в воскресной школе и клубе пожилых людей.

Владикавказ

На праздник, где присутствовало 53 человека, были приглашены представители администрации Президента. Праздник проходил в еврейской воскресной школе. Учащиеся и их преподаватели показали спектакль. Был концерт, угощение, всем детям вручили подарки. Праздник проведен и в клубах общины, организованных по возрасту, в том числе и в клубе по интересам для ветеранов ВОВ, вручены ханукии. Евреи познакомились с историей своего народа, с традициями и порядком проведения Хануки. Встречи послужили сплочению еврейской общины. Все благодарят за материальную помощь в проведении праздника.

Великий Новгород

В помещении Института медицинского образования 24 декабря прошел праздничный концерт молодежного клуба, хора ветеранов, было несколько номеров детской воскресной школы. Трапезу провели в ресторане «Садко». Выступал и.о. раввина Арье Бродкин, благословения на свечи произнес председатель, выступал молодежный коллектив.

Волжский

В нарядно убранном зале общины собралось 122 человека. В гости пришли представители других конфессий, было городское телевидение. Сначала прозвучали рассказы об истории праздника, затем самые пожилые и самые юные члены общины зажгли свечи ханукии. После этого начался праздничный концерт. Программу открыли дети: рассказывали о чуде Хануки, пели, танцевали, скрипичное трио исполнило еврейские мелодии, чтецы декламировали стихи, солисты восхищали вокальными данными и мастерством. В зале было весело и приятно. Все вместе разучивали еврейские песни, танцы, принимали участие в конкурсе на лучший еврейский анекдот. Получив сувениры в беспроигрышной праздничной лотерее, угощались кошерными вином, пончиками, другой снедью и радовались празднику и встрече с друзьями. А 26 декабря репортаж о нашем празднике был показан на телеканале Прометей-АСТ.

Выборг

Праздник проводился в помещении для торжественных мероприятий центра социальной помощи «Эгос» 24 декабря. В нем приняли участие 147 членов общины. А накануне праздника все мужчины выборгской общины надевали тфилин.

Вели праздник один из старейших наших членов Абель Шлосберг и ученик ешивы при Санкт-Петербургской хоральной синагоге Сандер. Начал торжество председатель общины Лев Креймер – зачитал поздравления, поступившие в наш адрес, начав с поздравления главного раввина России Берла Лазара. Затем Абель Шлосберг рассказал об истории Хануки и ее значении для еврейского народа, а Сандер прочитал молитвы и благословения. Зажгли огни ханукии.

После этого присутствующие разместились за праздничными столами, где главными блюдами были, конечно, пончики и картофельные оладьи. Звучали песни в честь Хануки на идише, иврите, русском. По окончании торжества все просили передать благодарность ФЕОР за помощь и поддержку.

27 декабря прошел праздник для 70 детей.

Дербент

Праздник проходил 23 декабря в кафе «Виктория», приняли участие 200 человек.

С приветственной речью выступил председатель общины Давид Абрамович Давыдов, после чего заместитель главного раввина Пангодой Рахамимович Шаулов зажег ханукальные свечи. Праздник прошел в атмосфере радости и веселья и завершился ханукальным ужином. Из программы вечера особенно всем запомнился конкурс на лучшие песню и танец. Победители получили календари и наборы ханукальных свечек.

Елец

Праздник проходил в здании воскресной школы в два этапа: 23 и 27 декабря. Было примерно по 36 человек. В программе первого праздника зачитано поздравление от р. Лазара, об истории Хануки рассказала Г.С. Кондрашова. После зажигания свечей прошел концерт учащихся

воскресной школы. На праздничной трапезе – латкес и суфганиет. В празднично украшенном зале был логотип ФЕОР. Всем присутствующим раздали подарки.

Иваново

Община с более чем столетней традицией, распавшаяся на 70 трагических лет, нынче возвращается к родным истокам. Накануне Хануки более 70 человек получили «зимнюю» помощь, 100 – продовольственные наборы, посылки.

22 декабря прозвучало поздравление по областному радио. В тот же вечер ханукальный шабат с нами проводили представители московского «Гилеля». Общинный седер проходил в залах городского лицея № 33. С интересом люди слушали историю праздника. В большом концерте выступил с моноспектаклем артист московского театра «Шалом» Г. Абрамов, с еще большим успехом прошло выступление учеников воскресной школы от 6 до 13 лет, подготовивших театрализованное представление (постановка преподавателей школы засл. артистки РФ З.И. Ступак и Розы Пуховой). Оля и Маша Татиевские, в то утро ставшие победителями областного конкурса молодых пианистов, выступили с произведениями еврейских композиторов. Завершился вечер играми и трапезой с традиционными блюдами. Многие впервые ели латкес, пончики, приготовленные по нашему обычаю. Победители викторины и конкурса на лучший рисунок о Хануке получили призы, детям раздали «ханука гелт». Всего в празднике приняли участие 230 человек, в том числе 40 детей (праздник прошел при помощи ФЕОР и частично ЕАР). Все получили ханукии и книжки о Хануке. Люди уходили, освещенные ханукальным огнем. Удался праздник в Иваново!

Екатеринбург

Житомир

Ижевск

В фойе кафе «Тизилык» 24 декабря гостей встречали народные мелодии, и это сразу создавало приподнятое настроение. Когда пришло время, ведущий пригласил всех в зал, за столики. После рассказа о празднике председатель общины «Магендавид» всех поздравил и прочитал поздравление раввина Берла Лазара. Зав. детским садом № 210 рассказала о перспективе открытия в новом году первой национальной еврейской группы и воскресной школы. Выступили и учредители общины, рассказали о ее задачах, поздравили с Ханукой. Из праздничного концерта особенно запомнились «Еврейское застолье» Валевица, дебют вокального детского дуэта сестер Рекетс и хореографического молодежного коллектива под руководством С.Б.Сухенько. После рассказа об истории Хануки прозвучали благословения и зажгли четыре свечи. Все получили ханукальные наборы, а дети еще и монетки. И, конечно, были угощение и танцы.

Йошкар-Ола

24 декабря 130 человек пришли в кафе «Меридиан». Поздравив с Ханукой, зам. председателя Басин зачитал поздравление от Института изучения иудаизма в СНГ, подписанное р. Адином Штейнзальцем. Звучали стихи: «Свет Хануки от Иерусалима к Йошкар-Оле», «Значение слова Ханука», «История Хануки» и другие, звучали песни о Хануке на иврите. Ханукию зажег гость из США – Беньямин Плотников. Выступал молодежный клуб, были танцы, игры, песни в исполнении молодежной группы. Вручали подарки – ханукии, раздавали латкес, трапезничали.

Калуга

На празднике было 105 человек, более половины молодежь. Выступали художественная самодеятельность, проведены конкурсы. Зачитано поздравление р. Лазара, зажигали свечи, пели песни. Было весело и красиво.

Очень красивый стол, много сладостей.

Каменск-Уральский

24 декабря арендовали столовую, чтобы провести праздник Ханука. Собралось около 60 членов общины. Председатель общины рассказал об истории праздника. Затем, после чтения молитвы, зажгли ханукальные свечи. Благословив вино, приступили к трапезе. После этого был концерт с участием самодеятельности общины, пели, танцевали под звуки камерного оркестра. В этот холодный на Урале день евреям было тепло и весело.

Касимов

22 декабря в кафе «Берег» для общины был организован праздничный вечер в честь Хануки. К сожалению, вместо 32 членов общины из-за гриппа пришел только 21. Люди собрались в празднично украшенном зале, где на центральном месте красовался флаг общины и плакат с поздравлением. Ведущая вечера Нестерова Ольга Израилевна рассказала о празднике и зажгла ханукальные свечи. Под еврейскую музыку собравшиеся угощались, общались, танцевали.

На праздник был приглашен руководитель местной татарской общины Адиль Агжитов. Он произнес приветственный тост и от имени здешних татар поздравил нас с Ханукой.

Те, кто из-за болезни не смог принять участие в праздничном вечере, зажгли ханукальные свечи дома. Пенсионеры и инвалиды получили продуктовые подарки.

Кемерово

Празднество шло в Музыкальном театре Кузбасса. Собралось на него около 300 человек. Торжественное приветствие, зажигание свечей, рассказ о Хануке предваряли концерт, на котором выступили самодеятельные артисты. Были праздничная трапеза, раздача ханукий, сладостей. Люди довольны.

Кинешма

Накануне праздника из Ярославля мы получили продовольственные наборы (от ФЕОР) и кому раздали, кому отправили домой.

22 декабря для 30 детей в воскресной школе был устроен праздничный шабат. Дети подготовили к этому дню замечательную выставку рисунков о Хануке.

На следующий день в комплексе «Садко» на общинный праздник собрались 100 человек. После поздравлений председателя Ю.А Левина начался концерт. Дети, молодежь, женщины очень порадовали своими выступлениями. Конкурс стихов, игры и викторины, танцы и песни раззадорили всех.

24 декабря 30 человек, дети и взрослые, ездили в Кострому, чтобы принять там участие в концертной ханукальной программе.

Киров

Праздник Ханука проводился в кафе «Лукоморье», среди 85 собравшихся было 10 детей. Вокально-инструментальный ансамбль С.Б.Сахара играл весь вечер. Зажигание свечей, рассказ об истории праздника, всевозможные конкурсы и, конечно, призы – все это создавало радостное чувство праздника и единения.

Клинцы

22 декабря на торжество собралось 42 человека (взрослых). В эти ханукальные дни главный раввин Брянской области И. Ройтман привез детям благотворительную помощь. На празднике зачитали письмо-поздравление от р. Лазара, поздравил общину председатель, читали стихи, рассказывали о Хануке, выступал самодеятельный хор. Было сладкое угощение. У детей, а их 29 человек, тоже был праздник. Все остались довольны.

Казань

Луганск

Николаев

Норильск

Кременчуг

Краснярск

Кострома

К Хануке готовились загодя: молодежный компьютерный клуб сделал поздравительные открытки, а женский – угощение на праздник, убирали в синагоге, украшали зал.

21 декабря на одной из центральных площадей города – площади Мира – была установлена большая ханукальная менора. Раввин Мойше Тамарин торжественно зажег первую свечу. Звучала еврейская музыка, и члены общины, и даже случайные прохожие танцевали около ханукии. Дети и взрослые зажгли бенгальские огни, так что света на площади стало еще больше. Здесь же раздавалось традиционное угощение. Все подняли в честь праздника «лехаим». Такой праздник на площади да еще с установкой большой общественной ханукии в Костроме проводился впервые!

За восемь дней в синагоге для разных возрастных групп прошло четыре встречи – познавательные, располагающие к общению. Все они сопровождались зажиганием свечей. У тех, кто по состоянию здоровья не способен выходить из дома, свечи зажигали волонтеры.

Праздничный театрализованный концерт состоялся 24 декабря в Дворянском собрании. На нем выступали наш общинный хор и детский коллектив из общины Кинешмы. В Интернет-клубе состоялась интересная игра, сопровождавшаяся зажиганием свечей и музыкальными номерами. В воскресной школе прошли праздничные занятия с конкурсами на лучшее знание иврита и другими.

Липецк

В пятницу в кафе «Молодежное» было 95 человек. Сделан логотип ФЕОР. Раздавали календари и ханукии. Когда зажгли свечи, встречали шабат. Зачитали поздравление р. Лазара. Председатель рассказал о программе общины. Провели праздничную трапезу с фруктами и сладостями. Люди довольны.

Магадан

22 декабря в помещении офиса общины собрались 22 человека. Первую ханукию зажигала старейший член общины А.Г. Пономарева. Другой член общины Н. Ткач рассказал об истории Хануки, обсуждали недельную главу Торы «Вайшев». Каждого из присутствующих попросили что-то рассказать о Хануке. Потом началась трапеза. Звучали еврейские мелодии, были танцы.

Магнитогорск

Во Дворце металлургов Магнитогорского металлургического комбината на большом торжестве в честь Хануки собрались 400 человек. С поздравлениями к ним обратились председатель магнитогорской общины Изя Яковлевич Котляр, заместитель главы города Чупрун Владимир Александрович, директор «ХЭСЭД-ЭЗРА» Геннадий Григорьевич Атеев, исполнительный директор культурного центра «Хаверим» Раиса Семеновна Ладзынь. На сцене была установлена специально изготовленная двухметровая ханукия, и когда было зажжено соответствующее дню праздника количество свечей, начался концерт. Большую, чудесную программу показали наши дети от 5 до 10 и от 12 до 19 лет, ансамбль 50-60-летних «Атиква» спел традиционные ханукальные песни и новую, специально написанную для такого случая Л. Вельгус на мелодию «Фрейлехса». Все завершила праздничная трапеза.

Махачкала

22 декабря – зажигание свечей на ханукии, мероприятие организовано совместно с ЕАР и Культурным центром. Около 100 человек приняли участие в праздничной трапезе. Председатель общины поздравил собравшихся. После рассказа об истории Хануки все получили подарки.

Миасс

22 декабря состоялось празднование в помещении столовой гимназии № 19, собрались 53 человека. Торжественно зажигали свечи уважаемые люди общины. В ханукальной гимназии состоялся урок иврита по теме Ханука. В праздновании принимал участие мэр города Владимир Стилианович Григориади. На трапезе вручали календари.

Набережные Челны

Все семьи общины перед Ханукой были обеспечены ханукиями, мы доставили их в Нижнекамск и в Елабугу. Начался праздник в общине (23 человека). На ханукальном шабате было 16 человек.

23 декабря местная телекомпания пока

зала поздравление председателя общины Семена Тельмана, а городские газеты вышли с ханукальными поздравлениями и объявлением о готовящемся на завтра большом мероприятии в Доме дружбы «Родник» «Мы рады тебе, Ханука!».

«Гвоздем» этого торжества стало театрализованное представление «Ханука в воскресной школе» с участием детей, учителей, родителей и всех остальных членов общины (ведущие – Арон Либерман, Элиза Сандиминова, Светлана Тельман). После рассказа об истории праздника началась «торжественная линейка»: председатель общины произнес благословения на иврите и по-русски, а ученица Катя Сторожук зажгла четыре ханукальных свечи. Прозвучали поздравления главного раввина России Берла Лазара, администрации ФЕОР, раввина Татарстана Иццока Горелика и других. Председатель сообщил, что из казанской синагоги даже прислали рецепты латкес и пончиков, – и тут же дети разнесли по рядам румяные пончики, что очень оживило, обрадовало зал.

Затем пошли «уроки» и «переменки». На «уроке» иврита дети демонстрировали знания языка, маленькая Сашенька Криц прочла стихотворение «Гезер» – ведь из морковки тоже делают латкес! На «уроке» истории и традиций дети рассказывали о восстании Маккавеев, о чуде с кувшинчиком масла, объясняли, как правильно зажигать праздничные свечи, играли в дрейдл. На «уроке» пения исполнялись ханукальные песни, на «уроке» хореографии родители впервые увидели, как их дети исполняют еврейский танец (поставила учительница Елена Сторожук). На «переменках» звучали песни на идише в исполнении Софьи Моисеевны Никифоровой, хореографический коллектив детского центра «Автозаводец» (руководитель Алла Кричевская) исполнил шуточный еврейский танец. В заключение все – и артисты, и гости, – спели ханукальную песню. У многих были слезы на глазах от счастья и ощущения единства.

На празднике было 170 человек, приезжала делегация евреев из Нижнекамска. «После такого праздника, такого приема мы еще сильнее захотели объединиться, жить общинной жизнью!» – с волнением в голосе говорили они. Мы пригласили их на «Праздник зажигания восьми свечей» и обещали помочь наладить еврейскую жизнь в их городе.

На завершающем праздник торжестве было примерно 60 взрослых и детей.

Новозыбков

Праздник для взрослых прошел 23 декабря в кафе «Ласточка». После рассказа о его традициях было зажигание свечей, потом состоялся праздничный фуршет на 35 человек. 24 декабря праздновали Хануку дети – 20 человек в баре «Алеф». Председатель рассказал о традициях праздника, показал, как зажигают свечи. Дети участвовали в конкурсах и получили подарки.

Новокузнецк

23 декабря в помещении воскресной школы в два этапа прошел ханукальный праздник. Всего на него собралось 200 человек, из них 50 детей. Зажигали свечи, были спектакль, концерт, посвященные Хануке, фуршет. Все получили подарки.

Новочеркасск

В зале столовой Новочеркасского техникума пищевой промышленности было 100 человек. После вступительного слова председателя общины А.Ясеника зажгли ханукальный светильник. Молодежный клуб общины подготовил театрализованное представление, выступил ансамбль еврейской песни (солист И.Г.Красильщиков). Победителям праздничного конкурса вручили подарки. Этим мероприятием мы старались привлечь к общинной жизни новых людей. Надеемся, это удалось.

Новороссийск

Первое празднование Хануки для 80 человек состоялось 22 декабря в банкетном зале гостиницы «Новороссийск». Председатель общины Д.А. Беккер зачитал поздравление от р. Лазара. Затем был концерт: выступали скрипачка И. Бреславская и пианистка Л. Сарос, детский хор. Завершился вечер фуршетом. 24 декабря было еще одно праздничное мероприятие.

Орел

Когда зажгли свечи, выступал хор детей и преподавателей воскресной школы, артисты, потом танцевали и пели под аккордеон.

Полевской

24 декабря во Дворце культуры собрались 45 человек, почти половина из которых дети. После зажигания свечей прошел концерт, посвященный Хануке. Были подарки для детей, фуршет.

Псков

В Общинном центре 22 декабря торжественно зажигали ханукию, присутствовали 30 человек. На следующий день был праздник для детей (60 человек) с подарками. 24 декабря в

актовом зале музыкальной духовой школы собрались 300 человек: зажигали свечи, были спектакль об истории Хануки, концерт и фуршет.

Рославль

Большое спасибо за средства, выделенные на праздник. Мы проводили его в помещении общины два дня подряд. В пятницу собрались 52 человека старшего поколения (большее количество не поместится за столами, негде будет повеселиться). В субботу собрались 56 человек от 20 до 45 лет.

Ханукию мы сделали из латуни сами на заводе «Алмазинструмент». Зажигали свечи в первый день председатель общины М.Хейфец, во второй – его заместитель В. Горячкин. На фоне ханукии, Торы и логотипа ФЕОР сфотографировали всех участников праздника, после чего был и ужин и веселье под магнитофон (песни на идише и иврите) и аккордеон (на празднике старшего поколения). Было весело, и, главное, люди знакомились: оказалось, почти половина не знала, что кто-то из них тоже еврей. Все остались довольны общением и благодарят руководство ФЕОР и устроителей праздника за радость приобщения к традиции.

Рыбинск

Спасибо за благотворительную помощь на проведение праздника. Вечер для всей общины был организован в большом зале Дома детского и юношеского туризма 23 декабря. Пришли 84 человека, зал с трудом вместил всех желающих. Были зачитаны поздравления от главного раввина России Б. Лазара, от общины Ярославля, от администрации города и других. Затем председатель общины Л.Х. Берковский рассказал о духовных аспектах праздника – о победе над ассимиляцией и чуде возрождения общины. Зажгли свечи, приглашенные из московского «Гилеля» ребята рассказали о победе над греко-сирийскими оккупантами, провели викторину, наградив победителей ханукиями и изготовленными нами же колокольчиками с национальной символикой. После этого выступили наши барды. Хором пели «Ам Исраэль хай», «Хаву нагилу», «Маоз цур» и другие. Женщины угощали всех латкес и суфганиет, испеченными по собственным рецептам. Были чудесное угощение, танцы (тоже с призами), фотографировались, замечательно общались. Разошлись поздно, неохотно, договорились отметить Ту Бишват. Было много благодарностей в адрес ФЕОР и организаторов праздника.

24 декабря в офисе «Лехаим» воскресная школа провела праздник для детей. В инсценировке участвовали 30 ребят. Все получили призы и подарки, «ханука гелт» были шоколадными.

Спасибо, дорогие друзья, за помощь, подарки, интересную игру «Ханука», за поздравления и за все, что вы делаете по возрождению жизни в нашем городе.

Самара

Северодвинск

Саратов

Рязань

На торжественном открытии праздника было зачитано поздравление р. Лазара, зажгли свечи. Были выступление учеников воскресной школы, литературно-драматическая композиция на тему «Ханука», песни, танцы, просмотр документального фильма, а потом праздничная трапеза, поздравление гостей. Ученики воскресной школы подготовили выставку рисунков. Завершился праздник выступлением председателя общины Л.С. Резникова.

Смоленск

Праздник Ханука состоялся 23 декабря в большом зале музыкального училища. Открыл его раввин города Е. Кантор. Были зачитаны праздничная телеграмма от главного раввина России Б. Лазара и приветствие от Президента В.В. Путина. После рассказа об истории праздника зажгли свечи. Было 93 человека. Выступали дети из воскресной школы, играли в «севивон», показали представление 24 декабря состоялся праздник в самой воскресной школе. Все остались довольны.

Сочи

В Зимнем театре 23 декабря собрались 120 человек. Посланники главного раввина России Б.Лазара Арон Липскер и Арон Поруш рассказывали об истории Хануки. До праздника раздавали ханукии. Пели еврейские песни, была праздничная трапеза.

Сураж

24 декабря 11 членов общины отмечали праздник в столовой. Зажигал свечи старейший член общины. Мэр города прислал поздравление. Выступал ансамбль детского танца и песни. Была трапеза.

Таганрог

22 декабря было празднование во Дворце им. Димитрова. Выступали ансамбль скрипачей (руководитель Гуревич), дети. Музыка, танцы, праздничная трапеза, зажигание свечей – все прошло на хорошем уровне.

23 декабря был детский утренник в Хеседе. Дети получили подарки. Все очень довольны.

Тула

23 декабря 280 человек пришли на концерт духового оркестра Тульской областной филармонии под управлением

П. Балина. Зажгли свечи, выступил председатель. Спектакль на тему истории Хануки подготовили члены молодежного клуба ЕАР (руководитель А. Рейсбах), прошел концерт ансамбля Клезмерской музыки «Альвай» под управлением М. Хатилина. Был праздничный фуршет, выступали дети. Присутствовали представители радио и телевидения.

Чебоксары

Праздник прошел по следующему сценарию: сначала были зачитаны поздравления от р. Лазара и от р. Горелика из Казани. Рассказав об истории Хануки, зажгли свечи. В концерте выступил хор, ученики воскресной школы подготовили спектакль. Были танцы, сольные номера в сопровождении скрипки и гитары, детская викторина. Вечер завершился праздничной трапезой и раздачей подарков.

Хабаровск

Чернигов

Светояр

Оренбург

Светлоярск

Ташкент

Сызрань

Чита

В празднике приняли участие 150 человек. Председатель совета общины Михаил Бурда выступил с приветственной речью, огласил поздравительное письмо главного раввина России Берла Лазара. Зажгли свечи, и начался спектакль об истории Хануки. В концерте участвовало много молодежи: танцевальный коллектив, вокалисты. Большое оживление и радость доставили викторина, конкурс на лучшее ханукальное блюдо «Веселый пончик» и шуточный «Ха ну-ка девушки». Венчала вечер праздничная лотерея.

Улан-Удэ

На празднике, который проходил в детском Доме творчества, собрались около 60 человек разных возрастов, и все благодаря поддержке ФЕОР получили в подарок ханукальные наборы. Для большинства из присутствующих это был первый в жизни еврейский праздник. Можно представить, каким волнующим для них был этот вечер. Ребята из молодежного клуба порадовали гостей стихами, песнями, танцами, небольшой постановкой. И.о. председателя общины В.Г. Хабирханов всех поздравил. Зажгли свечи. Еще этот праздник Ханука знаменателен тем, что ровно год назад была зарегистрирована «Еврейская община Улан-Удэ».

Энгельс

21 декабря собрались 110 человек, чтобы посмотреть концерт о Хануке, спектакль, принять участие в праздничной трапезе. Раввин Я. Кубичек поздравил собравшихся, были зажжены свечи. Музыка, танцы всем создали праздничное настроение.

Юрга

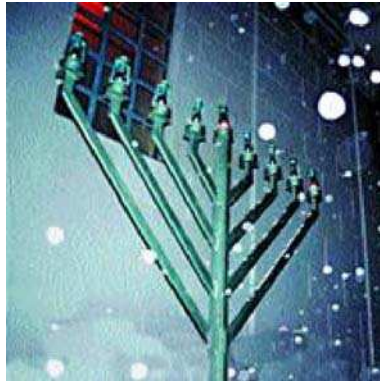

После вступительного слова председателя общины зачитано поздравление от р. Лазара. Зажгли свечи. Выступили ученики еврейской школы, были танцы, песни, кидуш с праздничной трапезой, вручение подарков детям и, конечно, песни Хануки.

Якутск

По прочтении молитвы зажигали свечи. Во время праздничной трапезы дети показали спектакль «Менора, горевшая 8 дней». Было 10 членов общины. Играли, участвовали в конкурсах, танцевали, пели.

Днепропетровск

В ханукальных мероприятиях 5761 года в Днепропетровске приняли участие тысячи человек. Впервые городской ханукальный светильник зажигался перед Хоральной синагогой «Золотая Роза». Каждый день сотни людей приходили сюда, чтобы участвовать в торжественной церемонии зажигания очередной ханукальной свечи.

В первый день Хануки состоялось ежегодное заседание попечительского совета днепропетровской еврейской общины, на котором были обсуждены основные направления деятельности еврейской общины и утвержден годовой бюджет. Президентом общины вновь избран Геннадий Борисович Боголюбов. Член президиума попечительского совета, народный депутат Украины Виктор Пинчук преподнес в дар Хоральной синагоге «Золотая Роза» два ларца для цдоки работы известного мастера Франка Мейслера.

Поэт Джимми Ллойд

Кульминацией ханукальных праздников стал концерт в здании днепропетровского цирка, на который пришло свыше двух тысяч человек. Днепропетровскую еврейскую общину тепло поздравили с праздником Хануки президент Федерации еврейских общин Украины р. Меир Стамблер и мэр города И.И. Куличенко. В концерте принимали участие хор мальчиков еврейской общины «Пирхей Украины», кларнетист Ханан Бар-Села (Израиль) и известный джазовый певец Джимми Ллойд (Великобритания). Праздничный концерт прошел с грандиозным успехом. По мнению многих зрителей, это был лучший ханукальный концерт с 1992 года, когда в праздновании Хануки принимал участие Мордехай Бен Давид.

Праздник отмечали во всех еврейских организациях: в детских садах, школе «Ор Авнер», женском педучилище «Бэт Хана» и других. И все отведали пончики – суфганийот, получили брошюры о Хануке и наборы свечей. Большое мероприятие для детей Днепропетровска

и других городов Украины было организовано в синагоге «Золотая Роза» детской организацией «Цивос Гашем».

Творческие коллективы днепропетровской еврейской общины в дни праздника гастролировали в Николаеве, Запорожье, Симферополе, Одессе, и их принимали с большой теплотой.

Член президиума попечительского совета, народный депутат Украины Виктор Пинчук.

Главный раввин Днепропетровска Шмуэль Каминецкий и мэр Днепропетровска Иван Иванович Куличенко.

Президент днепропетровской еврейской общины Геннадий Борисович Боголюбов.

Донецк

В праздничные дни Хануки Донецк озарился светом множества ханукальных огней. И это были не только яркие, как звезды, огни главной ханукии города, которые уже по традиции зажигали в самом центре на бульваре Пушкина, где желающих полюбоваться, как свет с каждым днем все больше разгоняет тьму, всегда ожидала веселая еврейская музыка и вкусные пончики. Шесть легковых машин с небольшими ханукиями в праздничные дни разъезжали по городу, освещая улицы огоньками на своих крышах. Зажегся ханукальный светильник и на сцене городского дворца молодежи «Юность», где главному раввину Донбасса Пинхасу Вышецкому помог разогнать тьму приехавший в Донецк с концертом Михаил Шуфутинский.

Искры главной ханукии Донбасса в этом году впервые зажигались во всех городах региона. Учащиеся ешивы «Томхей-Тмимим» в машинах с передвижными менорами в праздничные дни ездили по городам и весям этого края, радуя своими огнями всех евреев Донецкой области. На площадях, центральных улицах и во дворцах культуры небольших городков проходили веселые праздники с песнями, танцами, с неизменным поджаристым угощением. И, разумеется, свет маленьких ханукальных светильников вечерами виднелся во многих окнах. В семьях школьников национальной еврейской школы и воспитанников еврейского детского сада вертели веселый дрейдл, пели о чуде, произошедшем с кувшинчиком масла. Ханукальные истории, праздничный стол и свет, разгоняющий тьму, — это было почти в каждом еврейском доме.

Санкт-Петербург

Большой праздник состоялся 21 декабря во дворе Большой хоральной синагоги, когда зажигалась первая ханукальная свеча. Люди начали сюда стекаться еще задолго до его начала, чтобы занять места поближе к ханукии. Веселая музыка звала гостей в гостеприимно распахнутые ворота. Главный вход в синагогу был украшен разноцветными гирляндами, воздушными шарами.

Праздник начался выступлением председателя петербургской еврейской религиозной общины М. Грубарга. Председатель Санкт-Петербургского филиала РЕК М. Мирилашвили пожелал всем здоровья, благополучия и мира в семье. А затем традиционно зазвучала скрипка. Дети из школы «Бейт Сефер Менахем» произносили молитвы, и более полутора тысяч человек, заполнивших двор синагоги, вторили им.

Раввин Цви Пински – посланник Любавичского Ребе и директор организации «Бейт Хабад», сказав благословения, зажег большую ханукию, — тут же в толпе вспыхнули десятки, сотни маленьких огней. Двор осветился огнем фейерверка – праздник начался.

Играла музыка, звучали песни, клоуны и жонглеры веселили народ. Здесь собрались не только люди среднего и старшего возраста, но и огромное число детей, молодежи. Незабываемое впечатление оставила атмосфера, позволившая каждому ощутить себя в единой еврейской семье.

Рига

Подготовку к Хануке рижский центр «Хабад-Любавич» начал с того, что разослал евреям столицы Латвии около 1500 книжек об этом празднике, а с ними и приглашений на праздничную программу. Более 1000 подарков - ханукий с набором разноцветных свечек получили в маленьких городах Латвии.

В первый вечер Хануки (он выпал на четверг) ученики школы «Охел Менахем» с родителями и друзьями собрались на веселый праздник. Пели, танцевали, получили «ханука гелт». Отведав традиционных суфганиет, все вышли на улицу, где перед школой торжественно зажгли первую свечу. На трехметровой ханукии Менора, обращенная к оживленной улице, воспринималась как чудо и озаряла своим теплым светом тысячи людей.

В тот же вечер рижане были приятно удивлены, увидев зажженную ханукию в некоторых магазинах Риги. В центр «Хабад-Любавич» вскоре обратились многие магазины с просьбой не забыть их перед следующей Ханукой.

В пятницу школьники «Охел Менахем» посетили больницу «Бикур Холим». После небольшого представления ребята раздали всем, кто здесь лечится, пончики и ханукальные открытки, сделанные собственными руками. Благодаря детям забылись все горести и печали.

В этом году публичное зажигание меноры в Риге было особенно оживленным. Даже непогода не смогла помешать энтузиазму людей, пришедших на праздник. Здесь же можно было приобрести различные предметы еврейского быта: красивые меноры из Израиля, поздравительные открытки, книги и т.п. Сотни людей оказались счастливыми обладателями ханукий и свечек, разноцветных дрейдлов, бесплатной еврейской литературы.

Латвийское телевидение 24 декабря снимало ханукальный фестиваль. Дети читали отрывки из Торы, выступали с ханукальными песнями. Под веселую еврейскую музыку все пустились в пляс, и искры огней освещали это радостное зрелище. Четвертую свечу зажег уважаемый гость Аркадий Сухаренко из Риетуму Банка. А сюрпризом вечера стала лотерея, в которой разыгрывался билет в Израиль. Кстати, проигравших не было: все расходились с улыбками и с яркими, специально изготовленными к Хануке воздушными шарами.

Зажигание ханукии в Риге организовал раввин Шнеур Кот. Он же провел ханукальные встречи в других городах: Лиепае, Резекне, Лудзе и Вентспилсе. Целая неделя, даже восемь дней сопровождалась в Латвийской республике светом и теплом еврейского праздника.

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ

Газета в журнале

ЕВРЕЙСКАЯ ПЫТЛИВОСТЬ

Судьбы людские неисповедимы, еврейские, я думаю, в особенности. Лев Зиновьевич Ратманский – староста московской синагоги в Марьиной роще, знает, что герой гражданской войны комсомолец Михаил Ратманский, отдавший жизнь за революцию и воспетый поэтом Борисом Корниловым, приходится ему двоюродным дядей по отцу. Родители его тоже были далеки от синагоги, хотя справедливости ради надо сказать, по большим праздникам они все-таки вспоминали еврейские традиции. Что же его привело в синагогу и именно в Марьину рощу? Попробуем проследить этот путь.

Родился Лев Зиновьевич в 1930 году в Киеве. На Украине были и корни его предков. Мать с отцом – из Белой Церкви и из Овурича. У евреев на украинской земле давние корни, но в годы, когда маленький Лева явился на свет, национальные традиции были «непопулярны». Религия преследовалась, изживалась. Большевицкая идеология грубо претендовала на ее место.

В годы второй мировой войны вместе с мамой, медицинской сестрой, Лев «путешествовал» по госпиталям. В конце концов семья оказалась в Шуе (Ивановская область). Вернуться в Киев возможности не было, да и зачем? Все родные, что там оставались, оказались в Бабьем Яре. Так что в Шуе, российской глубинке, Лев заканчивал среднюю школу и закончил ее, между прочим, с золотой медалью, а потом отправился в Москву поступать в Институт связи.

К счастью, после войны судьба не готовила ему драматических «сюрпризов»: в институт он поступил сразу, правда почему-то оказался зачисленным на другой факультет. Позже выяснилось, что недоразумения в этом не было. И все же деятельный, настойчивый юноша сумел добиться своего и учился в конце концов там, куда и подавал документы. Как и его героический родственник, Лев был настоящим активистом, его избрали секретарем комсомольской организации факультета. И хотя институт пришлось заканчивать далеко не в лучшее время для евреев всей страны – в 1952-м, его, отличника учебы, безукоризненного комсомольца, оставили работать в Москве.

Надо сказать, «вульгарным» материалистом Лев Зиновьевич никогда не был и интерес к абстрактному, к философии имел всегда. Он отдавал себе отчет, что логикой невозможно постичь все, и конечно же, задавался вопросом: что там, за пределами постижимого?

Но все это тогда никак не соотносилось с его еврейством и национальной религиозной традицией. Интерес к иудаизму появился только к концу 80-х. Именно тогда Ратманский неожиданно встретил старого товарища Натана Файнгольда, работавшего в редакции «Мосад арав Кук» (Иерусалим), который в 1978 году выпустил книгу «Пророки». Из разговора с ним в душу запали такие слова: «На многие вопросы я никогда и нигде не мог найти ответов, а в Торе, в книгах Пророков я их нахожу».

После этой беседы, по признанию Льва Зиновьевича, что-то повернулось в душе. Он стал заходить в синагогу в Марьиной роще – еще в ту, деревянную. Почему именно туда? Просто было удобнее добираться. Только потом, перезнакомившись с прихожанами и многое от них узнав, он сердцем почувствовал, понял, что там и есть его синагога. Ну а благодаря молодому, образованному раввину Берлу Лазару это чувство переросло в уверенность.

Известно, что ворота к Б-гу открыты для тех, кто в них стремится. Надо только понять, что нам надо именно туда. Эту истину Лев Зиновьевич открыл для себя уже в зрелом возрасте.

Лет десять, как он приступил к изучению иврита. Пройдя курс в Туро-колледже, сейчас взялся и за английский – вот уж поистине национальная пытливость и жажда знаний! Лев Зиновьевич верит, что у евреев в России есть будущее и считает, что община в Марьиной роще тому убедительный пример.

וְאֵלֶיךָ יְיָ שׁוּבוּ

«ЗДЕШНЯЯ СТОЛИЦА» – НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Приехавшая из Шклова мещанка Голда Позен русским письменным совсем не владела, однако несколько поданных ею «военному Московскому генерал-губернатору генералу от инфантерии и кавалеру Михаилу Александровичу Офросимову» слезных прошений отличаются безупречным канцелярским слогом. Пространное изложение «нижайшей просьбы» она подписала по-еврейски, хотя почтенный генерал и кавалер наверняка идишем не владел и, скорей всего, даже никогда не видывал таких странных букв:

יבזקו גאליס

Мещане в ту пору немножко осмелели: два года назад сам царь проявил к ним уважение: – отменил их сословию телесные наказания, мужчинам и женщинам, как бы они ни провинились перед Б-гом и людьми. Теперь они имели полное право письменно обращаться даже к самым важным в Москве лицам. Но, если они были евреями, жить в столице по-прежнему не смели. А Голда Позен явилась в Москву именно, чтобы немножко там пожить, пока здешние светила подлечат ее тяжело заболевшую дочь.

Голда Позен, наверное, диктовала свои прошения человеку, владевшему двумя языками. Найти таких в православной Москве было можно – какого-нибудь старого солдата, с детства помнившего идиш и на долгой службе царю и отечеству выучившего русский. Кроме военных книг, такие нигде, конечно, не значились, будто бы и вовсе не существовали. Их имена возникали, только когда они старели и пытались осесть в Москве: ведь за те десятилетия, пока продолжалась служба, а начиналась она с мальчишеского детства, они большей частью совсем теряли связь с родными, с местечками, где родились, и из которых их насильно вывезли.

Можно даже предположить, что прошение мещанки Позен записал не кто иной, как знаменитый своим несравненным почерком писарь Евсей Тимашов, отставной унтер-офицер, прослуживший во второй столице империи, как и все еврей-кантонисты, целых двадцать лет. И, конечно же, его исконная фамилия Тишман «немножко» изменилась. Уйдя в бессрочный отпуск, остался в Москве. А возвратись он в местечко, не узнал бы не

то, что друга-соседа, с которым куролесил в детстве, а и родную мать. В Москве Евсей Тимашов женился, завел двоих детей и все думал, что остался в первопрестольной навсегда, потому что уже три года зарабатывал на хлеб перепиской бумаг в канцелярии самого Высокопревосходительства – господина генерал-губернатора, которого он, правда, только издали видел несколько раз.

Даже среди коренных гражданских писарей в Москве не было ему равных. Именно он окончательно переписывал бумаги своим безупречно ровным почерком, без единой погрешности, словно не писал, а печатал самые важные бумаги, и когда под ними ставил подпись сам генерал-губернатор, их отсылали в Санкт-Петербург не кому-нибудь, а Его Императорскому Величеству, министру внутренних дел и другим важным особам. А распоряжения, к примеру, обер-полицеймейстеру Арапову Николаю Устиновичу писал уже кто-то другой и, конечно, не таким ясным, благородным почерком.

И представить только: именно в те дни, когда приезжей шкловской мещанке потребовались писарские услуги, у Евсея Тимашова и самого случилась неприятность: полиция, вдруг спохватившись, потребовала, чтобы он немедленно покинул «здешнюю столицу», потому как рожденный евреем не имел права жить в ней, хоть проведя тут три четверти жизни. И теперь он не знал, куда ехать с семьей, мучился, сомневался, живы ли родители.

Так в сохранившейся донныне папке канцелярии московского генерал-губернатора рядом оказались разные прошения двух лиц, писанные одним и тем же неповторимым почерком. Если придется к месту, когда-нибудь будет рассказано и о горестной судьбе самого переписчика бумаг, которого в раннем детстве власти оторвали от дома, сделали безродным. Сейчас же продолжим грустную историю шкловской вдовы, приехавшей в Москву с больной дочерью.

Сохранилось не одно, а несколько ее прошений. Самое первое, оно же и самое длинное, записано по большей части явно с ее голоса, в переводе и без единой грамматической ошибки, но нестройно и с бесконечными повторениями:

«Я, старая бедная женщина, имеющая единственную дочь, одержимую жестокой болезнью, и по совету шкловских врачей, объяснивших, что они не в состоянии лечить подобную болезнь, собрала последние мои средства и поехала в здешнюю столицу...».

Любопытная деталь: в канве прошения видны и вовсе не позенские «обороты». Как и во всех тогда документах, в письме вдовы Москва называется «здешней столицей». В среде все еще обиженных коренных благородных жителей первопрестольной так было заведено, чтобы другие не забывали: заносчивый Санкт-Петербург – не единственный главный в империи город. Конечно, Голда Позен не могла знать и другого «высокого» канцеляризма – «одержимая». Так называли людей, страдающих душевной немощью – несчастная же дочь Голды Позен страдала, как потом станет ясным, ногами.

Но послушаем шкловскую мещанку:

«...Я не предполагала, что излечение моей дочери потребует много времени и, как старая неграмотная женщина, не знала, что, как еврейке, мне нужно иметь особые документы для того чтобы прибегнуть к помощи знаменитых московских профессоров...».

Наивная женщина умоляла о большой милости: разрешить пребывание в «здешней столице» ей с дочерью только на время лечения! Ответа не последовало. А когда уже была назначена операция, преследуемая квартальным надзирателем обеспокоенная мать снова обратилась с мольбой по прежнему адресу.

Это письмо (фонд Объединенного московского архива № 16, опись 24, дело 554) сочинено явно не Евсеем Тимашовым: не тот безупречный каллиграфический почерк и другие выражения.

Зато еще явственней живой голос Голды Позен. Это письмо, пролежавшее в архиве канцелярии сто тридцать пять лет, датировано 8 мая 1865 года. Такое давнее, оно все еще волнует:

«Ваше Высокое превосходительство в великой милости своей изволили низойти к просьбе 60-летней старухи и по удостоверению доктора о болезни моей дочери полиция не беспокоила нас. Исполненная благодарности к Вашему Высокопревосходительству, не переставала во все это время молить Б-га о Вашем здравии и благоденствии. Ныне же наступило то благодатное время, когда здешние господа профессора, к совету которых я своевременно прибегла, решились бы приступить к операции, которою обусловлено лечение моей дочери. Но полиция вновь гоняет нас из Москвы, а так как паспорта у меня отобраны полицией и отосланы по месту жительства, ни в клинике, ни в больнице не принимают нас лечить дочь, а дома лечить ее нет никакой возможности... Сжальтесь, ради Б-га – дома четыре беззащитных малюток – прикажите не выгонять нас из Москвы, а паспорта возвратите, сохраните жизнь моей дочери, потому что выяснилось, что дочери нужна операция».

Найдено еще одно письмо несчастной матери «военному генерал-губернатору и кавалеру господину Офросимову», а в нем такие строчки:

«Защитите бедную вдову и ее больную дочь. Это неизбежно лишит жизни обеих... Сблагovolите приказать возвратить мне мой паспорт и дозволить проживание в Москве. Вечно будем молить Б-га за Ваше долголетие и благоденствие».

И знакомая подпись еврейскими буквами: «Голда Позен».

А что в ответ? Документ № 1289, отправленный московским военным генерал-губернатором своему обер-полицеймейстеру господину Арапову Николаю Устиновичу после ознакомления с заключением врача городской больницы:

«...Дочь еврейки Позен действительно больна... Я не встречаю препятствия к дозволению проживать в Москве вплоть до выздоровления».

Однако бдительный обер-полицеймейстер решил дело иначе, видно, подозревая коварный обман и притворство:

«...Имею честь донести, что дочь еврейки Позен, по свидетельству частного врача, оказалась телосложения крепкого, тридцати пяти лет от роду, правая нога у ней несколько короче левой и вверху осталась опухшей вследствие бывшего ревматизма тазобедренного сочленения, отчего значительно хромот. Как объяснить то, что она, Позен, прожив в Москве, никакой медицинской помощью не пользуется? Я полагаю бы ей, Позен с дочерью, проживать в Москве не дозволить».

И, дабы предупредить «еврейский заговор», добавил нечто еще, что, наверное, и решило участь подательницы прошения и ее дочери:

«Занятий никаких не имеет и чем содержит себя неизвестно, а надо полагать, что помощью единоверце».

Судя по документам, безутешная шкловская мещанка все-таки продолжала бороться. И ей удалось немислимое: дочь еще раз осмотрел сам господин Николай Петрович Петров, профессор городской больницы, принадлежавшей городскому самоуправлению, и нашел серьезное, но поправимое заболевание, и еще раз назначил операцию, если будут представлены паспорта. Но поздно...

2 августа 1865 года за № 7337 вышло окончательное решение военного генерал-губернатора: выслать из Москвы Голду Позен с ее больной дочерью «в одну из губерний, где проживать евреям дозволяется». Надо думать, что мать с хромой дочерью поехали не куда-нибудь, а в Шклов – к своим «беззащитным четырем малюткам», туда, где ждали их и паспорта, для пущей предосторожности отобранные и переправленные «куда следует».

В делах канцелярии московского военного генерал-губернатора больше никаких документов о судьбе вдовы и о ее больной дочери не встретилось.

Αἰὰὐτῆε Δράει ἴα

РАВВИН БАРИТ И ХУДОЖНИК ТУМАНОВ

Прогулка. 1993 год.

В XIX-м и даже начале XX века Москва еще не числилась среди значимых «еврейских» городов Российской Империи. В XIX веке таковыми были Вильнюс – Иерусалаим де Литва, просветительский центр еврейства целой империи, Варшава, где еврейское население составляло заметную часть и даже «нажило» свою элиту. С 60-х годов XVIII века своеобразным центром становится Одесса: не традиционным, а центром нового просветительства, в чем существенную роль сыграла Хаскала («Просвещение» – идейное движение, в основе которого было стремление к

европейскому образованию, примирению его с традиционным иудаизмом), с одобрением встреченное еврейской интеллигенцией. Именно здесь, в Одессе, возникло такое явление, как русско-еврейская культура, во многом предопределившая еврейскую жизнь России на десятилетия вперед. В начале XX века центром еврейской жизни стал Санкт-Петербург, и переместился оттуда в Москву он только после Октябрьской революции, зато обосновался прочно, достойно и естественно. Оттого именно в Москве появился в наши дни самый большой в СНГ еврейский общинный центр в Марьиной роще...

Натюрморт. 1991 год.

В еврейскую историю XIX века прочно вошло имя крупного талмудиста и общественного деятеля Якова Барита, известного также под именем Янкеля Ковенского. Интересно не только то, какой след в еврейской истории оставил этот человек, но и то, как еврейская история преломилась в его судьбе, на редкость удачно, даже идеально соединив традиционный иудаизм и европейское образование, ничуть не послужив ассимиляции; его жизненный путь пролегал там, где были и в будущем суждено было быть центрам национальной жизни евреев.

Вот что сообщает о нем еврейская энциклопедия Брокгауза-Ефрона.

«Рано потеряв родителей, он 14 лет от роду переехал в Ковно, где изучал Талмуд в Бейс а-мидраше предместья Слободка. Женясь, 18 лет продолжал отдавать все свое время научным занятиям. В 1822 году Барит, лишившись жены, переехал в Вильно, где вторично женился. В доме тестя он близко сошелся с одним из представителей «просвещения», по инициативе которого стал усиленно заниматься самообразованием и вскоре приобрел солидные познания в новых языках, математике и астрономии. Как и большинство русско-еврейских ученых того времени, Барит для добывания средств к жизни занимался торговыми делами; его винокуренный завод был закрыт после закона 1845 года, запретившего частные винокуренные заводы в городах, и Барит потерял при этом все свое состояние. В 1850 году он стал во главе основанного раввином Хаимом Парнесом ешибота для подготовки раввинов. Преподавательская деятельность Барита длилась 25 лет; болезнь принудила его покинуть пост. Его лекции отличались необычайной ясностью и стройностью изложения, что особенно выгодно выделяло его из склонных к схоластическим и софистическим тонкостям польских талмудистов того времени; многие из его учеников стали впоследствии известными раввинами и учеными. Несмотря на то что Барит был строгим ортодоксом, он пользовался большим уважением среди прогрессивных слоев еврейства. Посетивший Вильно в 1846 году Моисей (Мозес) Монтефиоре (выдающийся филантроп и общественный деятель, о нем см. «Лехаим» №10 за 1999 год. М.К.) родившийся в Италии и заслуживающий, безусловно, отдельного очерка. Авт.) вел продолжительные беседы с

Баритом, при участии которого была составлена им петиция императору Николаю I об улучшении положения русских евреев. С конца 40-х годов становится признанным представителем виленской еврейской общины. В 1852 году Барит был в составе делегации, отправившейся в Петербург с петицией по поводу изданных в том же году (8 января и 16 августа) тягостных для евреев рекрутских правил. В 1855 году, когда возник проект пригласить в столицу главных раввинов еврейской черты для обсуждения вопросов, касающихся еврейства, весьма расположенный к Бариту виленский генерал-губернатор Назимов рекомендовал его как наиболее достойного представителя Виленской губернии. В созданных (по закону 18 мая 1848 года) в 1856 и 1862 годов раввинских комиссиях Барит был одним из самых деятельных участников и, председательствуя на всех заседаниях, выказал много политического такта и зарекомендовал себя прекрасным оратором. Он горячо отстаивал интересы своих единоверцев, и его аргументы против клеветнических нападок и огульных обвинений евреев производили в комиссиях сильное впечатление на представителей правительства. На предложение Назимова высказать свое мнение, какими мерами можно облегчить положение евреев, Барит в своем письменном ответе указал на необходимость отменить ограничения в выборе местожительства и разрешить селиться в столицах отбывавшим военную службу, ремесленникам и купцам второй и третьей гильдий. Барит принимал также участие в третьей раввинской комиссии (1868); по его инициативе была созвана генерал-губернатором Кауфманом комиссия для расследования обвинений, возведенных на евреев Брафманом (памфлетист, известный своими нападка на евреев; выкрест. М.К.); Бариту удалось убедить ее членов в лживости и неосновательности этих обвинений, и председатель комиссии Спасский в знак своего уважения посетил Барита и оставил ему свою фотографию».

Раввин Барит.

Интересно, что одна из ветвей потомков Якова Барита обнаружилась сегодня в Москве. В силу разных причин они оказались далеки от духовной традиции, которой посвятил себя их предок. Хотя яркость его личности отразилась и в нынешнем поколении: правнук Якова Барита – всемирно признанный... русский художник Александр Туманов. В недавней беседе он признался:

– Меня все больше тянет к прошлому и радует оживление еврейской жизни в Москве. Когда я смотрел репортаж об открытии общинного центра в Марьиной роще, своим глазам не верил, хотя знал, что так оно и есть.

Александр Туманов много поведал мне о своем предке. Кроме уже известного читателю, он сказал:

– О моем выдающемся пращуре было сложено так много легенд, что я мечтаю когда-нибудь их записать. Моя мама его внучка, но фамилия Барит до нее не дошла, похоже, она вовсе затерялась: среди потомков Якова Барита в третьем-четвертом поколениях, видимо, не было мужчин. Во всяком случае я не встречал такой фамилии.

– А откуда фамилия Туманов?

– Дед по отцу – вроде бы из видных революционеров. По дошедшим до меня рассказам, он был известным чекистом в Минске. От него и пошла фамилия. Впрочем, гораздо больше я знаю о своем более далеком предке Янкеле Ковенском. Рассказы о нем, казавшиеся легендами, дошли до мамы, а от нее – до меня.

– Почему Барита прозвали Ковенским?

– Все просто. Рано оставшись сиротой, он оказался в Ковно, и всю жизнь считал, что именно в Ковно получил основы знаний по еврейской традиции, чем очень дорожил. Кстати, некоторые сведения, дошедшие до нас с мамой, несколько отличаются от тех, что в энциклопедии Брокгауза-Ефрона. К примеру, о его встрече с Николаем I рассказывают, что предок мой без всякого стеснения и дипломатической вежливости говорил императору, что если тот истинный верующий-христианин, то не может так обижать людей другой веры.

Моей маме всегда казалось, что я очень похож на ее деда. Почему она так решила, никогда не видя его, не знаю. Наверное, ей просто очень хотелось, чтобы схожесть была, чтоб сохранилась преемственность.

Работы кисти Александра Туманова хранятся не только в частных коллекциях по всему миру, но и в известных картинных галереях Москвы, Милана, Нью-Йорка. Как он к этому пришел? Возможно, сыграла здесь свою роль и одна довольно занятная история. Случилось это в 1974 году, когда его призвали на воинскую службу. Было ему тогда хорошо за двадцать – «задержала» учеба. В военкомате на вопрос «в каких войсках хотел бы служить?», он, не подумав, ответил: «В тех, где быстрее стану генералом». Представить только, что безобидная шутка к такому может привести: «потенциального генерала» отправили не куда-нибудь, а в «психушку». Но разве есть худо без добра? Александр нашелся и там: друзья принесли необходимое для рисования, и вскоре он открыл в коридоре рядом с палатой «художественную мастерскую». Едва ли это кого-то в больнице удивило. Медперсонал не мешал ему, относился снисходительно, даже спрашивал иногда, почему-де он рисует такие «детские» картины.

И сегодня, я думаю, эти люди задали бы такой же вопрос. В картинах Александра Туманова (приблизительно его, наверное, можно назвать «примитивистом») причудливо переплетаются «детская» фантазия и реальный, «взрослый» мир с его величественной и простой красотой.

Я был на многих выставках А.Туманова и разные мнения слышал о его работах, но нравились они или нет, все сходилось в одном: художник абсолютно индивидуален и уникален.

*יא ידאאעיינ תע יודי
יא אעאי יי עואו אדואע.*

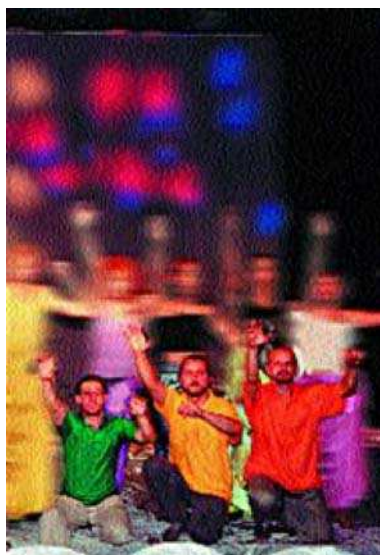
Цветы. 1989 год.

Сейчас Александр Туманов готовится к очередной персональной выставке, которая откроется 14 января 2001 года в престижной московской галерее «Файн-арт». А потом, может быть, его выставка состоится и в еврейском общинном центре в Марьиной роще. Во всяком случае, у потомка Якова Барита такое желание есть.

יא אדע עעו אעאי די ארעע

«БЛУЖДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ» ЗАЖИГАЮТСЯ ВНОВЬ

Этот театральный сезон театр «Шалом» отметил премьерой спектакля «Блуждающие звезды» по одноименному роману Шолом-Алейхема, что стало вкладом в культурную жизнь многонациональной Москвы.

Интересна история этой постановки. В 1996 году, когда театр гастролировал в Америке, художественный руководитель Александр Левенбук встретил там внучку великого писателя – Бел Кауфман. Она возглавляет мемориальный фонд Шолом-Алейхема и тоже известный писатель: у нас ее знают по некогда нашумевшему роману «Вверх по лестнице, ведущей вниз». Ей понравились работы театра «Шалом», и она посоветовала Левенбуку: «Подумайте о постановке “Блуждающих звезд”». Это лучший роман Шолом-Алейхема». Театр отнесся к этому пожеланию очень серьезно.

Когда-то «Блуждающие звезды» поставил в ГОСЕТе великий С. Михоэлс. На первой репетиции он сказал: «По своему лирическому и романтическому обаянию “Блуждающие звезды” поднимаются до высот лучших произведений, написанных о любви. И вечный мотив Ромео и Джульетты у Шолом-Алейхема получает неожиданное продолжение, где Лейбл и Рейзл через пропасть препятствий тянутся друг к другу с распростертыми руками».

Премьера состоялась в сентябре 1941-го. Публика горячо принимала спектакль. В зале было немало тех, кто уходил на фронт. Гоцмаха тогда играл Вениамин Зускин, Лейбла – молодой Зиновий Каминский, впоследствии выдающийся еврейский актер, в роли Рейзл дебютировала Этель Ковенская, ныне известная израильская актриса.

Конечно, ставить «Блуждающие звезды» после Михоэлса и почетно, и очень ответственно. Режиссер и главный балетмейстер театра Визма Витолс подготовила спектакль в жанре мюзикла – в таком ключе по мотивам романа написал пьесу Борис Рацер, а музыка, насыщенная еврейским колоритом, Александра Журбина).

Оригинально задумано начало спектакля. На сцене идет актерская разминка. На наших глазах набирая обороты, она выливается в стройный танец, эмоционально захватывает зрителей и органично перетекает в действие спектакля.

В местечко Голонежти в кои-то веки приехал бродячий еврейский театр. Именно здесь живут юные влюбленные Лейбл и Рейзл. Театр потрясает их, и, мечтая о подмостках, они тайком от родных убегают за ним. В первом действии молодым артистам Надежде Мамонтовой (Рейзл) и Диме Новицкому (Лейбл) удастся тонко передать очарование первой юношеской влюбленности. Вокальный дуэт, где герои клянутся не расставаться друг с другом никогда, – это как открытие целого нового мира.

«Мы с тобою вместе в поле, мы с тобою вместе в море,

Будем мы с тобою вместе всюду и всегда».

Увы, они еще не знают, что труппа разделилась и их разлучат, увозя в разные стороны.

Лиричность, романтичность молодых великолепно сочетается с яркой комедийностью их окружения: родителей Рейзл (Я. Хачатурова-Лившиц и Д. Некрасов),

Бени Рафаловича (Г. Каганович), Гоцмаха (Ф. Витковский), Бренделе Козак (В. Смольникова), Муравчика (М. Гейхман). Спектакль щедро наделен комедийными красками, и у каждого артиста они свои. Мягкий юмор Семы, открывшего в Нью-Йорке ресторан «Голонешти» (А. Грунда), грустный – у скрипача Гриши Стельмаха (Е. Валевич), почти гротесковый – у примадонны Генриетты Швалб и ее братца Ицика (С. Свибильская и Г. Шевчук). Сцены с этими персонажами то и дело вызывают дружный смех зала.

А как передан быт бродячей труппы! Интриги, вечное безденежье актеров, их радости и печали... Во втором действии Рейзл и Лейбл уже возмужавшие люди. Лейбл – прославленный артист еврейской сцены Лео Рафалеско из Бухареста, Рейзл – известная оперная певица. Их любовь по-прежнему жива, они ищут друг друга, но когда встречаются, уже не могут соединиться. Любовь есть, а счастья нет. В этом действии тоже достаточно юмора, но звучит щемящая нота несостоявшегося счастья, и смех уже имеет привкус слез. Актеры достигают здесь большой драматической убедительности.

Очень удачны динамичные массовки спектакля. То это жители местечек, то бродячие актеры, то зрители, а то и рабочие сцены, в еврейских кепках и жилетах переставляющие декорации (сценограф Наталья Сомова). Спектакль до самого конца держит зрителя в плену. Интересно, что артисты театра «Шалом» – это драматические артисты, и лишь немногие имеют музыкальное образование. Однако вокальные и танцевальные сцены не дают ни малейшего повода это заподозрить, мюзикл проходит на «ура»!

Аоеі Саїадріа

«ЕВРЕЙСКАЯ МУЗЫКА ЖДАЛА СВОЕГО ГЛИНКУ ...»

Творчество Тихона Николаевича Хренникова неотделимо от СССР.

В его музыке отразилась наша советская жизнь, а песни, написанные ко многим кинофильмам, любимы несколькими поколениями.

Бодрость и оптимизм в его сочинениях звучали всегда, какая бы политическая погода ни стояла на дворе. По мнению многих, отношения в Союзе композиторов СССР, у руководства которого он стоял несколько десятилетий, отличались от тех, что можно было наблюдать в других, так называемых творческих организациях.

Свидетель века мог бы много интересного рассказать.

М.Ф. Гнесин. Петербург, 1907 год.

Теплым ноябрьским вечером отправился я к Тихону Хренникову. Дверь на лестничную клетку в дореволюционном доме на старом Арбате была уже распахнута. Меня ждали. В дверях был сам хозяин. Тихон Николаевич встретил меня приветливо.

– «Лехаим»! Лехаим, бояре? Так, с чего начнем?

– С вашего учителя. С Михаила Фабиановича Гнесина. Хотелось бы услышать о влиянии еврейской народной музыки на его творчество, может быть, шире, на творчество советских композиторов.

– Ну, тут коротко не скажешь. Гнесин сыграл в моей жизни огромную роль, решающую в определении моей композиторской судьбы. Впрочем, возьмите кое-что из моей книги, из других, там многое есть, а что надо, расскажу...

М.О. Штейнберг и М.Ф. Гнесин. В день интерпретации «Юности Авраама». 1924 год.

...Родился Михаил Фабианович в Ростове-на-Дону 2 февраля 1883 года. Его отец был «казенным», общественным раввином, а мать воспитала девятерых детей. Музыка была частью семейной жизни – дед, мать, тетки увлекались пением, сочинительством. Тетю, певицу Каведани, упоминал в своих фельетонах Чайковский. И все же его в московскую консерваторию не приняли, ибо не усмотрели оснований для нарушения закона о «закрытых дверях» для евреев. Даже зрелому профессионалу не всегда позволяли выступать в концертах вне черты оседлости. С осени 1902 года Гнесин начал учиться в классе Н.А. Римского-Корсакова в Петербургской консерватории. Тройка лучших определилась сразу – Стравинский, Гнесин, Штейнберг. Первый унаследовал от своего учителя непревзойденное мастерство инструментовки, второй – мелодичность композиции, а третий – академизм исполнительского мастерства. Никто не мог так выразить единство стиха и музыки, как Михаил Фабианович. В Петербурге, будучи уже вполне зрелым музыкантом, Гнесин сотрудничал с театром-студией Всеволода Мейерхольда. Он писал музыку к спектаклям. Это содружество продолжилось в Москве. Особенно запомнился «Ревизор». «До самого конца помещичьего быта обычным явлением бывало приглашение русскими помещиками на свадьбы еврейских бродячих музыкантов (если только каким-нибудь чудом этим музыкантам удавалось получить «право жительства» в данной местности)». Еврейские народные музыканты-инструменталисты, клезмеры, объединялись в ансамбли и зарабатывали разъездными концертами. Клезмеров слушали все. Н.А. Римский-Корсаков вспоминал, что с детства помнил о необыкновенном успехе «евреев с цимбалами» в родном Тихвине, провинциальном северном городишке. Вдохновенный фантаст Мейерхольд знал об этой традиции и решил ввести в «Ревизор» подобную музыку для обострения трагикомических сцен. Так возникла оркестровая сюита «Еврейский оркестр на балу у городничего». Всегда собранный, методичный Гнесин писал произведение осознанно, с большим вдохновением, лишая его каких-либо сатирических красок. Это была, по его собственному утверждению, всего лишь имитация с включением некоторых элементов пародии. Темы, использованные в «Ревизоре», принадлежат отчасти деду Шае Флейтзингеру, «знаменитому народному музыканту и остроумцу из виленского гетто».

В молодые годы, пока была возможность, Гнесин много путешествовал. Он с жадностью вслушивался и в близкие ему, и в незнакомые мелодии.

Летом 1904 года два бедных студента, Владимир Волькенштейн и Михаил Гнесин, четвертым классом парохода отправились в Италию. Душный, замызганный трюм, грязь на стенах, вонь и плевки на полу, вшивый сосед, вычесывающий гнид огромным гребнем. Рядом жмется беззубая проститутка. Ей хочется сесть поближе к юношам. Нет, лучше уж спать на палубе

под открытым небом. Хотя приходится просыпаться в пять часов: матросы начинают поливать палубу.

Путешествие заняло месяц, зато каков маршрут! Венеция – Милан – Генуя – Рим – Неаполь – Капри – Сицилия с Палермо, Мессиной, Катаньей; Крит – Афины – Смирна – Хиос – Константинополь. А голубое чистое небо над головой, а теплый влажный воздух, а легкий бриз! Крошечные бухточки, тысячи островков Эгейского моря. Они влекут, словно сады сказочного Эдема. Когда сходишь на берег, сразу погружаешься в яркую кипучую сутолоку, в гвалт мелких торговцев, в музыку, которая повсюду. Вот это жизнь! В Константинополе без визы на берег не выпускают. Приходится использовать привычный способ всех контрабандистов: поделиться и договориться. Но от сыщика все равно отделаться не удастся. Так и гуляли они по формуле 2+1. Но все равно не пропустили ни одного кафе. Песни армянские – слева, турецкие – справа. Там скрипка румынского цыгана, а тут – греческое сиртаки. Михаил устал записывать, сломал не один карандаш. Наши туристы совсем забыли про соглядатая. Но Б-г был милостив. Через девять дней, далеко от турецких берегов, узнали о покушении на султана Абдул-Хамида и поняли, какой опасности они невольно себя подвергали.

М.Ф. Гнесин – студент класса Н.А. Римского-Корсакова петербургской консерватории.

... Потом были Германия^[1], Франция. Здесь впервые Михаил услышал версию о рождении Рихарда Вагнера. Будто бы отцом национального немецкого композитора, яркого националиста и антисемита, был актер, драматург и художник Гейер. Защитники «расовой чистоты» не отрицали отцовства Гейера, но напрочь опровергали его еврейское происхождение. Вернувшись в Петербург, взволнованный Гнесин сделал доклад «Вагнер в фантастическом свете легенды о его происхождении», пытаясь понять психологию гениального немецкого композитора, предавшего свой народ, «этакого еврея Зюсса наоборот».

Но его уже ждала давно привлекавшая Палестина, здесь Гнесин побывал дважды. Была мирная жизнь. Турция еще не стала в очередной раз врагом России. Еврейские музыкальные школы в Эрец-Исраэль были главной целью месячной поездки в самом начале

1914-го. Можно было полностью погрузиться в вечно влекущие древние мелодии, которые бередили, хватили за сердце. Вот тут-то и пригодился богатый опыт собирательства народных мелодий, приобретенный еще в петербургском «Обществе еврейской музыки». Всю жизнь Михаил был верен мудрому напутствию своего учителя Н. А. Римского-Корсакова: «Еврейская музыка существует; это замечательная музыка, и она ждет своего Глинку». Б-же, как полезны оказались эти записи! Сколько сочинений удалось написать! Родная музыка согревала. Это был вдохновляющий, вечный родник, знакомый с детства. Он давал силы и веру. Михаил единственный из всей семьи не прошел обряд крещения.

В 1917–1918 годы Гнесин пишет «Вариации на еврейскую тему», маленькие пьесы и симфоническую фантазию, исполненную впервые лишь через четырнадцать лет. Традиционные молитвенные напевы, хасидские и бытовые песни составляют сердцевину этих сочинений, создают внутри инструментальных произведений ценнейшие вкрапления. Дебаты о том, что бытовая еврейская музыка и хасидские мелодии грешат заимствованиями, остались в прошлом... Михаил черпал силы в чистом, ничем не замутненном, животворном источнике.

Критики и музыкальные деятели из Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ) впоследствии сознательно игнорировали «музыку жизненного опыта тысячелетий», романсы Гнесина этого периода, что и сказалось на их дальнейшей популярности.^[2] Лишь Борис Асафьев отметил тогда: «Проснулся поэт-музыкант романтики библейского востока и звездного простора пустыни». По-новому зазвучала «Гробница Рахили» Бунина в музыкальной интерпретации Михаила Гнесина.

«È õì àðèà, è ìììðìí è È àèíà
Àá à í ó ò è...» È í à àñí àí è õ à í à ò
Í è è ì á í è, í è í à à ì è ì à è, í è ç í à è í à
Í í : í í è í ì ð í è á í à è ì à ò è ò
ì è à à ú è ì à ò,
È è õ í è à ì à à, à ú à à è á í ú è ì à è ì ì,
Ò à è í ì ò à à í í ì ð à è à à í ì ò ù ð í à à ò.
В í ð è à è è à è ð ì ì à ì ì ò ì ð à è á í à ì à è í
È ì ò ð à í à ò ì ì ò à è ð í à è è í ú è ù
Í à ò ò ì è à ì í á à ì ì ó è è ì ì è à è ì ì ...
Ñ è à à : à è ò à à è ç ì è í à ç à ì í ú ò! Ð à ò è è ù ì

После штормов войны, времени голода и разрухи М.Ф. Гнесин в конце 1921 года снова уезжает. На этот раз более чем на год. Грузия, Палестина, Германия. Отметив сорокалетие, композитор возвращается лишь весной 1923 года и сразу принимается за сочинительство. Еврейские мелодии с легкостью ложатся на бумагу: «Пляски галилейских рабочих», опера «Юность Авраама». И песни, песни, песни.

Духовная связь со своим народом вместе с русской музыкальной культурой воплотились в удивительные по мелодике романсы «Из Песни песней». Представьте себе, скажем, еврейскую мелодию на слова: «Мы с сестрицей не в ладах: я строга, она свободна». Потом, значительно позже, Гнесин напишет: «Элементы еврейской музыки так овладели моим музыкальным чувством и воображением, что и там, где я не ставил себе заданием поиски еврейского стиля, они стали проступать в моих сочинениях. Погружение в еврейскую народную музыку помогло мне понять язык народного искусства вообще, и я стал “демократичнее” как художник». Между тем, атмосфера энтузиазма и реалии жизни будто сами собой привели к замечательным стихам Иосифа Уткина. Вокальный цикл «Музыка к повести о рыжем Мотэле» стал самым значительным произведением этого периода.

È è õ à à í í è ò ì ð ì ì ò ò ì ì

Yòè ñòðàí í úá ÷ àñí?

Íé, èàè ñàðöá á í èõ èíèí òè òñý!

Íé, èàè èíñí èõ óñí!

Øà!

Çà ààí è ààüü í á ñí ýòñý!

Òàè í àí í íæá: èí í àçàä..

À ÷ àñí àí àðä, èàè èíí í èöà

Áñí èáòýò, èáòýò, èáòýò ...

Юмор и скорбная прочувствованность, эмоции и идеи, реалистические картинки исчезающей местечковой жизни – все здесь есть, в этой музыке.

Ñèèøéíí øóí í úé è ñèèøéíí ñéíðúé

Yòèõ èáò ì í íñáìí í úé ààèò.

Íé, í á çí àèà, àíèæíí áúòü Øíðà,

È ðààèí, àíèæíí áúòü í á çí àé!

Èòí í íáóí àé áú,

Èòí áú í íáàðèè,

Èòí í íáàðèòü áú ýòíí ó ì íñ?

Í áðáí óò àèèñí

Ì úøè, àáàðè,

Í áðáí óò àèèñí

Í èòèè àíðíá

В музее-квартире профессора Е.Ф.Гнесиной.

Рецензент писал, что Гнесин сумел найти то, что другие композиторы утратили, но без чего палитра музыки была бы неполна. Были юмор, ирония, и снова не было сатиры, что так хотели услышать недалекие ограниченные ценители. В том сплаве, что дошел до наших дней в виде еврейской музыки, Гнесин находил в первую очередь народную самобытность, а во вторую – экспрессивность, приобретенную в исполнении еврейских музыкантов. «Цикл “Повесть о рыжем Мотэле” – это не пародия, не шутка, не сатира. Это несомненно серьезные произведения, полные народного юмора, в подлинном смысле этого слова, юмора, иногда и трагедийно окрашенного». Да, что тут пародировать, если «И дед, и отец работали. А чем он лучше других? И маленький рыжий Мотэле работал за двоих»^[3].

Всю жизнь Михаил Гнесин «разрывался» между преподавательской, просветительской деятельностью и сочинительством. Его школа – ученики по всей стране, во всех республиках громадного Союза ССР – была выражением творческой страсти – строить. Любовь к фольклору разных народов, к истории их культур выразились в написании Гнесиным мелодичных лиричных произведений на азербайджанские, адыгейские, казахские, дагестанские, туркменские, украинские интонации. Но вновь и вновь возвращался композитор к родным еврейским мотивам. Правда, теперь ему все чаще и чаще приходилось писать «в стол». Опера «Бар-Кохба» так и осталась незаконченной. А потом пришло и вовсе ледяное время борьбы с космополитизмом, когда критики перешли на пренебрежительный тон, оскорбительные поверхностные суждения и перестали упоминать о многих замечательных сочинениях. Но и в тяжкие времена оставался Михаил Фабианович последовательно принципиальным и высоко порядочным человеком. Альберт Семенович Леман вспоминал, что на совещании в ЦК в 1948 году, когда некоторые предали своих учителей, Гнесин вел себя как великий человек, мужественно и мудро: «Я не порицаю многих людей, которые в эту минуту оказались слабыми. Время было жестокое. И вот тут выступил М.Ф. Гнесин, выдающийся россиянин. В России было несколько, а может быть, и много фамилий, которые не носили фамилии коренного населения, но которые были россиянами, верными и удивительно глубокими». Гнесин говорил, как всегда, тихо, но твердо: «Я лично не сторонник спешной реакции в виде обязательного выступления с раскаянием». Нужна была особая смелость, чтобы произнести такие простые слова. Эта же принципиальная личная позиция позволила ему принять участие в конкурсе на создание гимна Государства Израиль, поговаривают, не без участия тогдашнего генерального секретаря компартии Израиля.

Но из созданного им института (ГМПИ) заслуженному деятелю искусств, лауреату сталинской премии, композитору, дважды лауреату премии имени Глинки, педагогу с 45-летним стажем пришлось все же уйти. Из института были уволены семнадцать человек, а жалкие, ничтожные и бездарные карьеристы продолжали строчить донос за доносом.

«x éáí ó Ĩ ðáçè äè óí à ÖÊ ÊĬ ÑÑ

Çàì áñðè ò äè ð Ĩ ðáññññ ò äè ÿ

ÑĬ áá ò à Ĭ éí èñ ò ðĬ á ÑÑÑÑ

ÒĬ áá ðè ù ó Á äè ÿ Ê. Ĭ.

Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!

Мы, коммунисты, работающие в Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных, обращаемся к Вам, Лаврентий Павлович, по следующему вопросу.

У нас вызывает глубокую тревогу положение, создавшееся в институте с подбором и расстановкой кадров. Мы считаем, что директор института профессор Гнесина на протяжении долгих лет подбирает кадры не по деловому и политическому признаку, указанному партией, а по признаку сосредоточивания кадров еврейской национальности, и притом, не заслуживающих политического доверия. Наши усилия и работа по улучшению подбора и расстановки кадров наталкиваются на сильнейшее противодействие.

Мы считаем, что главным вдохновителем этой порочной, по существу буржуазно-националистической линии является профессор Гнесин М.Ф., хотя и не состоящий формально на работе в институте, но оказывающий на него очень большое влияние через сестру.

Целый ряд факторов, касающихся Гнесиных, вызывает у нас серьезнейшие подозрения. А в том, что его идеология является сионистской, еврейско-националистической, у нас сомнений нет. Вместе с тем, мы не располагаем достаточно большим и проверенным материалом для того, чтобы картина для нас была полной.

Мы просим Вас, Лаврентий Павлович, поручить кому следует изучить данный вопрос, и деятельность профессора Гнесина в особенности.

10 ó áá ð äè ÿ 1953 ã ä ä

x éáí ú ÊĬ ÑÑ: Çàì áñðè ò äè ÿ ÿ äè ð äè ò Ĭ ð à Ĭ Ĭ Ĭ á ó: Ĭ Ĭ è è ó: áá Ĭ é ÷ áñðè

(À è Ĭ Ĭ Ĭ á Á. Ĭ.)

Ñ ä è ð á ò äè ÿ Ĭ á ð ò è é Ĭ Ĭ á á ð ð Ĭ

(Ê ð ä Ĭ Ĭ ù à è Ĭ á Á. Ê.)

Çàì . ñ ä è ð á ò äè ÿ

Ĭ á ð ò è é Ĭ Ĭ á á ð ð Ĭ (Đ Ĭ çá Ĭ ó è è Ĭ ä Ê. Ê.)¹⁴

До 5 марта оставалось три недели. Уже казалось, что «короткую песню разлуки паровозные пели гудки». Но, слава Б-гу, «громыханье черных марусь» под окнами своей квартиры услышать не пришлось. А благодарные ученики помогли музыканту сохранить силу духа.

Умер Михаил Гнесин в мае 1957 года. Справедливой компетентной оценки своего творчества он так и не услышал. Лишь последние годы вывели из тени наследие прекрасного музыканта.

Е.Ф. Гнесина и Т.Н. Хренников.

Тихон Николаевич задумался, глядя в одну точку. Потом негромко сказал:

– Продолжим, пожалуй. Я приехал в столицу из уездного городка Ельца в конце 1927 года. Показал Михаилу Фабиановичу свои сочинения, и с тех пор он стал моим учителем. У него, прежде всего, я учился композиции. Но никаких специальных разговоров о еврейской музыке, о ее влиянии на творчество у нас не было, ведь я композитор, музыкант, а не музыковед. Великолепная, конечно, музыка у него была – «Рыжий Мотэле». Ну, а что написано в энциклопедиях, меня никогда не интересовало. Что там музыковеды писали о его еврейском периоде, тоже не знаю, но помню, это широко тогда не обсуждалось. И он сам не нажимал на эти педали. Хотя мы были друзьями с ним, и еще больше с Еленой Фабиановной.

Я преклоняюсь перед семьей Гнесиных, их общественная и преподавательская деятельность имеет огромное значение для развития русской музыкальной культуры. Они сделали не меньше, чем семья евреев Рубинштейнов. Их влияние колоссально, они по сути дела определили развитие музыкальной культуры России, музыкального образования в нашей стране. Михаил Фабианович – это, конечно, совершенно удивительная фигура, с необыкновенно человеческими качествами, и очень интересный композитор, великолепный педагог. В семье Михаил Фабианович был творческим центром. А Елена Фабиановна – вождем. Она, будучи больным человеком – у нее был перелом шейки бедра – сидя в кресле, построила величайший музыкальный комбинат. Там и школа, и специальная школа, и училище, и институт. Правильно назвали: Российская академия имени Гнесиных. Само название – слияние с именем – о многом говорит. Я учился в Гнесинском техникуме с 1929 по 1934 годы, потом в консерватории. И все время Гнесинский техникум был самым авторитетным музыкальным учреждением среднего звена. Оттуда вышли Лев Оборин, ученик Елены Гнесиной, Арам Хачатурян и многие другие, сейчас известные – оттуда. Потом я помогал Елене Фабиановне во всех делах, у меня были такие возможности, ведь я сорок три года руководил Союзом композиторов, и

никогда мне не приходилось сталкиваться с отрицательным отношением к кому-либо из Гнесиных.

– Тем не менее, известно, что некоторые руководители «Гнесинки» решительно воспротивились установке памятника Елене Фабиановне.

– Я знал таких двух женщин у нас – Елена Гнесина и Наталья Сац. К слову, Наталья Сац после пятнадцати лет лагерей заставила московские власти построить ей театр на Воробьевых горах. Какая преданность искусству должна быть, чтобы так поворачивать и свою судьбу и судьбы своих коллег и друзей!

Возвращаясь к вопросу о влиянии еврейского фольклора на музыку советского периода, хочу заметить – я этим никогда не занимался специально, не изучал это. Естественно, были великолепные композиторы – например, друзья Гнесиных семья Крейнов, Александр Крейн, Григорий Крейн и его сын Юлиан^[5]; в Союзе композиторов СССР евреев было больше, чем русских^[6]. Еврейская творческая музыкальная струя была очень сильна. Были композиторы, которые специально занимались национальным фольклором, например, композитор Пульвер писал музыку для театра Соломона Михоэлса. А вообще, еврейские композиторы влились в русскую музыку и мы никогда не различали – это музыка еврейская, это русская, а это еврейские мотивы в русской музыке. Проблема влияния еврейской музыки на творчество русских композиторов – это специальная тема, которую надо особо изучать, разрабатывать. Вот, к примеру, «Широка страна моя родная». Написал еврей-композитор, но это целиком русская музыка. Дунаевский писал и еврейскую музыку для какого-то фильма, там была еврейская свадьба. Он специально ее писал. Но Дунаевский – это великий русский композитор. Гениальный русский композитор. Еврей по происхождению, но как композитор – русский. И Виктор Белый^[7], талантливый был композитор, тоже еврей, писал русскую, я бы сказал, европейскую музыку. Это был блестящий трезвый ум, мой главный советчик во всем. Талантливый, образованный человек, увлекающийся и, одновременно, с очень здравым восприятием. Так и Михаил Фабианович специально изучал еврейский фольклор, но в то же время у него много симфонических сочинений, где нет никаких еврейских мотивов. Просто европейская музыка.

М.Ф. Гнесин. Ленинград. 1941 год.

– Хотелось бы спросить вас вот о чем. Вы с 1948 года руководили Союзом композиторов. Тогда велась борьба с космополитизмом. Она отразилась и на советской музыке, и на музыкантах. Что Вам особенно запомнилось, что осталось в душе через много лет?

– Помню, то ли в ноябре, то ли в декабре 1952 года, в самый разгар дела врачей, проходило заседание Политбюро. Мы обсуждали кандидатуры на сталинские премии. Комитет по искусству представляли Саша Фадеев, Симонов и я. Присутствовал Сталин, Маленков вел заседание. В последний раз тогда я видел Сталина. Ни с того ни с сего Сталин вдруг сказал: «У нас здесь, в ЦК, антисемиты завелись?! Это позор для партии, это позор для всей страны. Немедленно прекратить!» Я сейчас не цитирую. Но смысл его слов точен. То была темпераментная, очень жесткая его речь. После этого Маленков сразу же добавил: «Мы, все члены Политбюро, должны сделать из слов тов. Сталина далеко идущие выводы». Участники заседания были потрясены таким неожиданным выступлением вождя. У меня жена еврейка. Я пришел домой, стал ей рассказывать. Она не сразу мне поверила. Появилась надежда, что скоро закончатся все эти антисемитские безобразия. На следующий день по всей Москве только об этом и говорили. Эффект был как от взрыва бомбы. Ведь на заседании присутствовали сливки интеллигенции, руководители комитетов по культуре, искусству, науке. Мы радовались, что скоро прекратятся дикие выходки. К сожалению, все продолжалось. Более того, напряжение все усиливалось. Оказалось, что уже готовились вагоны для выселения евреев. Только смерть Сталина прервала этот позорный период в жизни страны. Оборвалась дикая космополитическая кампания. Все мои позитивные впечатления от прежних встреч со Сталиным исчезли. Я понял, что это был актерский жест. Для Сталина это было характерно. Он себя будто не связывал ни с чем негативным. То, что происходило в стране, вроде бы его не касалось. Для народа он был и хотел остаться богом. Пастернак как-то сказал Эренбургу: «Вот если бы кто-нибудь рассказал про все Сталину!» Эренбург лишь горько усмехнулся. Да, многие верили, что ко всему плохому, страшному в стране Сталин не имел отношения. Мол, это все творят его соратники. А те ведь делали, что он им говорил. Без его слова не делалось, ровным счетом, ничего. Сталин был величайший актер, коварный и жестокий.

При всем том, на мой взгляд, он многое сделал для нашей страны, поднял ее до уровня самой великой страны мира. Так вот бывает...

– А вы в те годы испытывали страх? Ощущали опасность для себя, для ваших близких?

– В сталинские времена я всюду говорил полным голосом, громко, ничего не боялся никогда. И не скрывал негативного отношения к безобразиям. Мне себя казнить не за что. Я очень многих спасал, чтобы на них не обрушились несчастья. В Союзе композиторов не был репрессирован ни один еврей. Никого не осудили...

– Как же такое удалось?

– В то время большое значение имели характеристики. Я писал всем только самые великолепные. Помню, арестовали М. Вайнберга, его взяли неожиданно. Запросили характеристику из Союза. Я написал самую восторженную. Через 3 дня выпустили. Директора Парка культуры и отдыха Бетти Глан, жену лидера югославской компартии, обвинили в троцкизме, арестовали. Потом выпустили, но вернуться в Москву не разрешили. С трудом мне удалось с помощью коменданта Москвы привлечь Бетти к пропагандистской работе в Союзе композиторов. Заведующий отделом культуры ЦК, некто Рюриков, мне тогда прямо сказал: «Только потому, что вы недавно назначены самим Сталиным, вас сейчас не тронут». А генерала того из комендатуры сняли. Слава Б-гу, у нас ни один еврей не пострадал. А сам я тяжело заболел. У меня произошел нервный срыв. Было много черносотенных людей в Союзе композиторов. Даже некоторые крупные композиторы. Они все писали в ЦК на меня доносы, что я еврейский ставленник в Союзе,

что я покрываю евреев. Когда я приходил в ЦК, Суслов давал мне читать эти письма. Я их читал, видел подписи. То были мои помощники. Мы вместе работали. Они у меня обедали почти каждый день. Союз размещался на первом этаже, а моя квартира несколькими этажами выше. Наверное, после обедов они на меня и писали. Один музыковед писал, что я нахожусь под влиянием евреев, сионистов, и объяснял, как евреи на меня воздействуют через жену и других людей. Суслов предупредил, чтобы я ничем себя не выдал, что читал доносы. Да, в ЦК знали каждый мой шаг – что и как я делаю. Но я мог действовать, потому что меня поставил сам Сталин. Только поэтому мое слово было веским. Раньше я не занимался общественной деятельностью, просто был музыкантом. Все произошло неожиданно. Приказ Сталина передал все в руки довольно молодого человека» (Мне было 35 лет, а на вид 20-25, очень молодо выглядел). Может быть потому, что я не входил ни в какие группировки, не был членом никаких оргкомитетов. К тому же Сталин знал мою музыку, она ему нравилась. Хотя прямо Сталин мне об этом не говорил. Но мне передавали. Он был на премьере моей оперы «В бурю», поставленной Немировичем – Данченко, знал мою музыку к фильмам «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны». Это были тогда популярнейшие фильмы, всем известная музыка. А я всегда любил музыку своих коллег. И у меня не было других желаний, кроме желания им помочь. Во всяких делах – у СК были большие возможности.

– Тихон Николаевич, в те годы руководители творческих союзов имели возможность обсуждать политическую ситуацию в стране?

– Не помню таких обсуждений ни с Фадеевым, ни с Симоновым. Мы многого не знали из того, что происходило в те времена в Союзе писателей. Я же не историк, а всего лишь очевидец. Ну, а дома с женой, конечно, обсуждали все темы. У нас была обыкновенная русская семья, как многие. Кстати Клара очень дружила с Сашей, и ко мне он относился с симпатией. А в общественной жизни Фадеев в то суровое время часто бывал необоснованно жесток.

– Я знаю, вы спасли жизнь Исааку Дунаевскому. Как вам удалось остановить отлаженную машину?

– Я защитил Дунаевского, когда во времена космополитизма началась его страшная травля. Поднялась невероятная истерия: «Он распустил свою семью, он богатый». Действительно, Дунаевский был вполне обеспечен – много работал и зарабатывал композиторским трудом. У него была машина; сын, из-за которого весь сыр-бор разгорелся, ездил на ней. Против Исаака Осиповича началось что-то та-а-акое, невероятное. Один замминистра культуры, черносотенец, антисемит, его все презирали, всячески поддерживал и поощрял эти гнусные нападки. Не стану называть фамилию, у него могут быть дети – они-то ни в чем не виноваты. А Дунаевский был моим другом. Бывало, и он поддерживал меня. Помогал в жизни много раз. Возмущенный всем этим делом, я пришел в ЦК и потребовал, чтобы разнузданная кампания против Исаака была немедленно прекращена. Я даже пригрозил выступить во всех мыслимых и немыслимых органах и дать свою оценку всей этой гадкой истории, преднамеренно развязанной некоторыми людьми. Я сказал, что назову все фамилии и т.д. Видно, некоторые испугались, сразу же все было прекращено. Я ничего Дунаевскому не рассказывал, а он меня не благодарил. И так было понятно. Сына его, Женю, вновь, кажется, приняли в ГИТИС после исключения. Лишь недавно, через пятьдесят лет, я узнал о его реакции. Снимался тут один фильм, и ко мне приехал режиссер, чтобы я рассказал о Дунаевском, что знаю. – «А вы не читали его письмо к сестре, где он про вас пишет?» – «Нет, не читал». И мне дают письмо, где написано: «Дорогая Зиночка. Я разучился молиться. Но если ты не потеряла этой способности, то помолись нашему еврейскому Б-гу за русского

Тихона. Он спас мне жизнь и честь». Я был потрясен. Вот так. Это был мой друг, любимый композитор. Я считаю его гениальным композитором, лидером нашей песенной культуры 30-х, 40-х и всех последующих годов. Это бесспорно, что бы и кто ни говорил.

Дружеский шарж на М.Ф. Гнесина Т.И. Русаковой. 1946 год.

– Скажите, пожалуйста, каким на ваш взгляд должен быть гимн современной России?

– Мое мнение, для гимна нужно оставить музыку Александрова. Это моя позиция. «Широка страна моя родная» – гениальная песня, но песня. В мелодии, олицетворяющей страну, должны быть гимнические черты – утверждение, сила, мощь. У Александрова это есть. Слова можно написать любые. Связывать с мелодией какие-то слова – это вульгаризаторство. Напиши другие слова, и все забудут прежние. Мелодия крепкая, ты чувствуешь силу государства. Государственность – это очень важно. В моем балете «Наполеон Бонапарт», когда встречаются Наполеон и Александр, я взял тот гимн, что был в России до «Б-же, царя храни», – «Коль славен наш Г-сподь в Сионе». Музыка Бортнянского. Это был когда-то гимн и православный, и государственный. Я его обработал, аранжировал как следует, а прекрасный поэт Римма Казакова написала к нему новые слова, и он фигурирует среди восьми претендентов, которые будут обсуждаться.

– Говорят, что духовность – это возвращение к Б-гу. Вы с этим согласны?

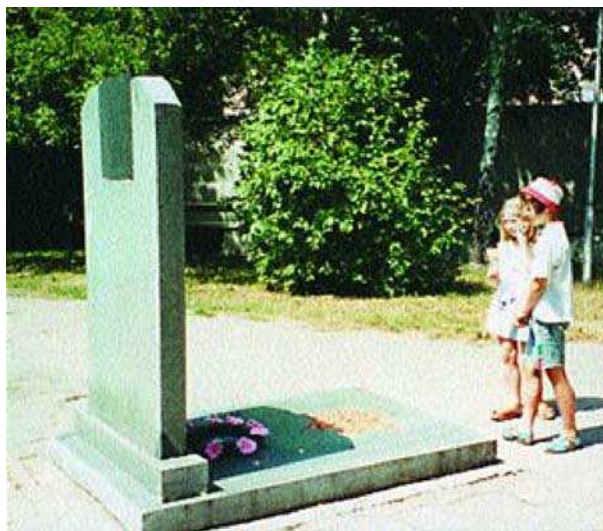
– Я родился в религиозной семье, с детства был прислужником в церкви, архиерейским костыльником во время службы. Церковная служба была для меня больше театральным представлением. Пелась изумительная, чудная религиозная музыка. Я и сейчас с удовольствием слушаю религиозные песнопения. Но никогда не думал и не думаю о Б-ге. Это просто живет во мне. А еврейская религиозная музыка, «Кол Нидре», например, знакома мне благодаря жене, хотя Клара и вся ее семья не были религиозны. Она не знает языка, помнит лишь отдельные выражения, и мне очень нравится, когда говорят по-еврейски. Мы очень любили ходить на еврейские праздники в гости. Я любил слушать Мишу Александровича, прекрасного певца, артиста. Он пел ведь партию Леньки в моей «Буре». А начинал, кажется, тоже с религиозной музыки.

Пожалуй, это все, что я могу сказать о еврейской советской музыке и музыкантах.

^[5] В одном из писем, адресованных секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву, отмечалось, что за 20 лет (с 1932 года) в Союз композиторов проникло много людей, не оправдавших звания члена СК, не написавших ни одного талантливого произведения. Среди них назван и Ю. Крейн. (см. А. Богданова. Музыка и власть. «Наследие», М., 1995). (Прим. ред.)

^[6] В том же письме приводился национальный состав Союза композиторов: из 1111 членов СК, русских – 420, евреев – 256, а всех остальных национальностей – менее чем по 100 человек каждая. (см. там же). (Прим.ред.)

^[7] В декабре 1931 года В. Белый таким образом характеризовал М.Ф. Гнесина: « Гнесин стоял на буржуазно-националистических религиозных позициях...отзывы о его творчестве... говорят о совершенно реакционном облике профессора Гнесина... Для нас совершенно недвусмысленным является факт, что Гнесин в настоящий момент стоит на реакционной формалистской позиции....в своей борьбе против РАПМ скатывается к реакционной клевете музыкальной действительности». (Прим. ред.)

Это – обязательные программы?

Нет, они носят пока рекомендательный характер. Мои коллеги – российские и зарубежные – ведут острую дискуссию: нужно ли в обязательном порядке навязывать тему Холокоста? И готовы ли наши учителя преподавать Холокост? Ведь речь идет не только о каком-то фактологическом материале, но и об осмыслении этой темы в контексте истории евреев, второй мировой войны и особенностей антисемитизма не только в нацистской Германии, но и в Советском Союзе (особенно в России).

В цивилизованном мире тема Холокоста носит универсальный характер: евреи – жертвы войны, в ходе которой нацисты и их пособники выступали в роли палачей. Международное сообщество акцентирует в Холокосте общечеловеческие аспекты. Ведь сегодня особенно отчетливо видно, что на месте евреев может оказаться любой другой народ. И нужно извлечь уроки из тотальной пропаганды нацистов, под воздействием которой цивилизованные немцы превратились в проводников (или молчаливых пособников) человеконенавистнических идей. Иными словами, история Холокоста заставляет людей задуматься, к каким последствиям приводят проявления расизма и ксенофобии, – ведь именно с этого начинали нацисты.

Думаю, главная проблема сейчас – подготовка преподавателей, способных глубоко разбираться в теме Холокоста...

Есть несколько путей такой подготовки, каждый из которых требует определенных мероприятий и организационных усилий. И без поддержки министерства образования и некоторых других органов здесь не обойтись.

На мой взгляд, самый эффективный способ подготовки преподавателей Холокоста – обучение на исторических факультетах педагогических вузов. Но, к сожалению, сегодня в России не хватает людей, способных дать студентам необходимые знания.

Второй способ – включение темы Холокоста в программы переподготовки преподавателей в институтах повышения квалификации. Мы уже имеем некоторый опыт сотрудничества примерно с пятнадцатью такими институтами в различных регионах России, готовим для них методистов на специальных семинарах. Наша инициатива находит поддержку. Например, Московский институт повышения квалификации работников образования (МИКПРО) помогает нам в подготовке таких специалистов.

Третий способ. Для всех желающих преподавателей – не только из России, но и из СНГ – мы открыли школу со специальной программой овладения необходимыми знаниями по теме Холокоста. Это международный проект. Наши партнеры – всемирно известный музей Яд Вашем в Иерусалиме и – с нынешнего года – авторы программы правительства Швеции «Живая история». Выпускники очного и заочного отделений нашей школы получают сертификаты МИКПРО. Защитившие выпускную работу собираются на летнюю сессию, мы проводим ее вместе со специалистами Яд Вашем, которые выдают успешно окончившим обучение и свои сертификаты – своеобразный пропуск на международные зарубежные семинары. Это, так сказать, внешний стимул. Главное же в том, что российские историки, психологи, методисты делятся моделями уроков, историческими и научными изысканиями по теме Холокоста. Сама же работа школы строится путем сочетания лекций и семинарских занятий, проводимых в форме дискуссий и круглых столов с обсуждением основанных на практике моделей уроков. В минувшем году нашу школу окончили 75 человек, все они активно работают. В этом году рассчитываем выпустить не менее 200 преподавателей. Двери школы открыты для всех желающих получить или усовершенствовать навыки преподавания Холокоста. Мы договорились с Открытым университетом Израиля о том, что учащиеся нашей заочной школы выполняют три контрольных работы по пособию, подготовленному этим учебным заведением. В начале 2001 года будет опубликована седьмая часть пособия, она называется «Катастрофа на территории Советского Союза» и напрямую перекликается с нашей темой. В процессе обучения учащиеся зарабатывают баллы и как студенты Открытого университета Израиля.

Эта школа – ваш единственный подобный проект?

Есть и другой: всероссийский конкурс работ школьников, студентов и преподавателей по теме «Холокост». Уже прошло два таких конкурса. Последний конкурс охватил почти всю страну и даже республики бывшего Советского Союза. Но было одно огорчившее нас обстоятельство: очень мало работ прислали школьники и студенты еврейских учебных заведений. Возможно, до них не дошла наша информация, а возможно (и нас это тревожит) преподавание темы Холокоста в подобных учебных заведениях нуждается в анализе, обсуждении и, очевидно, каких-то дополнительных усилиях, использовании современных методик. Поэтому в конце февраля 2001 года мы, при содействии Мемориального фонда поддержки еврейской культуры, планируем провести семинар для преподавателей истории еврейских школ СНГ и прибалтийских стран.

В октябре нынешнего года мы провели в Петербурге первый из семи региональных семинаров для преподавателей высшей и средней школы.

Участвовали в семинаре 200 преподавателей из восьми северо-западных регионов. Один день был посвящен методике использования книг в качестве учебного пособия, второй – нашим методическим разработкам, основанным на российском опыте преподавания. После семинара около тридцати преподавателей записались в нашу заочную школу подготовки преподавателей по теме Холокоста.

Фонд «Холокост». Занятия со школьниками.

Очевидно, для качественной подготовки специалистов можно использовать опыт преподавания Холокоста в других странах...

Зарубежный опыт не одинаков. Как ни странно, в США, где больше всего мемориалов, где есть замечательный музей Холокоста, из пятидесяти штатов лишь около половины ввело обязательное изучение этой трагедии в школах. А в целом ряде европейских стран, в том числе из бывшего соцлагеря (например, в Польше и Румынии) в школьной программе Холокосту отводится четыре часа. В украинских школах ежегодно проводится урок, посвященный уничтожению евреев в Бабьем Яре. Там же, на Украине, существует охватывающая многие города сеть образовательных семинаров. В некоторых мне приходилось участвовать. И всегда я отмечал неподдельный интерес учителей из небольших населенных пунктов к еврейской истории, узнавал о любопытных примерах из их практики. Когда представители разных израильских организаций спрашивают: «Зачем вы стараетесь, чтобы тему Холокоста изучали в нееврейских школах?», отвечаю: «Чтобы не было новых антисемитов».

На семинаре в Киеве я услышал потрясающие рассказы о том, как тему Холокоста связывают с историей евреев в той или иной местности. Вот один из таких рассказов. В 1913 году в небольшом городке на Киевщине не было почтового отделения, и деньги на его создание дали несколько еврейских семей. На нынешней почте висит мемориальная доска с фамилиями дарителей. Учитель сначала привел учеников к этой мемориальной доске, а потом к памятнику на месте массового уничтожения евреев. Чтобы детям стало понятно, кого убивали, как много сделали и могли еще сделать люди, которых расстреляли нацисты. Уверен, эти дети обязательно будут ухаживать и за мемориальной доской и за памятником.

Другой рассказ. Во время оккупации украинская женщина прятала еврея-подростка, который в 1943 году назвался ее сыном, был угнан в Германию и спас таким образом родного сына женщины.

Есть некий идеал, к которому мы должны стремиться. Во всяком случае, в школьной программе тема Холокоста должна фигурировать. Выпускники школ и вузов в XXI веке должны хотя бы знать, что был Освенцим, что во время второй мировой войны

уничтожено шесть миллионов евреев. Это должно глубоко войти в сознание каждого человека.

Как конкретно организовать учебу? Ведь при составлении школьной программы неизбежно возникает проблема часов...

Думаю, что тема Холокоста должна войти в отечественную историю (в раздел о Великой Отечественной войне). Однако сегодня появилась и другая возможность. Недавно правительством России утверждена программа преподавания толерантности в средних школах как отдельного обязательного предмета. При поддержке государства будут разработаны соответствующие методики. В документе, на основании которого возникла эта программа, упомянута тема Холокоста.

Однако без учебных пособий образовательный процесс невозможен. Еще в 1995 году наш Фонд выпустил два учебника. Для преподавателей – Галины Клоковой, для учащихся – Давида Полторака. В конце 2000 года выйдет первое российско-израильское учебное пособие для преподавателей и учащихся под названием: «Холокост – Сопротивление – Возрождение». В пособии рассказывается не только о Холокосте и еврейском сопротивлении, но и о влиянии Холокоста на создание государства Израиль. Среди израильских авторов – доктор Ицхак Арад и Редлих Шимон, среди российских – профессор Лев Безыменский и специалист по Нюрнбергскому процессу Наталья Лебедева. Это будет пособие, полезное и еврейским и нееврейским учебным заведениям.

Очевидно, при подготовке методик необходимо учитывать такой грустный факт: сегодняшние дети привыкли к постоянной стрессовой информации, притупляющей остроту восприятия катастроф. Думаю, даже очень эмоциональный рассказ об ужасах Холокоста произведет на учащихся глубокое впечатление только в том случае, если будет сопровождаться соответствующим видеорядом.

На самом деле вы задали два вопроса, которые я постараюсь объединить. Начну со слов моего коллеги, заведующего кафедрой психологии личности МГУ Александра Григорьевича Асмолова. В нашем совместном докладе на Стокгольмской конференции он подчеркнул очень важный тезис: «Преподавание темы Холокоста сегодня – это вызов современной педагогике». Наши обычные представления о том, как строится урок истории, какими методами мы пользуемся при соприкосновении с темой Холокоста, наталкиваются на огромную проблему ведения диалога с учащимися. О чем говорить? Об ужасах? Вы правы, подобную информацию с избытком обрушивают на головы наших подростков телевидение, радио и газеты. И очень трудно вызвать у слушателей сочувствие к жертвам. Лучше всего предоставить учащимся прочитать документальные свидетельства преступлений нацистов. Недавно изданная при нашем участии на русском языке шведская книга «Передайте об этом детям вашим» дает великолепный фактологический материал. Тема Холокоста позволяет (особенно в еврейских учебных заведениях) строить уроки, погружив учащихся в атмосферу событий. Ошибочно сводить трагедию Холокоста только к убийствам. Нередко люди жили в гетто по два-три года. Это была жизнь вопреки стремлению нацистов не только физически уничтожить евреев, но и унижить их. Тем не менее узники боролись не только за продление своих дней, но и за человеческое достоинство. Многие вели дневники, писали письма и стихи, сочиняли музыку, молодые влюблялись... Исполненный благородства духовный протест изумлял даже палачей.

Большое впечатление на подростков произведут факты из жизни их далеких сверстников, которые проползали под колючей проволокой на волю и вместо того чтобы

попытаться скрыться, добывали скудное пропитание для своих семей и возвращались в гетто.

Все это позволяет трактовать тему Холокоста не только как попытку тотального уничтожения целого народа, но и как пример нравственного самоспасения обреченных на смерть людей.

Таким образом, в этой обширной теме можно педагогическими средствами расставить те акценты, которые будут способствовать формированию высокой морали у современных подростков.

Теперь о средствах обучения, упомянутых в вашем вопросе. Мы участвуем сейчас в проектах преподавания темы Холокоста с использованием Интернета, дающего возможность доступа к документам и виртуального посещения музеев мира. Подготовлено большое количество документальных фильмов, подобраны художественные. Среди них «Жизнь прекрасна» и «Список Шиндлера».

Но главное – личные встречи с людьми, пережившими детские лагеря смерти. Рассказы о том, что пришлось им испытать в возрасте нынешних слушателей, производят неизгладимое впечатление.

Во многих семьях сохранились письма и другие свидетельства о Холокосте. Частью обучения школьников могли бы стать поиски и обнародование таких свидетельств...

Это особенно важно для учащихся еврейских школ. Не только как возможность лично соприкоснуться с темой Холокоста, но и как долг перед памятью предков. Молодые люди в рамках различных программ ездят в места, находившиеся в оккупации, знакомятся со свидетельствами Холокоста. И в бывшем Советском Союзе и в других странах. А вернувшись, ничего не делают для того, чтобы найти такие свидетельства даже там, где живут. Хотя в захоронениях нацистских жертв может быть есть их родственники. Этим захоронением может быть ничем не отмеченный ров. Свои расстрельные «Бабы яры» – без памятников, мемориальных плит или хотя бы простых надписей – есть в Брянской, Смоленской и других областях и краях. Всего таких регионов двадцать три. Необходимо добиваться увековечения памяти погибших, хотя местные власти часто не понимают, почему нужно особо выделять именно еврейские жертвы. А не понимают потому, что продолжают жить представлениями, укоренившимися при советской власти, когда вместо слова «евреи» на памятниках писали: «Мирные советские граждане». И тот, кто добился изменения такой надписи на истинную, кто сохранил хотя бы одно письмо военного времени или уцелевший документ из гетто, может считать себя человеком, не потерянным для общества и своего народа. Те же музеи, которые есть сейчас во многих еврейских школах, это не только память о событиях, но и место, где можно сохранить тот или иной документ.

В «Хеседах» – благотворительных еврейских организациях, помогающих пожилым людям, началось очень любопытное движение по созданию музеев. Но сами пожилые люди просто физически не могут выполнить эту большую работу, им необходима помощь школьников и студентов в выявлении и сборе материалов. Такая помощь – тоже средство внешкольного и вневузовского воспитания. А информацию об этой работе мы хотели бы прочитать в сочинениях учащихся.

Брест. У памятника погибшим в гетто.

Мне приходилось сталкиваться с мнением, что преподавать тему Холокоста должны неевреи – их не заподозрят в пристрастности...

У меня достаточно большой опыт педагогической работы. Никогда, ни в одной аудитории (неважно, еврейской или нееврейской) я не ощущал большего внимания, чем тогда, когда разговор шел о Холокосте. Мне и в голову не приходило, что на моем месте должен быть человек иной национальности. Существует другая проблема. Некоторым моим коллегам – учителям общеобразовательных школ – иногда сложно перейти ту психологическую грань, за которой преподаватель конкретного предмета становится для учащихся и человеком с личной судьбой, о которой он считает необходимым рассказать.

Национальные проблемы встречаются и в еврейских школах. Как-то учащихся одной такой школы привели на Поклонную гору. Во время рассказа об экспозиции, посвященной Холокосту, женщина-экскурсовод сказала, что немцы, кроме евреев, уничтожали и цыган. Вдруг раздался голос ученицы пятого класса: «И правильно делали». Экскурсовод ответила: «Моя бабушка была цыганка. Вы смогли бы ее убить?» Так тема Холокоста приобрела более широкое звучание.

Мы не должны забывать, что в любом народе находятся люди, которым не чужды проявления расизма и национализма. И с ними нужно бороться так же, как с антисемитизмом.

В заключение – адрес для тех, кто хочет поступить в нашу заочную школу: 113035, Садовническая ул., дом 52/45, Фонд «Холокост».

*Ń Ęüüé Āëüòì àíîî ááññîñääë
æóðí àëëñò Āëääëì èð Ĭ ĩçí àíñëéé*

«ЛИТВАКИ» И «ОДЕССИТЫ»

Αἰὰὸίῆῆῆ Ἐἶϗῆῆ

Взяться за перо меня заставила история, случившаяся прошлым летом, когда неожиданно арестовали Владимира Гусинского. Шла телепередача, в которой обсуждалось это происшествие, и какая-то зрительница, позвонив в студию, высказалась с жаром: «Вот нам, русским, надо поучиться у евреев! Какие они все дружные! Как защищают своего Гусинского! Были б мы такими, Россия давно бы стала богатой и процветающей».

Признаться, мне очень хотелось ответить этой даме: «О какой еврейской дружбе и взаимовыручке вы говорите? Откуда этот миф?» Мой жизненный опыт показывает, что в отличие от других народов евреи никогда не проявляли по отношению друг к другу какой-то уникальной преданности, желания во что бы то ни стало помочь: дружбой ли, советом, деньгами, снимая с себя последнюю рубаху ради того, кого зовут Абрам или Мойшеле.

Более того, получалось как раз наоборот: если моим командиром в армии был еврей, то мне, еврею, он не потакал, не покрывал мои проступки, напротив, был особенно строг и взыскателен, стремясь подчеркнуть свое полное безразличие к нашему с ним еврейству. То же самое и в институте: еврей-преподаватель ставил мне тройки и двойки чаще, чем другим, всячески стремясь показать, что как еврей я никакими поблажками с его стороны пользоваться не смею, и в этом его никто не заподозрит. Не иудофильствовали и начальники-евреи на работе. И так, как любят у нас говорить, «всю дорогу».

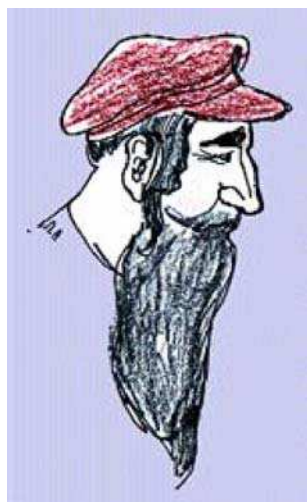
Откуда же взялся в России миф о еврейском братстве? Может, он вызван тем, что издавна существовали благотворительные и религиозные организации, помогавшие бедным евреям? Скорее всего. Но ведь вспомоществование ничего общего не имеет с личными отношениями.

Когда русские, белорусы, украинцы с завистью говорят о «еврейской спайке», мне всегда хочется спросить: А когда у сербов беды, разве Россия остается равнодушной? Не спешат ли туда добровольцы, чтобы жизнью рисковать ради братьев-славян? Разве не пришли когда-то русские на выручку болгарам? Кто не знает героев Шипки?

Раз уж мы затронули эту тему, хочется поразмышлять: так ли уж были монолитны евреи, населявшие имперские просторы?

Часто для христианина или мусульманина иудеи на одно лицо, если не внешне, то по сути определено. По их мнению, один и тот же характер присущ еврею Вильнюса, и Одессы, Лодзи и Винницы, Риги, Ставрополя или Мелитополя. Но ведь это далеко не так! Разве русский, уроженец Питера, не отличается от собрата с Дона? Вологодский крестьянин от краснодарского виноградаря? У них и диалекты разные, и образ жизни, и характеры.

Почему же евреи, которые были веками разбросаны по гигантским просторам Российской империи от Польши до Дальнего Востока, от Прибалтики до Черноморья, должны быть похожи друг на друга?

Возьмем, к примеру, «литваков» и «одесситов». Начнем с последних, знакомых мне с раннего детства, ибо, как говаривал Леонид Утесов, я человек, которому выпало счастье родиться в Одессе. Сразу же вижу кислую гримасу еврея из Минска или Ковеля: «Подумаешь, счастье! Одессит? Жулик, мошенник, аферист, личность мало почтенная». А теперь спросите у одесситов об их братьях из Белоруссии и Прибалтики. В ответ вы услышите примерно такое:

– Ида, ты слышишь? Шо ж тут непонятного? Это же литваки! Бр-р-р, как я их недолюбливаю!

– Ах, Соня, это которые из Риги и Пинска? Слышала бы ты, как они говорят: вместо гурнышт – горништ, вместо момэ – мамэ, вместо тотэ – татэ... Ну о чем тут говорить?

– А что они дали миру, – вмешивается Моня, – ни одного артиста, ни одного музыканта, ни одного писателя!

Бедные в своем невежестве Ида, Соня и Моня даже не подозревают, что «литваки» говорят на идише правильнее, чем одесситы, и именно этот идиш является литературным для европейских евреев. Кроме того, послушали бы вы, как одесситы говорят по-русски! Миска у них «мыска», кастрюля – «каструля», баклажаны – «сини», помидор – «помидора», сердце – «сэрцэ», ну и т.д.: «шынэль», «зэркало», «тэма»...

Что же касается «великих одесситов», то, действительно, музыкантами и писателями Одесса может гордиться, но в то же время Шагал, Сутин, Антокольский, Михоэлс, Левитан и многие другие никогда одесситами не были.

Чем еще гордились одесситы? Конечно, «одесским» юмором: Ильф, Бабель, Жванецкий, Карцев, – всех не перечислить. Но в то же время блистательный Райкин – рижанин.

Пришлось мне как-то познакомиться с одной еврейской парой, живущей пять лет в Дюссельдорфе.

– Наши евреи ведут себя в Германии по-разному, – рассказывали они, – но уж эти одесситы... Как за них стыдно!

А на днях мне позвонил из Мюнхена бывший товарищ.

– Ох, – простонал он, – устал я здесь от местечковых евреев. Только бы им покушать! Скоро всю траву поедят вокруг общежития! А вот одесситам можно позавидовать. Веселые, не унывают, помогают друг дружке. Я бывал в их компании – молодцы!

Ну как тут разобраться?

Кстати, о «местечковых».

Этих недолюбливали все. «Местечковый» стало нарицательным: значит, малокультурный, безвкусный, жалкий, неопрятный, словом, позорящий весь народ. Из-за этого каждый еврей больше всего страшился признаться, что его корни в местечке. То ли дело в Москве или Ленинграде, только не в какой-нибудь Деражне, Шепетовке или Крыжополе!..

Положа руку на сердце, давайте все же признаем: не в больших городах, а именно в местечках люди жили патриархальной жизнью, были более религиозны, совестливы, честны... Знаменитые Соньки-Золотые ручки и Мишки-Япончики не из

Касриловки, а из больших городов. Вспомните героев Шолом-Алейхема: как красивы, нравственно чисты его герои, уроженцы маленьких городков и местечек! Вспоминается рассказ одного старого еврея о том, как на большом местечковом базаре у торговца выпали и разлетелись по ветру большие деньги. Весь базар собирал купюры, и вскоре потрясенному еврею вернули все до последнего рубля...

– Попробовали бы вы, – заключил свой рассказ старик, – уронить деньги на одесском Привозе или на киевской Бессарабке!..

Так что словечко «местечковый» давно пора реабилитировать. Но вот беда: давным-давно не существует, ушел в небытие милый сердцу Шолом-Алейхема «штетл» – стерт с лица земли в годы гитлеровской оккупации или и так обезлюдел. А словечко живо по сей день...

Но ведь и русские частенько стыдятся, что родились не в большом городе, а в «медвежьем углу», и еще теперь неотесанный, грубый получит кличку «деревенщина». Питерцы про мужлана скажут «скобарь».

Однажды на московском рынке я разговорился с азербайджанцем. Оказалось, бывший учитель, теперь вынужденный торговать овощами.

– Я коренной бакинец, – гордо поведал он, – а вот эти... – и кивнул на кучку соплеменников, – думаете, это азербайджанцы? Иранцы! Посмотрите, как они себя ведут, только позорят наш народ.

Так что не только евреи делят своих на «чистых» и «нечистых».

Разве даже в Израиле все гладко между сабрами и олим, между европейскими евреями и сирийскими, йеменскими, между религиозными и атеистами и так далее?

Точно так же, как стеснялись выдавать свое «неблагополучное» местечковое происхождение, стеснялись люди и имен. Своим библейским придавали русское «благозвучие»: Хаим становился Ефимом, Роня – Раисой, Циля – Цецилией, Фроим – и вовсе Федей. А была бы возможность поменять фамилии, добрая половина российских евреев состояла б из Ивановых, Петровых и т.п. Увы, это делалось не от хорошей жизни.

«Эхо» слышится еще и сегодня. Недавно познакомили меня с неким Семеном Александровичем. Фамилия у него еврейская на все сто.

– Эх, – крикнул он с досадой, – где только люди достают такие имена? Вы действительно Анатолий? И Федорович?

Я утвердительно кивнул.

– Везет же людям, – вздохнул он.

А вскоре раскрылась маленькая его «мимикрия». От рождения, оказывается, он Соломон. Возможно, и отчество не Александрович. Что поделать: застарелый страх!

– А как же вы в паспорте, – не унимался он, – неужели тоже Анатолий?

Так и горюет этот еврей всю жизнь, привирая и то, что родом из Одессы, хотя сам из Богодухова.

По моим наблюдениям особой заносчивостью и высокомерием отличались евреи, родившиеся в Москве. Предки их, как правило, вели свое начало из Галиции и Подолии. Это были люди, вынужденные покинуть свои местечки в годы первой мировой войны – царское правительство выселяло их со старой «песней»: мол, «иудеи» станут содействовать неприятелю. Так пополнились, расцвели и еврейские общины Перми, Саратова, Симбирска, Казани, Самары и Пензы. Поговорите с евреями-уроженцами этих мест. Вы подивитесь их русскому, которым они так щеголяют.

После Октября, как известно, Москву стали «осваивать» евреи большей частью из саратовцев, симбирцев, пермяков. Неудивительно, что их дети, родившиеся уже в столице, приобрели тот самый «русский» лоск. Странные это были люди. Все еврейское им было чуждо, без конца твердили, что выросли на русской культуре, своих дедушек и бабушек, еще молившихся в синагоге, презирали, издеваясь над их библейскими именами, стеснялись их, приводя в дом русских друзей, перевирали свои имена, называясь Колей, Сережей, Андреем, Мариной, Аленой. То, что когда-то несчастные родители записали их в метриках Иосифами, Менделями, Абрамами, Лиями, было причиной тяжелых домашних скандалов и ссор.

Впрочем, надо признать, по-русски говорили они блестяще. Даже лучше иных русских коренных. Их язык до сих пор вызывает у меня досадную зависть. Я покинул Одессу в пятнадцать лет и всю жизнь провел в России, но до них мне все же далеко.

Эти московские грамотеи с особым презрением относились к украинским и молдавским евреям. Порой я даже чувствовал их ненависть. Но вот что любопытно: «аристократы», владеющие иной раз не одним иностранным языком, они порой не знали ни одного еврейского слова! Именно в этой среде встречал я так называемых «ненавидящих себя евреев», о которых пишет в своем труде «Еврейский мир» раввин

Йосеф Телушкин. Эти люди могли, и не без интереса, посещать церкви, но при слове «синагога» лицо их искажала гримаса отвращения: они крестились, принципиально вступали в смешанные браки (только б не жениться на паршивой еврейке!), радовались, заводя уже нееврейских детей...

Помню, как в юности меня потрясла ярость, звучавшая в знаменитом стихотворении моего земляка, блистательного поэта Эдуарда Багрицкого «Происхождение». С поразительной поэтической силой он обрушивался на все еврейское, окружавшее его с младенчества. Особенно запомнились строки, где автор с нескрываемым отвращением описывает еврейскую девушку:

– Любовь?

Но съедены вшами косы;

Ключица, вытирающая косо;

Прыщи; обмазанный селедкой рот

Да шеи лошадиный поворот.

Каждый раз, когда я натываюсь на эти строки талантливого поэта (тут ничего не скажешь!), возмущение растет в душе: как можно так беспощадно и несправедливо писать о какой бы то ни было женщине?

Чтобы поскорей успокоиться, я стараюсь тут же вспомнить Александра Куприна, с не меньшей поэтической силой воспевшего прекрасную Суламифь – тоже еврейку, легендарную возлюбленную царя Соломона.

У русского Куприна еврейка – неземное существо, у еврея Багрицкого – гадкое и грязное.

– Родители?

Но в сумраке старея,

Горбаты, узловаты и дики,

В меня кидают ржавые евреи

Обросшие щетиной кулаки.

Как надо было чураться своего происхождения, чтобы еврею так писать о родителях!

Но вот интересный поворот. Как только появилась возможность эмигрировать, сколько сорвали с груди крестики и стали лихорадочно искать старые метрики, чтобы любыми путями доказать свое еврейство. Теперь они были согласны на самое «жидовское» имя, на самую «позорную» фамилию.

Между прочим, в Израиль такие, с позволения сказать, евреи не едут, объясняя это так:

– Да это же Восток, а мы европейцы! Там одно «местечко» сидит, и вообще – это Жмеринка в увеличенном виде!

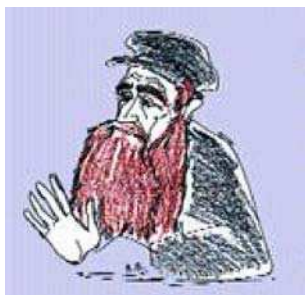
Кем же они становятся в эмиграции? В Германии тщатся стать немцами, в Канаде, в Штатах они вообще неизвестно кто, но опять же никак не канадцы и не американцы. Как это грустно, на какие невеселые размышления наводит!

А вот были еще «польские» евреи. Их в Одессе почему-то с не меньшей неприязнью объединяли с «литваками». «А пойлишер аид», – говорила моя бабушка неодобрительно.

Подобно уроженцам Двинска, Саласпилса или Монастырщины они являли полную противоположность черноглазым брюнетам-одесситам, любителям хорошо поесть, поухаживать за хорошенькой женщиной, пошуметь, повеселиться, рассказать забавный анекдот или спеть оперную арию в очереди за селедкой в гастрономе. «Литваки» и «польские» чаще всего были сероглазыми, тощими, угрюмыми молчунами, не знающими вкуса хорошей еды, сухими и малоприветливыми. Считалось, что литваки – отличные инженеры, врачи, экономисты.

Признаюсь, в течение многих лет именно такое представление о «литваках» и польских евреях казалось мне во многом правдоподобным. Во всяком случае эмигранты из Кракова, Белостока и Познани, появившиеся в СССР в начале второй мировой войны оказались именно таковы – они действительно были замкнуты, молчаливы, малоприветливы, с русскими евреями общались неохотно, держась особняком. Думаю, они вели себя так не в силу какого-то особого характера, просто судьба польских евреев была особенно трагична, достаточно вспомнить Варшавское гетто, Майданек, Трешлинку и Освенцим. Они не задержались в СССР. Как только после войны появилась возможность вернуться в Польшу, они сразу же потянулись туда. А оттуда почти все перебрались в Израиль.

Вспоминается и нечто забавное. Среди «польских» было много портных. Они сразу стали пользоваться у наших модниц бешеным успехом. Шить у такого портного считалось особым шиком. На самом деле эти ремесленники никакими особыми талантами не обладали, но от заказчиков не было отбоя. Важно было, чтобы такой «западник» говорил по-русски как можно хуже. Именно этим измерялась доля его «мастерства».

Помню, и меня свели с таким портным.

– Я вшиско занят, – сказал он, – но я дам вам такого мастера, что вы будете довольствованы, пан.

Рекомендованный мне «мастер» говорил по-русски еще хуже, а костюм, помню, сшил неважнецкий.

Были еще в России горские, грузинские и бухарские евреи.

С жителями высокогорных аулов приходилось встречаться крайне мало. Они вообще существовали вне нашей одесской, московской, рижской тусовки. Полагаю, что размышления о литваках и одесситах им также малоинтересны, как выяснение, скажем, преимуществ шотландского языка по сравнению с языком жителей княжества Уэльс. Однако хорошо известно, что кровь у горских евреев особенно горяча. И если, скажем, кишиневские в споре могли употребить только два-три крепких выражения, то наши кавказские соплеменники чуть что хватались за кинжалы, традиционно висевшие у пояса...

В институте учился когда-то со мной некто Якубов – смуглый брюнет с маслиновыми глазами, почти не снимавший тубетейку. Приехал он учиться в Москву из Чимкента. Долгое время я считал Толю узбеком, пока не выяснилось, что он «бухарский» еврей. Он ни слова не знал на идише, однако был истинно религиозен, яростно восставал против царившего в те годы в СССР антисемитизма.

Иногда, вспоминая Якубова, я спрашиваю себя, как могло так случиться, что евреи в Центральной Азии стали похожими на узбеков? Здесь следует коснуться теории детерминизма, которую проповедовал когда-то французский философ Ипполит Тэн, доказывавший, что природные условия, в которых существует тот или иной народ, определяют не только его характер, но и внешний вид. Однако это тема другого разговора.

Что же касается кавказских евреев, то помню два эпизода. Один грузинский режиссер на мой вопрос, как живется у него на родине евреям, ответил: «Хорошо. Они у нас знают свое место». Второй случай был не менее показателен. Мой сокурсник армянин, парень интеллигентный и воспитанный, неожиданно в пылу какого-то спора не сдержался и прошипел мне в лицо: «У-у, еврей!» Помню рассказы о том, что в Ереване вообще всколыхнулась волна антисемитизма: оказалось, у тогдашнего президента Петросяна жена еврейка. Вот вам и распространенные мифы о терпимости к евреям в Грузии и Армении!

Все, о чем я рассказываю, дело прошлое. Сегодня времена другие и евреи уже не те. Их просто становится все меньше и меньше. Когда-то в послевоенное время буквально на каждом шагу в Москве вы сталкивались с евреями в магазине, в метро, в трамвае, в коммунальной квартире. Но попробуйте увидеть еврея в столице сегодня. Конечно, мелькают еще кое-где физиономии, чем-то напоминающие еврейские... А «патриоты» по-прежнему уверены, что от «сионистов» в России не продохнешь.

Но вот замечательный феномен: чем меньше стали еврейские общины на просторах новой России, лишившиеся за последние 10-15 лет в связи с бурной эмиграцией сотен тысяч человек, тем дружнее, сплоченнее стали евреи Омска и Пскова, Смоленска и Астрахани. Нынешней еврейской молодежи почти неведомы такие словечки как «литвак», «одесский еврейчик», «польский», «бессарабский», «наш» или «не наш».

Что же касается переселившихся в Израиль, то хочется верить, что с годами их дети и внуки образуют единую нацию, монолитную, дружную – народ, о котором смело можно будет сказать: «Да, они готовы поддержать друг друга в самых трудных ситуациях, отдавая последнюю рубаху человеку только потому, что его зовут Абрам или Мойшеле».

Так хочется в это верить...

ШАФИРОВ И ЕГО ПОТОМКИ

נאָון אָפּגעטאָ

Русская интеллигенция в течение нескольких столетий большей частью происходила из дворянства – самого разноплеменного класса русского народа. Каких только кровей не намешано в нем! Россия, захватывая новые пространства, нуждалась в талантливых строителях империи. Хазары, половцы, татары, литовцы, поляки, немцы, французы, итальянцы, шотландцы, испанцы, грузины, армяне, – сыны Западной Европы и Азии, даже Африки и Америки прибывали в далекую Россию, где нередко им удавалась «ловля счастья и чинов», но не менее часто выпадала и плаха. Евреи в этом не исключение.

П. П. Шафиров.

Неизвестный художник XVIII века.

Наиболее интересный на мой взгляд документ, рассказывающий о евреях петровского времени, – донесения отцов-иезуитов папскому престолу в период с 1698-го по 1720 год. Следует отметить, что сведения иезуитов, (в силу известных особенностей этого ордена) отличались высокой точностью и скрупулезностью. Объясняя причины, из-за которых не удалось склонить москвитов к заключению унии с Римом, в числе прочего они указали и на евреев: «Десятое затруднение – это могущество иудеев. Здесь находится весьма много иудейских семейств, прибывших из соседней Польши. Хотя они крещены, но справляют шабаш тайно, а то и довольно явно, как делали и прежде. И такие-то люди выдвинуты на первые должности. Один из них заведует канцелярией светлейшего князя, другой управляет несколькими главнейшими ведомствами, третий – самый главный управляющий у князя Меншикова, четвертый служит воеводой в Вологде... Они-то первые и, в сравнении с другими, самые жестокие враги Святой Церкви...

И теперь они всеми силами защищают ересь лютеранскую и кальвинистскую, а когда имеют возможность вредить нам, то, в свою очередь, не остаются без поддержки

своих союзников». («Письма и донесения иезуитов о России конца XVII – начала XVIII вв. СПб, 1904). Следует отметить, что заведующим царской канцелярией до 1718 года был Никита Моисеевич Зотов; главным управляющим Меншикова – Федор Соловьев, основатель дворянской фамилии Соловьевых; а управляющим несколькими главнейшими ведомствами – барон Петр Павлович Шафиров (1669-1739).

Дед Петра Павловича – смоленский еврей Шафир – после присоединения Смоленска к России крестился в 1654 году, получив имя Павел и отчество Филиппович. Сын новоявленного Павла, также Павел, знал несколько иностранных языков, почему и был приглашен на службу в Посольский приказ. А его сын (внук смоленского Шафира) стал при Петре Великом «тем самым» Шафировым.

Вклад вице-канцлера барона Шафинова в историю России сколь велик, столь и общеизвестен. Обилие наград, заслуженных им, однако же не обеспечивало неприкосновенности. Надо сказать, Шафиров, истинное дитя своего времени, не брезговал время от времени запускать руку в государственную казну ради собственной выгоды. В конце концов за мздоимство, а также за сокрытие своего еврейского происхождения он оказался на плахе. И лишь в последний момент, когда топор палача уже вонзился в чурбан рядом с шеей приговоренного, было оглашено всемилостивейшее решение: заменить смертную казнь на вечную ссылку. Оттуда опальный вельможа был возвращен лишь после смерти Петра и вновь вознесен высоко.

Между тем в противоположность сложной и неровной политической карьере семейная жизнь Шафинова была на редкость счастливой. Жена, Анна Степановна (Самойловна) Копьева, возможно, приходилась ему дальней родственницей. Она родила Петру Павловичу шестерых детей. Дочери, когда пришел их срок, сочетались браком с самыми аристократическими семьями, в том числе и Рюриковичей-Гедиминовичей. Что же касается сына Исая, он, похоже, был единственным огорчением родителей: пил, картежничал и умер, так ничем и не проявив себя в жизни.

Дочь Шафинова Анна вышла замуж за князя Алексея Матвеевича Гагарина и родила княжну Анну Алексеевну Гагарину (1722-1804), в замужестве ставшую графиней Матюшкиной. А графиня Матюшкина, внучка Шафинова, была первой статс-дамой императрицы Екатерины Второй, а затем обер-гофмейстриной при дворе императрицы Марии Федоровны. Ее дочь вышла замуж за польского графа Виельгорского. Их дети – знаменитые музыканты Матвей и Михаил Виельгорские – много сделали для русской музыкальной культуры. Старший брат – талантливый композитор, младший – выдающийся виолончелист и основатель Симфонического общества, первый директор и учредитель Русского музыкального общества, впоследствии – «Императорское Русское музыкальное общество». Братья оказывали всемерную поддержку Михаилу Глинке, покровительствовали Антону и Николаю Рубинштейнам. Они поддерживали знакомство с Александром Пушкиным, Николаем Гоголем, Францем Листом и многими другими деятелями русской и мировой культуры...

Вторая внучка Шафинова от дочери Анны – княжна Дарья Алексеевна сочеталась браком с фельдмаршалом князем Голицыным. Она оставила любопытное свидетельство о своей матери Анне Петровне, отважно отказавшейся принять от Великого Петра чару вина, что вызвало недовольство царя. Это же происшествие, только более детально описывает Историк К. Валишевский: «Дочь вице-канцлера Шафинова отказалась от чарки водки, поднесенной Петром, и он ей крикнул: “Злая жидовская порода, я тебя научу слушаться!” – и подкрепил восклицание двумя сильными пощечинами».

Другая дочь барона – Марфа Петровна (1697–1762) вышла замуж за князя Сергея Григорьевича Долгорукова. Из ее потомков в первую очередь известен граф Сергей Юльевич Витте (1849–1915), один из крупнейших государственных деятелей эпохи Александра Третьего и Николая Второго. Витте был выдающимся дипломатом и администратором, в нем более, чем в ком-либо, повторились черты характера его предка. Однако Шафиров трудился при основании Российской империи, а Витте при ее закате. Сергей Юльевич не пользовался расположением Николая Второго, не внявшего предупреждениям своей матери Марии Федоровны, вдовы Александра Третьего: «Во всем слушайся Сергея Юльевича». Граф Витте был последовательным сторонником еврейского равноправия, и в монархических кругах его иначе не называли, как «жидовский наймит».

Воспитывался Сергей Юльевич в доме дяди генерала Ростислава Фадеева, – того, который отличился при подавлении восстания горцев на Кавказе и получил в подарок от князя Барятинского, пленившего Шамиля под аулом Гуниб, боевое знамя мятежного имама. Генерал воевал и в Туркестане, и на Балканах, даже в Африке – командовал войсками египетского правителя-хедива. Для Салтыкова-Щедрина «беспокойный» генерал стал прообразом воеводы Полкана-Редеди...

Вошла в русскую историю родная тетка Витте – Елена Ган (1814–1842). Она известна как писательница, автор романтических повестей под псевдонимом Зинаиды Р-вой. Ее сочинения современники сравнивали с прозой Пушкина, Лермонтова, Жорж Санд. И все же слава ее дочери несомненно превзошла известность матери. Это Елена Блаватская, писательница и теософ. Есть мнение, что годами путешествуя по диким местам Тибета, Индии, Цейлона она, быть может, сочетала изучение восточной мистики с выполнением деликатных поручений российской разведки.

Другой потомок Шафирова по линии его дочери Марфы – знаменитый поэт Петр Вяземский (1792–1878), близкий друг Пушкина, один из столпов русской поэтической школы. Именно ему, потомку Шафира и Рюрика, принадлежит ставшее хрестоматийным выражение: «Что русскому здорово, то немцу карачун». А о себе он заметил: «Стыдно сесть в чужие сани коренному русаку». Тем не менее «коренного русака» серьезно интересовала еврейская тема. Ее разрешение он сравнивал с разрешением проблемы крепостного права. Думается, не случайно Вяземский предпринял и трудное по тем временам путешествие в Палестину.

Стоит упоминания и то, что на праправнучке Шафирова Екатерине Андреевне Колывановой был женат знаменитый историк и писатель Н.М. Карамзин. Ю.Н. Тынянов считал, что именно Екатерина Андреевна – та самая «безымянная любовь» Пушкина, которой он посвятил знаменитую элегию «На холмах Грузии лежит ночная мгла»... И, наконец, еще один интересный факт: М.Ю. Лермонтов по линии бабки Е.А. Арсеньевой приходится родственником Евреиновым, а Матвей Евреинов, основатель этого рода, – родственник П.П. Шафирова.

Третья дочь Шафирова – Наталья Петровна, вышла замуж за графа Александра Федоровича Головина, сына Федора Алексеевича – великого сподвижника Петра I, который самому Шафирову был и покровителем, и другом. В этой линии следует отметить адмирала Степана Лесовского (1817–1884). В 1863 году он командовал эскадрой, прибывшей в Нью-Йорк для поддержки президента Линкольна в разгоревшейся Гражданской войне. Советские историки склонны были считать, что внезапное появление эскадры Лесовского удержало Великобританию от вмешательства в войну на стороне южных штатов.

Четвертая дочь барона Екатерина Петровна была выдана заботливым отцом за князя Василия Петровича Хованского. К началу двадцатого века их потомство составило более четырехсот человек. Здесь следует отметить ветвь Самариных – один из них в 1915 году был оберпрокурором Синода, заменив на этом посту крещеного еврея В.К. Саблера. Гордый Самарин не удержался в Синоде из-за открытой вражды с всеильным Распутиным. Между прочим к убийству «святого черта» семья Шафирова имело самое непосредственное отношение... Кровь барона текла в жилах князя Феликса Юсупова-Сумарокова-Эльстон, знаменитого убийцы Григория Распутина.

Прямыми потомками Екатерины Шафировой и Василия Хованского были князья Трубецкие и графы Строгановы, один из которых – Павел Александрович – командовал сводной дивизией в битве при Бородино и проявил отменную храбрость. Русский писатель Алексей Николаевич Толстой тоже один из потомков Екатерины Петровны.

Мария Петровна, пятая дочь Шафирова, как и сестры вышла замуж совсем неплохо – за сенатора и президента Камер-коллегии Михаила Салтыкова, русского вельможу, корни которого тянутся к ханам Золотой Орды. Один из потомков этой пары – Александр Чичерин – посвятил себя военному делу, служил в прославленном Семеновском полку и погиб молодым в битве при Теплиц-Шенау в 1813 году. Он оставил интереснейшие дневники, в которых нескрываемо острый интерес к еврейству – увлечение, куда как несвойственное русскому дворянину тех времен. Чичерин пишет о посещениях еврейских кварталов, синагог, о евреях, с которыми довелось познакомиться... Что здесь – только лишь природное любопытство или все же стойкая генетическая память?

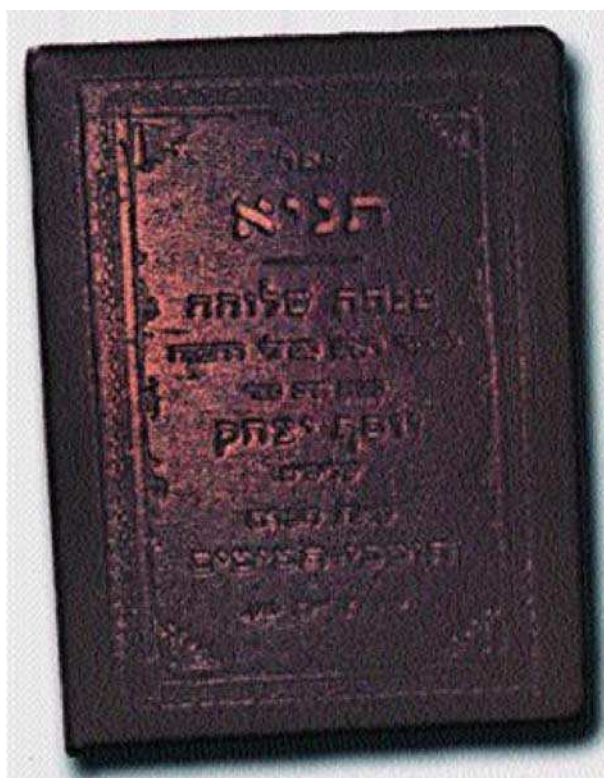
В заключение хочу отметить, что и в современном Израиле представлен род Шафировых. Например, Елена Толстая-Сегал, внучка писателя А.Н. Толстого, преподает литературу в Еврейском университете Иерусалима.

АЛЬБЕРТ ГОР И КНИГА «ТАНЬЯ»

Эйи Орд

Автор – советник вице-президента США по вопросам национальной безопасности

В течение двадцати лет я имел честь служить советником по проблемам национальной безопасности при Альберте Горе. На протяжении всей карьеры в палате представителей, в сенате и Белом Доме вице-президент не упускал возможности способствовать улучшению жизни даже в малом и частном. Хотя, наверное, все мы, каждый по-своему, стремимся к этому, но положение вице-президента уникально, и у него есть особая возможность влиять на те или иные события. Мне бы хотелось рассказать об одном из таких малоизвестных широкой публике случаев.

Сначала подарок Любавичскому Ребе, сейчас – подарок человечеству.

В декабре 1993 года Альберт Гор прибыл в Россию в качестве вице-президента США с первым официальным визитом. Для нового американского правительства этот визит был важным шансом начать диалог с правительством России, обозначить свои цели в развитии отношений между нашими странами. В самолете на пути в Москву, где должна была состояться встреча Гора с Борисом Ельциным, мы еще раз проанализировали повестку дня. Кроме проблем геополитического значения, мы намеревались коснуться и более скромного, можно сказать частного вопроса о возвращении коллекции Шнеерсона – библиотеки, насчитывающей свыше 12 тысяч книг религиозного содержания, захваченной в период большевистской революции.

Это произошло в 1917 году в городе Любавиче. Участники еврейских погромов бросали богословские книги в костер, и они превращались в пепел. Чтобы предотвратить уничтожение многих священных текстов, в том числе принадлежавших еще Баал-Шем-Тову, Любавичский Реббе Шолом-Бер отправил свою библиотеку на хранение в Москву. К сожалению, большевики изъяли эти книги со склада, где они хранились, и передали в Государственную библиотеку имени Ленина. Там они с тех пор и лежат под замком.

Эта конфискация была вопиющим нарушением законности. Для советской власти книги не представляли никакой ценности, а между тем это важная составная часть еврейского духовного наследия. Вскоре после случившегося Ребе с семьей и последователями эмигрировал в США, спасаясь от преследований. Получив там гражданство, члены семьи Шнеерсонов стали добиваться возвращения драгоценного духовного наследия, чтобы поделиться им с еврейским народом и всем миром.

Начиная с 40-х годов, правительство США настаивает, чтобы Москва вернула эти книги законным владельцам. В начале 90-х годов Альберт Гор активно ратовал в сенате США за последовательную политику в этом направлении. Его поддержала администрация президента Буша. Возглавив кампанию, в результате поддержанную обеими партиями, Гор добился принятия законопроекта о том, что часть американской помощи России будет предоставлена при условии возврата этих книг. Позже он добился решения о возвращении Москве архивов города Смоленска, которые в настоящее время находятся в хранилище Национальных архивов США, только после возвращения коллекции Шнеерсона.

Перед поездкой в Москву в 1993 году вице-президент Гор подтвердил, что занимает в данном вопросе твердую позицию, и ясно дал понять русской стороне: он надеется на немедленный сдвиг этом деле. При посещении библиотеки имени Ленина вице-президенту были показаны «плененные» книги. Поскольку условия, в которых они содержатся, не произвели на Гору особо благоприятного впечатления, он не воспользовался предложением сфотографировать книги. Позднее русские сделали жест доброй воли – предложили Гору по собственному его усмотрению выбрать один том, чтобы вернуть его Любавичскому Ребе Менахему-Мендлу Шнеерсону. Выбор вице-президента пал на книгу «Танья».

Я никогда не забуду эту книгу в потрепанном кожаном переплете, на котором выгравированы еврейские буквы. На желтеющих листах ее содержится бесконечно дорогое нам послание. В ней рассказывается о зданиях евреев на протяжении веков, и тот факт, что ей была возвращена свобода, позволяет надеяться, что и справедливость в нашем мире не будет растоптана. Эта «Танья» в свое время была подарена Любавичскому Ребе его учениками. Сейчас она стала даром всему человечеству.

Во время первого визита в Россию президента Клинтона ему были переданы еще семь книг из того же собрания. Американское правительство продолжает настаивать на возвращении всей коллекции, и мне хорошо известно, что в этом мы опираемся на поддержку обеих партий.

Между прочим, недавно особое значение приобрел еще один аспект этой истории. Как я уже упоминал, будучи сенатором, Гор стал инициатором законопроекта, способствующего возвращению русскими всей коллекции. Коспонсором этого законопроекта был сенатор Джозеф Либерман.

АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВНА БРУШТЕЙН

Ėpáîáî Ėááî

Очерк об известном прозаике и драматурге А.Я. Бруштейн написал очень близкий ей человек – писательница, журналист, педагог Любовь Рафаиловна Кабо. Ее перу принадлежат книги «За Днестром» (получившая высокую оценку А. Твардовского), «В трудном походе» – о советской школе, «Повесть о Борисе Бекляшове», отразившая историю целого поколения, и др. Она много ездила по стране с фотоаппаратом, побывав на Колыме, Дальнем Востоке, Алтае, целине, в Забайкалье, о них были ее очерки в периодической печати. Анализ причин необычайной самоотверженности, энтузиазма и какой-то степени бездумности ее поколения нашел отражение в книге «Ровесники Октября» (1997 г.), которую она писала в течение 11 лет. В 1999 году вышла «Правдѣнка» – ...«про то, что со мной, взрослым человеком, происходило в жизни», так начинает Любовь Рафаиловна эту книгу.

Воспоминания Л.Р. Кабо об Александре Яковлевне очень личностны, что и понятно, ведь они были чрезвычайно близки. В них отсутствуют краткие биографические сведения, которые я приведу.

Родилась А.Я. Бруштейн в 1884 году в Вильнюсе. Она окончила в родном городе гимназию, а потом в Петербурге Бестужевские курсы. Еще будучи гимназисткой, она была репетитором и преподавала на бесплатных вечерних курсах для рабочих. В течение 10 лет (с 1907 по 1917 гг.) она состояла членом Петербургской подпольной организации «Политического красного креста помощи политическим заключенным и ссыльным революционерам». Во время гражданской войны Александра Яковлевна была лектором фронтового театра, а после Октябрьской революции вела культурно-просветительскую работу среди населения и инициатором создания 173 школ грамотности. Ее литературная деятельность началась с началом века – стихи, очерки, переводы. В 1922 году в Петрограде была впервые поставлена ее пьеса «Май». Ею написано свыше 60 пьес, которые шли в столичных и периферийных театрах, а также оригинальные инсценировки классики («Дон Кихот», «Хижина дяди Тома» и др.). Ее автобиографической трилогией «Дорога уходит в даль...» (1964) зачитывались и школьники, и их родители. Отдельные части выходили с 1956 года. В них автор отразил жизнь общества конца XIX – начала XX веков, в том числе «Дело Дрейфуса». Произведениям А.Я. Бруштейн свойственен углубленный психологизм, лиризм, простота. Скончалась Александра Яковлевна в 1968 году. Будучи тяжело больной, она часто укоряла по телефону своего давнего друга Льва Разгона, что он не находит времени поведать ее и говорила, что он потом будет кусать локти. Некролог, посвященный А.Я. Бруштейн, Разгон озаглавил «Я кусаю локти».

К сожалению, целиком очерк Л.Р. Кабо об А.Я. Бруштейн невозможно дать в журнале, и он приводится с неизбежными сокращениями.

Ĭ ěđđà Áîî'ěç

У писательницы Фриды Вигдоровой, человека на редкость благородного и отважного, между прочими ее прекрасными качествами, было и такое: она любила делать подарки. Дарила она не чеканку, не хохломские поделки – дарила людям друг друга. Немного ревновала потом, когда подарок оказывался очень уж впору, но в этом стремлении своем – людей объединять и радовать, – не остывала. Вот так она меня однажды спросила: – Вы читали «Дорога уходит в даль...»? – Читала, а что? – Вам понравилось? – Очень. – Напишите об этом автору.

Я удивилась. Автор в моем представлении был известен, мастит, избалован похвалами, – подобное письмо казалось мне навязчивым. Но Фриде никогда не приходилось тратить на меня слишком много усилий: – Напишите. Надо.

Надо, так надо. Книгу читал весь наш дом – от очень больного и уже в общем-то не встававшего моего отца до подростка сына. Сын заглотнул книгу, как то и свойственно возрасту, неблагодарно и жадно, выбирая в ней то, что к этому возрасту обращено, отец вчитывался медленно, смеялся, плакал, подолгу задумывался... Поэтому письмо не составило для меня никакого труда. Именно об этом я и написала: о сочетании умудренности и душевной молодости в этой книге. Ответ я получила тут же... Кончалось ее письмо следующим: «Надо встретиться – и поскорее... Со мною, дорогая, время исчисляется не пятилетками, отнюдь!..»

Вот так я оказалась в одном из староарбатских переулков – в Серебряном, – в солидном, не слишком старом московском доме, с крутой лестницей, со множеством цветов на каждой площадке, что, как мы понимаем, несколько необычно, и с глубоким деревянным креслом на одной из них. Поднимаясь по этой лестнице впервые, я еще не знала, что и кресло, и цветы – это уже была Александра Яковлевна. Так же, как и медная дощечка на двери – «Профессор Сергей Александрович Бруштейн», – это тоже была она, ее живая память об умершем муже.

В передней истерически и бессильно лаяли две курносые, безобразные собачонки, пронзительно кричал попугай, – гвалту было немало! И попугай, и зряшные эти собачонки – это уже не была Александра Яковлевна. Принадлежало это все ее дочери, Надежде Сергеевне Надеждиной, руководительнице ансамбля «Березка».

Александра Яковлевна, как правило, дожидалась гостей у себя, отдыхая от своего слухового аппарата и чуть сгорбившись в большом кресле. Перед нею, когда она ожидала гостей, уже стояли разложенные по тарелкам гастрономические изыски, домработница Шура приносила чай; Александра Яковлевна бросалась угощать немедленно и с такой настойчивостью, словно ей предстояло – и она знала это, – спасти оголодавшего человека от немедленной смерти.

О чем мы говорили в ту первую встречу? Не помню. Об ее книжке, конечно. Но, между прочим, и о моей, Александра Яковлевна упорно к ней возвращалась. Получив мое письмо, она поторопилась перечесть мою повесть, – обязательность, о которой мы, юные варвары тридцатых годов, успевали приобрести лишь самое поверхностное понятие.

Г-споди, как она была некрасива – крупный, чуть приплюснутый нос, слабые стариковские губы, эта дряблая кожа, эти выцветшие от времени глаза... Она прекрасная была, была красавица! Даже в слепеньких, выцветших глазах словно поселялось по несколько чертей сразу – будь то разговор наедине или большая компания разнородных людей, наслаждавшихся неожиданно выпавшей им удачей, – встречей с нею,.. а уж она-то жила, она кокетничала, чудо наше!.. Иногда она любила при случае ошеломить крепким словом. Получалось у нее это удивительно элегантно, как и все, что она говорила и делала; и столько ума – во всем, что она говорила и делала, – столько неподдельной заинтересованности и молодой страсти, – она была гением человеческого общения, именно так, иначе о ней не скажешь.

Очень трудно о ней вспоминать. Слишком крупный человек – и разный, не всегда такой, каким казался с первого взгляда, великолепный в страстях своих, и в великодушии, господствующем над страстями. Слишком сложное общение для связных и цельных воспоминаний, слишком – осмелюсь сказать и это, – тесная и сердечная дружба – со своим началом, с этим безоглядным движением друг к другу...

Вот перечла ее письма к себе и захлебнулась отчаяньем: словно целый материк любви обвалился. Слово-то какое точное: материнство, материк!.. Но конечно, не я одна, многие испытывали то же самое: ощущение, что это они почтены любовью и доверием чрезвычайным. Потому что трудно среди будничных наших мерок поверить в существование подобной душевной щедрости. Сколько людей, вовсе не претендующих на какую бы то ни было особую близость с нею, – сколько людей утешались или счастливо удивлялись, получив неожиданное письмо от А.Я. Бруштейн, – тогда, когда меньше всего чего-нибудь подобного ждали...

Летом 1981 г. мне посчастливилось всерьез посидеть над архивом А.Я. Бруштейн и изучить его, – какие удивительные хранятся письма! «... Спасибо за то, что Ваша книга дает одну из высших радостей жизни, – пишет она И.И. Юзовскому – и тоже не в лучшую минуту его жизни, – радость показать дрянным людям кукиш. Кукиш за то, что они – сволочи, что они хотели помешать талантливому человеку творить и просто жить, – а талантливый человек отнесся к ним без истерики, даже не почесался от их укусов и – пожалуйста! – прилепнул их великолепной книгой. Ах, хорошо!.. Вы молодец, Иосиф Ильич, из молодцов молодец!..»

А как должен быть удивлен и обласкан человек, ничем и никак с Александрой Яковлевной не связанный, получив, например, такое письмо: «Если бы мне дана была власть устанавливать “день мороженщика или маникюрши” или оригинальное празднование “Ночь ассенизатора”, я бы установила “День благодарности хорошим людям”. Это значит: один раз в году хорошие, – **настоящие хорошие люди**, – получают

от всех, кто их уважает и любит, выражение этих добрых чувств. Хоть мне не дана такая власть, я все-таки разрешаю (сама себе!) пожелать доброго Нового года всем тем, кого я горячо почитаю, хотя не все они меня, может быть, и знают».

«Марк Лазаревич! Я – вот такая Ваша почитательница...» Такое письмо получил в канун нового, 1967 года, Герой Советского Союза Марк Галлай, в прошлом летчик, а потом – тонкий и честный писатель; в другом году получил С.С. Смирнов, получали и другие, – это Александра Яковлевна взяла себе за правило устраивать – для себя! – тот самый «День благодарности хорошим людям».

...«Вы знаете, что я не зазнавалась и не воображала, – пишет она друзьям, – но то, что за эти годы я сделала для детской драматургии много, это факт...» И – еще: «Больше половины моего времени уходит на работу с начинающими, – это роскошь для меня, клячи, потому что мне нужно зарабатывать, но от этой роскоши отказаться я не могу, потому что в ней для меня – большая радость...»

Все это писалось ею в 1950 году, а ведь еще не было тогда ее книги о русском театре «Страницы прошлого», не было книг, которые так волнуют юного и взрослого читателя – «Дорога уходит в даль...», «В рассветный час», «Весна», – все это было еще впереди. Еще не было книги воспоминаний «Вечерние огни». Прозаик А.Я. Бруштейн еще только начиналась.

«Не сердись на меня! – пишет она мне в 1959 году. – Я не просто в запарке (кончаю, кончаю книгу!), а в мучительных последних схватках, причем в иные – редкие! – дни мне кажется, что получилось что-то приличное, в другие – очень частые! – что я рожаю не человека, а обезьяну». В следующем, 1960 году: «Начала новую книжечку. Пишу легко, а этого всегда боюсь. Значит, написанное – мусор...» В 1961 году: «Пытаюсь продаваться в журналы... Детгиз при расчете за “Весну” передал мне лишних 7,5 тысяч рублей. Теперь надо возвращать. Поздравляю вас, какая вы хорошенькая...» «Возвращать» – это на языке Александры Яковлевны всегда значило одно: еще и еще работать. И недаром она пишет С.Д. Дрейдену еще в 1940 году, сетуя на то, как несовершенно ее существование: ...«жизнь у меня не стыдная, – трудовая. Когда я была маленькая, то мой отец (хирург) не знал в году ни одного дня отдыха... Часто бывало так, что он приезжал домой после полуторадневного отсутствия, когда он делал операцию и не отходил от оперированного, пока не проходили острые часы, – тогда он бывал так утомлен, что моя мать нарезала ему еду, – у него дрожали руки от усталости и волнения, и сам он этого сделать не мог. Каждый год в начале лета папа говорил: “Ну, в этом году в день твоего рождения я сделаю себе праздник, – просижу весь день дома, – встану поздно, – мы с тобой пойдем гулять...” И не было ни одного года, когда он мог это выполнить!.. В детстве меня это огорчало. Потом я научилась этим гордиться. Потом стала этому завидовать... Так вот – я очень люблю работать... И если бы судьба спросила меня, чего я хочу от нее всего больше, я бы сказала: “Я хочу, чтобы я не только любила и хотела работать по 10 часов в сутки, но чтобы я имела физическую возможность это делать”. Так вот это – согласитесь, скромное желание – она, сволочь-судьба, не только не исполняет, но даже не спрашивает меня о нем...»

Так что речь идет не о старушке-пенсионерке. Речь идет о писателе – и о писателе талантливом. «... Остановил чтение, чтоб написать эти строки и поздравить Вас с великой удачей,.. – пишет ей Корней Иванович Чуковский о книге “Дорога уходит в даль...” – В умелой, уверенной и темпераментной лепке характеров чувствуется сильная рука драматурга. О кудлатой Саше я не говорю. Это, так сказать, концентрат Вашего обаятельного и человеческого, игривого и изящного, несокрушимого животворного

юмора, связанного для всех, знающих Вас, с Вашей личностью... Саша в каждом своем проявлении талантлива, горяча, самобытна, и нельзя не верить, что из этой “кудлатки” вырастет, в конце концов, наша неотразимая Александра Бруштейн».

«Настоящие вещи в литературе – это колдовство, – пишет ей Константин Георгиевич Паустовский. – В книге “Дорога уходит в даль...” проза превращается в живую поэзию, – иными словами, достигает совершенства. Есть редкие книги, существующие не как литературное явление, а как явление самой жизни, как факт биографии читателя. Вот так и с этой Вашей книгой. Она вошла в жизнь (в данном случае в мою) как одно из безусловных событий моей жизни. Извините, если я говорю неявно...»

Отчетливо сознаю, что злоупотребляю цитатами, но – что делать! Взять хотя бы письмо к захандрившей в эвакуации приятельнице: «... Каждый день вспоминаю совет моей бабушки, когда я в первый раз собиралась рожать (а было мне неполных восемнадцать, и я этого еще не умела): “Там, что делать, – тужиться или нет, дышать или лечь на бок, – это тебе скажет доктор. А от меня помни одно: как можно дольше не кричать!.. Первый крик, первый стон, – и ты пропала: больше нельзя удержаться! Выбьешься из сил, сама измучаешься и других измучаешь!”...»

Вот так она и жила: как можно дольше не кричала.

Пожалуй, в Александре Яковлевне главное: удивительное мужество, высокая культура человеческих отношений – предельное внимание окружающим, предельное пренебрежение собою. То самое, что звучало еще в дневнике двенадцатилетней девочки, в прелестном дневнике изготавливающегося к жизни подростка: стремление ехать в самые глухие места, помогать там по мере сил, учить, лечить, «посвятить всю свою жизнь на служение ближнему своему. О Б-же милосердный, дай исполниться этим золотым мечтам!»

Еще до революции Александра Яковлевна – член подпольного комитета помощи политзаключенным, а в Союзе Писателей, членом которого она состоит со дня основания, узнают об этом только в день ее юбилея – и то случайно.

... «Днем и ночью, в течение десяти лет, рискуя своей жизнью и свободой, – так говорил докладчик на юбилейном вечере 1954 года драматург Исидор Шток, – она, к тому времени мать двоих детей, участвовала в подпольной организации. И ни слова об этом нигде!.. И в Гражданскую войну, когда “голова кружилась от голода” (это уже – слова самой Александры Яковлевны), она – “боец культурной бригады” (добавим: фронтовой бригады), и время это запоминается ею, как “замечательное время – и, вероятно, лучшее в жизни”... И в Отечественную войну, на этот раз в эвакуации, в Новосибирске, сетует лишь на то, что она в тылу, – «во время войны нет большего несчастья», – и просит работы – как можно больше: «Есть в Новосибирске такая старушка, – и академик, и герой, ассенизатор, швец и плотник, и журналист, и зверобой, и старый тюзовский работник...» А когда она вернулась из эвакуации в Москву, вслед ей почти сразу же пошло письмо: «После вашего отъезда все как-то распустились, развязали языки, стали еще больше обливать грязью друг друга. Теперь особенно ясно, каким Вы были сдерживающим началом, как облагораживали организацию».

Ее любили. Или боялись. Боялись все меньше, – по мере того как она старела. Любили все больше, – потому что все, что она являла собою всю жизнь, старость лишь подчеркивала, обрамляла драгоценной оправой. Рядом с нею, между прочим, было не страшно старости.

И в то же самое время – это утверждение прозвучит чудовищно, но это – правда, как бесконечно была она одинока! Всеми любимая, постоянно окруженная людьми! Судьба нещадно билась в нее – по самому трепетному в ней, самому беззащитному. ...«Потому что я осталась одна. Потому что я – “доживаю”. И сознание это особенным образом освещает мою жизнь.

В детстве мне подарили книгу “Веселые приключения барона Мюнхгаузена”. На обложке – сам барон, в гусарском мундире и треуголке пирожком, кокетливо посаженной на пудренный – с косичкой – парик, сидел на лошади, и лошадь, нагнув голову, пила воду из ручья. Но – у лошади была только половина туловища: заднюю отрубило опустившимся некстати шлагбаумом. И вода, которую пила лошадь, широко выливалась из оставшейся половины туловища.

Это – моя жизнь сегодня. Смерть Сергея отрубила от меня всю прожитую жизнь, ту, что позади, за плечами, – со всеми воспоминаниями, со всеми событиями. И то, что происходит со мною теперь, – все, что я вижу, чувствую, думаю, делаю, пишу, – вливается в сохранившийся обрубок жизни – и тут же выливается. В никуда. В ни во что».

Помню ее рассказы о первой встрече с Сергеем Александровичем, о его сватовстве – об этом она вспоминала охотно. Он считался женихом завидным, ему сватали самых достойных невест, он же только посмеивался: «Что вы! Мне ехать в земство, сидеть в глуши, я же с нею, с этой, умру от скуки...» А однажды в пригороде дождь загнал его на веранду какой-то дачи. «Встретил девочку – удивительную, – рассказывал он позднее. – С этой – не заскучаешь...» И через какое-то время старомодно и церемонно просил руки этой девочки, не у нее самой даже – у ее отца, своего коллеги, виленского врача Якова Выгодского. В архиве лежат изящные билеты на двух языках: французском и русском: «... просят вас на бракосочетание Александры Яковлевны Выгодской...»

А потом стал медленно погибать ее сын – Михаил Сергеевич, – помощь которому она считала единственной оставшейся ей в жизни задачей. Когда-то Александра Яковлевна переписала в свой дневник письмо, полученное от него в одну из трудных минут, в эвакуационной перемученности: «... Как радостно сознавать, что имеешь такую умную, честную кристально-чистую маму...» «В упоении от Мишкиного письма легла на свою кровать и, как всегда, почувствовала прилив желания роскошно работать, много сделать, чудно писать и т.п.» Когда сын погибал, Александра Яковлевна словно в душевное подполье ушла, молчала, не жаловалась, не делилась этим своим ужасом перед неизбежным. После его кончины друзья радовались, что она была все та же. Все, что было в ней волевого, ушло в работу. Она считала своим долгом помогать семье погибшего сына – его вдове, его сыну. Не ее утешали и поддерживали, – это она – поддерживала и утешала. Когда-то, по неизмеримо меньшему поводу, она писала: «Я не плачу, – этому люди моего поколения не обучены...» Она и не плакала. Просто – то самое, что было содержанием всей ее жизни – чувство долга, – теперь заполнило ее всю, не доставляя прежней радости и невольно ожидая – ответа.

Александра Яковлевна не случайно вспоминала, что муж, умирая, жалел прежде всего ее: «Тебе будет очень трудно...» Вот кто знал эту глубоко запрятанную в ее душе потребность в ответной любви, в открытой и щедрой ласке.

Я любила ее с годами не меньше, нет, – я, может быть, даже слишком любила. И не могла все то, что делала Александра Яковлевна, и то, как она жила, наблюдать спокойно.

Помню, как в Переделкине, в писательском Доме творчества, я опять застала ее за толстой чужой рукописью, на этот раз она взяла ее не на рецензию, а для бескорыстной дружеской помощи. Позже я узнала: автора она просила при этом «Только не говори Любе». Боялась меня? Нет, конечно. Не хотела огорчить? Все равно: помогать другим – это она еще могла, во всяком случае, считала своим долгом, – всякое же страстное, заинтересованное вмешательство в ее жизнь было ей уже не под силу!

Но раньше был ее 80-летний юбилей. За несколько дней до него мы с А.Я. Рейжевским отбирали материал для юбилейной выставки. На прощанье Александра Яковлевна надписала каждому из нас только что вышедший однотомник «Дорога уходит в даль...»

«Любочка! – писала она мне, – ... я люблю тебя, Люба!.. И если можно в таком состоянии что-либо писать, кроме “В смерти моей прошу никого не винить”, – то я пишу тебе: “Я люблю тебя, Люба!” Твоя А. Бруштейн. 5.X.64 г. Москва». Вот так. Вроде ордена. Памятное – навсегда.

На юбилейном вечере большой зал Дома литераторов не вмещал желающих присутствовать; мы с Фридошкой Вигдоровой сидели на одном стуле. Фрида потом напишет Александре Яковлевне: «Никогда не видела зала, который был так полон любовью. Зал, готовый взорваться от любви. А мне от любви к Вам все время хотелось плакать...»

Тогда на вечере Александра Яковлевна будет растерянной, взволнованной, не знающей, кому и подставлять свою коробочку, и беспомощно поводящей ею в воздухе. То ли плачущей, то ли смеющейся – издали, из зрительного зала, не разберешь. А зал веселился, хохотал, аплодировал. То приветствовали юбиляру Николай Черкасов и Борис Чирков, специально ради этого приехавшие из разных мест, – сейчас они были Дон Кихотом и Санчо Пансой, – то в обычной своей шутилой форме обращался к Александре Яковлевне Леонид Утесов, то зывал к ее точным нравственным меркам Сергей Образцов. То раздавался записанный на пленку голос Корнея Чуковского: «Вы старая-престарая старуха...», то, словно полемизируя с Чуковским, звучали стихи Самуила Маршака – стихи десятилетней давности, написанные еще к прошлому юбилею:

Ī ōñō ŭ pāēēyōōā,

À.В. Áðōō ò áéí,

Ī àì í î ã ñ ò àðō á

× àì Ø ò î è è Ø ò áéí,

Ī ōñā è Ī î ã àéí

Á ñ ñ í è è á é ã à à í,

À È î ò í á é ÷ ó é

Ī î ÷ ò è ÷ ò í á í ó é..

Ī á í à é î ã ñ á á -

Εἰς τὸν ἑορταστικόν -

χοῖν ἄν - ἰεῖναι

Ἀὰ ὀαῖν ὀ...

*Αὐτὸς, ἄνθρωπος,
σεαυτὸν - ἔν, ἴσως ἐπὶ
κοιτῆρα - ἄνθρωπος
ἄνθρωπος, ἄνθρωπος, ἄνθρωπος, ἄνθρωπος
ἄνθρωπος, ἄνθρωπος, ἄνθρωπος, ἄνθρωπος
ἄνθρωπος, ἄνθρωπος, ἄνθρωπος, ἄνθρωπος*

Таких веселых юбилеев в Доме литераторов, кажется, и не было. И будут приветствовать юбиляршу и артисты цыганского театра «Ромэн», и артисты цирка (она и о цирке умудрилась что-то писать!), и выкрикивать слова театрализованного приветствия артисты Московского Центрального детского театра и Ленинградского ТЮЗа... Александра Яковлевна, верная себе, будет потом благодарить директора Дома литераторов Б.М. Филиппова и каждого сотрудника поименно, только им приписывая успех вечера, – «если он не превратился в Ходынку, к чему имел все основания, ибо в зал, вмещающий 700 человек, явилось свыше полутора тысяч, если, несмотря на такое чудовищное переполнение, вечер все-таки прошел блестяще по организованности и порядку, и все чувствовали себя уютно и хорошо... и юбилей мой, к большому моему счастью, не был похож на юбилей, и еще меньше – на гражданскую панихиду, он был веселый и молодой... Это говорит о таком высоком качестве работы нашего клуба... Теперь отдыхайте, – так закончит она свое благодарственное письмо, – пока мне не исполнится 90 лет, я вас больше беспокоить не буду, честное слово!..»

А через несколько лет мы стояли на Новодевичьем кладбище, среди высоких сугробов – друзья, пришедшие на открытие памятника над ее могилой, – мы плакали, слушая магнитофонную запись той ее юбилейной, ее заключительной речи. Плакали – потому что ни одна самая лучшая фотография, ни один портрет не передает того, что пробуждает в памяти голос – голос, который забывается скорее и раньше всего, но и к человеческой памяти обращается всего вернее.

«... Когда сегодня здесь говорили, я все думала – о ком это они говорят? В чем дело? Кто это? Какая замечательная старушка! Умная, талантливая, чудесный характер... И чего-чего только в этой старушке нет. Я слушала с интересом... Товарищи! Я, конечно, трудяга, я много работала, мне дано было много лет... Но сделанного мною могло быть больше и могло быть сделано лучше. Это факт, это я знаю совершенно точно... Смешно, когда человек в 80 лет говорит, что в будущем он исправится. А мне не смешно. Я думаю, что будущее есть у каждого человека, пока он живет и пока он хочет что-то сделать... Я сейчас всем друзьям и товарищам, которые находятся в зале и которых здесь нет, даю торжественное обещание: пока я жива, пока я дышу, пока у меня варит голова, пока не остыло сердце, – одним словом, пока во мне старится “квартира”, а не “жилец”, – до самого последнего дня, последнего вздоха...»

А вот из повести А.Я. Бруштейн «Дорога уходит в даль...» – воспоминания о собственном ее детстве:

« – Папа, – говорю я тихонько, – какой дом, Юзефа говорит, у тебя будет... в три аршина?

– Да ну, – отмахивается папа. – Юзефины сказки!..

– Как же мы все там поместимся?

– Нет... – неохотно роняет папа. – Я там буду один.

– А мы?

– Вы будете приходить ко мне в гости. Вот ты придешь к этому домику и скажешь тихонько – можно даже не вслух, а мысленно: папа, это я, твоя дочка Пуговица... Я живу честно, никого не обижаю, работаю, хорошие люди меня уважают... И все. Подумаешь так – и пойдешь себе...»

Ох, как «кутят» в этот день труженик-отец, даже не заметивший в вечной своей работе, что в центре города есть такой замечательный сквер. Они никуда не торопятся, отец и дочь, сидят в сквере, поедают бублики и мороженое «крем-брюля». Говорят о разных разностях. ...«Папа обнимает меня, я крепко прижимаюсь к нему. Вероятно, это одна из тех минут, когда мы особенно ясно чувствуем, как сильно любим друг друга...»

Но именно здесь, в этом месте, писательница А.Я. Бруштейн внезапно прервет свое повествование.

«Папа мой, папа!.. Через пятьдесят лет после этого вечера, когда мы с тобой “кутили”, тебя, 85-летнего старика, расстреляли фашисты, занявшие город. Ты не получил даже того трехаршинного домика, который тебе сулила Юзефа, и я не знаю, где тебя схоронили. Мне некуда прийти сказать тебе, что я живу честно, никого не обижаю, что я тружусь и хорошие люди меня уважают... Я говорю тебе это здесь».

Вот и все. Помолчим немного. Подумаем о том, как это просто, в сущности: живу честно. Тружусь. Хорошие люди меня уважают... Вот так они уходят от нас, наши старики, бесстрашно, бестрепетно делая последние свои шаги в неизвестность. Унося с собой, как секреты редчайшего мастерства, опыт истового труженичества, безукоризненной порядочности, высокой культуры. Как удержать все это, как сохранить?..

1953 ГОД:

ПРЕДСТОЯЛА ЛИ СОВЕТСКИМ ЕВРЕЯМ ДЕПОРТАЦИЯ?

Nai mi I aaeaaee

С середины 30-х годов, по мере выцветания коммунистической идеологии в СССР и укрепления режима личной власти, Сталин все более опирается в своей политике на великорусский национализм. Традиционным компонентом последнего был, как известно, антисемитизм (отнюдь не чуждый, кстати, и самому диктатору). Однако внутри – и внешнеполитическая обстановка, в частности, идеологическое и политическое противостояние германскому национал-социализму, исключали тогда возможность открытых проявлений антисемитизма. Тем более относится это к периоду 1941–1945-х годов, когда Советский Союз вместе с западными демократиями сражался против гитлеровской Германии (хотя негласно вытеснение евреев со многих руководящих постов осуществлялось уже во время войны). После 1945-го в атмосфере нарастающей конфронтации с Западом («холодная война») и ужесточения внутривнутриполитического режима дискриминация, преследования евреев усиливаются год от года.

Немногим более полувека назад, в 1949 году, впервые прошел неясный, но зловещий слух о готовящейся в СССР депортации евреев. Это было вскоре после разгрома Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), массовых арестов представителей еврейской интеллигенции и прокатившейся по стране кампании против «космополитов». С тех пор на Западе, а с 1990-го и в России появилось множество публикаций, в той или иной мере затрагивающих эту тему. В большинстве из них депортация советских евреев в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока рассматривалась как запланированная, тщательно подготавливавшаяся акция, осуществление которой лишь в самый последний момент было предотвращено внезапной смертью ее инициатора – И. В. Сталина. Более подробно эта версия изложена в книгах журналиста Зиновия Шейниса – «Грозил депортация» (М., 1991) и «Провокация века» (М., 1994), юриста Якова Айзенштата «О подготовке Сталиным геноцида советских евреев» (Иерусалим, 1994), публициста Федора Лясса «Последний политический процесс Сталина, или Несостоявшийся геноцид» (Иерусалим, 1995).

Итак, эта версия представляет следующую картину. В конце 40-х – начале 50-х годов на высшем уровне было принято решение депортировать советских евреев. Для подготовки акции была создана комиссия, подчинявшаяся лично Сталину. Председателем ее назначен был М. А. Суслов, секретарем – работник госбезопасности, а затем аппарата ЦК КПСС Н. Н. Поляков. Для размещения евреев в Биробиджане и других местах форсированно строились барачные комплексы лагерного типа, а соответствующие территории разбивались на закрытые, секретные зоны. Одновременно по всей стране составлялись списки (отделами кадров – по месту работы, домоуправлениями – по месту жительства) «лиц еврейской национальности». Списков было два – на «чистокровных» и «полукровок», и операция планировалась как двухэтапная.

Вначале высылка намечалась на вторую половину февраля 1953 года, но из-за задержки с составлением списков ее отложили до второй половины марта. Суд над «врачами-вредителями» Сталин назначил на 5–7 марта, публичную казнь их – на 11–12-е. Затем на крупнейших промышленных предприятиях страны предполагалось провести многотысячные митинги с требованием покарать всех пособников «убийц в белых халатах». Антисемитская истерия, достигшая апогея, должна была вылиться в «стихийные» погромы, «народные» расправы с евреями по всей стране. В этот момент, по замыслу Сталина, обнаружилось открытое письмо к нему от виднейших советских евреев с осуждением «врачей-убийц» как извергов рода человеческого и с просьбой переселить евреев в отдаленные районы страны, чтобы спасти их от насильственных действий со стороны окружающих.

Министр вооруженных сил СССР Н. А. Булганин получил от Сталина приказ подогнать к столице и другим крупным городам несколько сот военных железнодорожных составов. Теплушки без нар стояли наготове на Московской окружной дороге, в районе Ташкента и во многих других местах.

Согласно утвержденному Сталиным сценарию доехать до места назначения предстояло не более чем половине депортируемых. По пути следования эшелонов предполагалось организовать крушения, нападения со стороны «народных мстителей».

Предусмотрено было и марксистское теоретическое обоснование планируемой акции. Сталин поручил главному редактору журнала «Вопросы философии» Д. И. Чеснокову подготовить соответствующий «научный» труд. К началу февраля 1953 года книга под названием «Почему необходимо выселить евреев из промышленных районов страны» была уже одобрена Сталиным и отпечатана издательством МВД СССР тиражом в миллион экземпляров, который хранился на складе МГБ, и в день «X» его должны были срочно распространить по всей стране. Для центральных газет, радио и телевидения были подготовлены рецензии на эту книгу.

На каких источниках базировалась такая версия? Прежде всего на показаниях Н. Н. Полякова, записанных двумя свидетелями незадолго до его смерти. Эти показания приводятся в книге З. Шейниса «Провокация века». Во-вторых, на свидетельстве Н. А. Булганина в беседе с доктором исторических наук Я. Я. Этингером (сб. «Хроника «дела врачей», с. 4-7). В-третьих, на рассказе И. Эренбурга писателю Ю. Борову о беседе с Н. С. Хрущевым, пересказавшим якобы разговор со Сталиным относительно предстоявшей депортации (Ю. Боров. «Сталиниада». М., 1990). Наконец, на приводимых З. Шейнисом и Ю. Боровым (без указания источника) сведениях о подготовке книги Д. И. Чеснокова.

Нужно сказать, что версия эта с самого начала вызывала вопросы. Например: где можно ознакомиться с показаниями Н. Н. Полякова? Ответить на этот вопрос некому – ни автора показаний, ни первичного публикатора нет уже в живых. Далее. Если Н. С. Хрущев рассказывал И. Эренбургу о предстоявшей депортации, то почему он не упомянул о ней в своих «Воспоминаниях» (Нью-Йорк, 1979), где не раз говорится об антисемитизме Сталина? Наконец, самое главное: если комиссия по депортации действительно существовала, то должна была остаться ее документация. Где она? И напоследок: если книга Чеснокова была отпечатана огромным тиражом, неужели ни один экземпляр не сохранился? И даже если весь тираж был уничтожен, остались бы свидетели – наборщики, печатники, корректоры. Но где они?

В 1994 году в Москве вышла в свет большая (400 страниц) работа российского историка Г. Костырченко «В плену у красного фараона. Политические преследования

евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие». Автор назвал ее «Документальным исследованием». Действительно, в отличие от всех ранее писавших на эту тему, Г. Костырченко привлек большой документальный материал из строго секретных архивов ЦК КПСС и КГБ СССР. Эти материалы находятся теперь в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории, Государственном архиве Российской Федерации, Центральном архиве Федеральной службы контрразведки и Президентском архиве.

Обследуя названные хранилища, автор не обнаружил документальных подтверждений версии о готовившейся депортации советских евреев, и пришел к выводу, что правильнее ее считать предположением, которое будущие исследования должны подтвердить или опровергнуть.

В 1998 году в Германии состоялся симпозиум по теме «Поздний сталинизм и “еврейский вопрос”». В нем приняли участие известные специалисты по этой проблематике из России, Израиля, ФРГ, Чехии, Польши и Венгрии. Организовали симпозиум Институт по изучению стран Центральной и Восточной Европы и кафедра современной истории стран региона при католическом университете Айхштетта. Со стороны России в нем приняли участие Геннадий Васильевич Костырченко (Институт истории России РАН) и доктор исторических наук, профессор Владимир Павлович Наумов (секретарь Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте Российской Федерации). Их «дуэль» и стала, на наш взгляд, наиболее интересным событием симпозиума.

Во-первых, Г. Костырченко повторил свой главный аргумент: мы не имеем до сих пор официальных документов о подготовке депортации. Между тем, если бы таковые существовали, то обязательно всплыли бы несмотря на секретность. У такой точки зрения есть свои резоны. Вспомним: даже столь одиозные, опасные для репутации советского коммунизма документы, как секретный протокол к советско-германскому пакту о ненападении от 28 сентября 1939 года с картой раздела Польши или протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года с поручением НКВД ликвидировать находившихся в советских лагерях пленных польских офицеров, не были уничтожены. В течение многих лет существование их официально отрицалось, но после краха коммунизма в 1991-м эти документы «всплыли» в Президентском архиве среди бумаг с грифом «Особая папка».

Следующий аргумент Г. Костырченко: такие осведомленные в тайнах сталинской политической кухни функционеры, как Л.М. Каганович и П.А. Судоплатов, заявили, что ничего не слышали о подобном плане. Этот аргумент представляется менее убедительным. Каганович, который вообще обходит, отрицает или оправдывает сталинские злодеяния, в данном случае выразился так: «при мне разговора на эту тему не было», – подчеркнув, что в число самых близких к Сталину лиц тогда уже не входил (Ф. Чуев. «Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола». М., 1992. С. 41, 64, 175). Тем более Судоплатов. Возглавляя в 1951-1953 годах Спецбюро МГБ по разведке и диверсиям, нацеленное против «врага внешнего», он мог быть и не в курсе акции, задуманной на самом вершине против «врага внутреннего». А вот А.И. Микоян, как показали его недавно опубликованные воспоминания, считал: «готовилось добровольно-принудительное выселение евреев из Москвы» (А.И. Микоян. «Так было. Размышления о минувшем». М., 1999, с.535, 536).

Еще менее убедительными кажутся другие доводы Г. Костырченко. А именно: что для осуществления депортации недостаточно было указания сверху, нужно было

предварительно изменить действующее законодательство, легализировав антисемитизм так, как это было сделано в гитлеровской Германии в 1933 – 1941 годах. Более того, нужно было изменить официальную идеологию, «которая, вопреки шовинистическому давлению сталинизма, сохраняла еще романтику большевистского интернационализма, идеологию, которой чужды были национальная дискриминация и тем более расизм». А для проведения в жизнь столь глубоких и масштабных изменений требовалось время, которого Сталину не хватило. К тому же «практически все ближайшие соратники вождя наблюдали за его юдофобскими упражнениями с растущим напряжением, не без основания опасаясь, что все это может обернуться впоследствии сведением счетов с ними».

Что можно сказать по этому поводу? Показной интернационализм официальной идеологии, как известно, не стал препятствием для депортации четырнадцати (!) советских этносов, не потребовалось для этого и изменений действующего законодательства. Каждая такая акция мотивировалась политически, соображениями безопасности и т. п. Нет сомнения, что и для депортации советских евреев нашлись бы «веские» основания: их «враждебность» делу социализма (именно так, по словам Ю. Борева, объяснялась высылка в книге Д.И. Чеснокова), то, что «каждый еврей – националист, агент американской разведки» (согласно записи тогдашнего зампреда Совмина СССР В.А. Мальшева, так выразился Сталин на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС 1 декабря 1952 года).

Что касается психологической подготовки крупномасштабной акции против евреев, то она велась по меньшей мере с 1949 года (кампания против «космополитов»). Пропагандистская истерия, развязанная в связи с «делом врачей», привела, по оценке Г. Костырченко, к «взрыву плебейского антисемитизма», в котором агрессивность, желание посчитаться с «убийцами в белых халатах» слились с паническим, животным страхом перед ними. У многих эти чувства переносились на евреев вообще (по принципу «все они такие»). Психологическая почва для массового – «всемирного» – принятия широкомасштабных карательных мер была таким образом налицо.

Г. Костырченко, однако, полагает, что неодобрительное отношение ближайшего окружения и бурная реакция Запада на «дело врачей» вынудили Сталина осознать, что он «загнал страну в идеологический и политический тупик», и начать поиск выхода из положения. Признаки такого поиска российский историк усматривает в свертывании после 20 февраля 1953 года пропагандистской кампании вокруг «дела врачей» и подготовке Агитпропом ЦК письма на имя Сталина от имени самых известных советских евреев.

Однако относительно первого следует заметить: погромные статьи о «врачах-убийцах» продолжали появляться и после 20 февраля. Что же до упомянутого письма, то текст его, впервые опубликованный журналом «Источник» (Москва, 1997, №1), как оказалось, **не содержит просьбы о переселении евреев**. В нем говорится: вопреки усилиям врагов «подавить у евреев сознание высокого общественного долга советских граждан, ... превратить евреев России в шпионов и врагов русского народа и тем самым создать почву для оживления антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого, ... русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения СССР является другом русского народа». Кончалось письмо совсем неожиданно – просьбой разрешить издание газеты, предназначенной «для широких слоев еврейского населения в СССР и за рубежом».

карьерный ростом.
Вместе с тем в ряде учреждений
и организаций (Горки И. С., Ковалев Е. А.,
Федосеев А. И., Гринштейн А. М., Клей-
берг А. Г. и др.) были выявлены с комму-
нистической моралью буржуазно-капитали-
стической аморальностью «Деловитые», гонимые
и притесняемые работники, чтобы для
оказания материальной помощи семье и
другим лицам. Их имена на деле эти
граждане являются под руководством
редакционной комиссии секретно извещены,
переведены в другие учреждения де-
портации в ряде стран, в том числе в
США и Канаду. Директорский состав вы-
явлен, что он является дирекцией
«за» и «против» руководящих кадров
СССР и СССР от организации «Деловитые»
и их семьи в Канаде, Австралии и др.
местах зарубежного трудового вмеша-
тельства Китая.

Хроника
**Арест группы врачей-
еврейской**
В течение прошлой недели арестованы
группа врачей еврейской группы, арест,
стационар своей страны, куда арестованы
иногда Советского Союза.
В числе арестованных врачей: Гринштейн
А. М., врач-терапевт; профессор Коновалов
А. М., врач-терапевт; профессор
Ковалев Е. А., врач-терапевт; профессор
Клейберг А. М., врач-терапевт; профессор
Федосеев А. И., врач-терапевт; про-
фессор Гринштейн А. М., врач-терапевт;
доцент Гринштейн А. М., врач-терапевт.
Арестованные врачи, находясь
вместе с другими арестованными

Первое сообщение о заговоре группы врачей.

«Известия», 13 января 1953 года.

Конечно, в письме резко осуждались все тогдашние официальные враги – «врачи-убийцы», американский империализм, международный сионизм, государство Израиль, с которым СССР порвал дипломатические отношения. Однако нельзя не согласиться с Г. Костырченко: приведенные фразы действительно расходятся с содержанием и тоном предшествующей пропаганды. В любом случае данный текст не ложится в схему версии о предстоявшей через пару дней, недель или месяцев депортации советских евреев.

Соответственно и мотивы, по которым И. Эренбург и ряд других лиц отказались подписать его, оказываются иными, нежели утверждали сторонники указанной версии (считалось, что эти люди отказались ходатайствовать о «добровольном переселении»). По отношению к Эренбургу это установлено публикацией его обращения к Сталину в том же номере журнала «Источник».

Общий вывод Г. Костырченко по интересующему нас вопросу звучит так. В 1949-1953 годах «в еврейских кругах возникает трагическое чувство безысходности и отчаяния, обусловленное атмосферой растущего антисемитизма. Этому ощущению в известной мере благоприятствовала и традиционная еврейская ментальность, сформированная тысячелетним опытом преследований, постоянного ожидания национальной катастрофы. Способствовали ему и свежие воспоминания об изгнании целых народов, обвиненных во время войны в сотрудничестве с врагом». Неудивительно, что «запуганное сознание еврейского населения было пропитано самыми мрачными предчувствиями», вплоть до ожидания поголовной высылки в Сибирь. Хотя, полагает автор, такого рода планов у власти в то время не было.

Профессор В. Наумов возразил Г. Костырченко прежде всего по главному пункту – относительно отсутствия документов, подтверждающих подготовку депортации. Да, сказал он, на сегодня таких документов в нашем распоряжении нет. Но они еще могут найтись. И фонды Президентского архива, и документы бывшего КГБ обследованы далеко не полностью. И даже если документов такого рода не найдут, это не значит, что их и не было. Документы не уничтожались? Ну, как сказать! Есть, в частности, свидетельства о том, что осенью 1954 года из архивов ЦК и МК КПСС и ЦК КПУ было изъято и уничтожено много документов, компрометировавших Н. С. Хрущева (об этом говорилось на июньском Пленуме ЦК КПСС 1957 года.).

Что касается решения высшей инстанции о переселении евреев, то до него дело просто не дошло. В. Наумов привел в своем выступлении в Айхштетте факт, значение

которого, на наш взгляд, трудно переоценить. Оказывается, депортация ряда народов Северного Кавказа **была оформлена постановлениями ГКО СССР post factum**, когда операция по выселению сотен тысяч людей, сопровождавшаяся уничтожением на месте всех, кого невозможно было вывезти, по существу закончилась. Руководившие ею уполномоченные ГКО Круглов, Кобулов, Аполлонов действовали на основе **устных предписаний**.

В. Наумов считает установленным, что списки лиц, подлежащих депортации из Москвы, у властей имелись. Они были составлены по указанию городского и районных комитетов партии под наблюдением органов МГБ. Что касается мест размещения, то он обратил внимание на принятое в январе 1953-го постановление Бюро Президиума ЦК КПСС о строительстве гигантского – на 150-200 тысяч человек – лагеря для «особо опасных иностранных преступников». Поскольку лиц этой категории в советских тюрьмах и лагерях было тогда значительно меньше, возникает вопрос: кто должен был заполнить этот новый остров ГУЛАГа? Заметим, однако, сразу: проектная вместимость нового лагеря даже отдаленно не соответствует тогдашней численности евреев в СССР, к тому же «наказанные народы» размещались не в лагерях, а среди местного населения отдаленных областей, краев и республик.

Ссылку на то, что весьма высокопоставленные функционеры не слышали о планах депортации, В. Наумов отводит, напоминая, что с конца 30-х годов Сталин все чаще принимал важные решения единолично, не ставя о них в известность даже тех, кто непосредственно отвечал за соответствующий участок работы. Характерный в этом смысле пример: начальник Генштаба РККА маршал Б. М. Шапошников узнал о вторжении советских войск в Финляндию в 1939 году ... из газет, находясь в то время в санатории.

Мнение, что Сталин не имел свободы действий в вопросе о депортации евреев из-за позиции своего окружения, главный оппонент Костырченко считает «иллюзией».

Утверждение, что евреев невозможно было бы выселить из-за их разбросанности по территории европейской части СССР, В. Наумов парирует ссылкой на прецедент: все крымские татары и греки, проживавшие вне Причерноморья, были как известно, отысканы и присоединены к соплеменникам. Нельзя, однако, не учитывать, что численность, дисперсность расселения, степень интеграции в различные общественные структуры, – все эти показатели были у евреев значительно выше.

Таковы на сегодня основные аргументы и контраргументы сторон в этом затянувшемся споре. Как видно, у обеих есть довольно веские и серьезные доводы, есть, впрочем, и менее убедительные. **Вопрос, поставленный в заголовке статьи, пока остается открытым.**

P.S. Подготовив статью, я созвонился с В. Наумовым и Г. Костырченко, чтобы уточнить: могут ли они добавить что-либо к сказанному на симпозиуме. В. Наумов ответил: мы нашли в показаниях Рюмина упоминание о том, что в 1952 году он по согласованию со Сталиным представил предложения о депортации евреев. Г. Костырченко отреагировал на эту информацию контрвопросом: и где же они, эти предложения? Со своей стороны он сообщил: исследование документации Московского железнодорожного узла за февраль-март 1953 года не выявило здесь каких-либо необычных скоплений подвижного состава...

Поиски и исследования будут, очевидно, продолжены.

ГЛЮКЕЛЬ ФОН ГАМЕЛЬН: РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Продолжение.

Начало в № 103 – 111.

Книга третья

Женский молитвенник. Германия, 1728 год.

I

Трудно поверить, какие странные вещи случаются с нами, бедными грешниками. Мне было около двадцати пяти лет. Добрый муж мой усердно трудился, занимаясь своим делом, я же, хотя была еще моложе, помогала ему, как могла. Не хочу хвастаться, но муж ни с кем не советовался кроме меня, и ничего не предпринимал, не обсудив со мной своих планов.

Случилось так, что некий молодой человек по имени Мордехай, работавший с моим зятем Лефманом в Ганновере, приехал в Гамбург и остановился у нас. Мордехай нам понравился, и мы договорились, что он будет нашим разъездным агентом.

Будучи родом из Польши, этот молодой человек отлично говорил по-польски, и поэтому мы послали его в Данциг, где, как выяснилось, можно было купить много речного жемчуга, а в то время на него был большой спрос у ювелиров. Мы дали Мордехаю аккредитив на несколько сот талеров и кучу наставлений, как покупать жемчуг. Если бы нашлась возможность не только купить, но и продать его в Данциге, мы заработали бы еще больше, но в то время скупкой жемчуга интересовались все, и мы не стали строить далеко идущие планы.

Итак, Мордехай отправился в Данциг, стал скупать жемчуг и отправлять его в Гамбург. Могу добавить, что покупал он выгодно и получил хорошую прибыль. Но ему не хотелось надолго задерживаться в Данциге, потому что был он уже в таком возрасте, когда следует обзавестись семьей. Вернувшись в Гамбург, он обручился с дочерью Натана Высокого. Свадьба должна была состояться через полгода.

Мужу хотелось, чтобы это время Мордехай поработал в Данциге. Но, видно, была на то воля Б-жъя, он не хотел уезжать. «До свадьбы уже меньше шести месяцев, – отговаривался он. – Не успею уехать, как надо будет возвращаться. Я предпочел бы остаться в Германии, скупать вино». Муж сказал ему: «Что тебе взбрело в голову? Лично я не хочу иметь никаких дел с торговлей вином». «Что же, – отвечал Мордехай, – стану закупать вино на собственные деньги!»

И, как ни убеждал его муж, как ни сердился на него, даже науськал на Мордехая будущего тестя, чтобы отговорить его от этой злосчастной затеи, ничего не подействовало! Видно, этому доброму человеку суждено было уступить свое место другому. Потому что если бы Г-сподь его пощадил, никогда не разбогатели бы Иегуда Берлин и Исохар Коэн. Итак, поскольку муж отказался быть его партнером, Мордехай начал скупать вино на собственные деньги, и по этим делам отправился в Ганновер, имея при себе около 600 рейхсталеров. По прибытии он оставил деньги у моего зятя Лефмана и просил перевести их в те города, где он будет заключать сделки.

Затем он отправился из Ганновера в Гильдесгейм. Но не раскошелился на почтовых лошадей, поскольку был очень прижимистый, вернее, Б-г не позволил ему этого. И он отправился пешком, благо Гильдесгейм находится всего в 15 милях от Ганновера.

Уже на подходе к Гильдесгейму ему встретился браконьер и пригрозил: «Гони деньги, жид, или я стреляю!» Мордехай засмеялся: Ганновер казался ему столь же безопасным, как Гамбург жителю Альтоны. Обычно дорога, связывающая Гильдесгейм с Ганновером, не бывает пустынной, но на этот раз, увы, не видать было ни прохожего, ни путешественника. Браконьер снова подступил: «Вонючий жид, что медлишь? Говори: да или нет!» С этими словами он взялся за ружье и выстрелил нашему Мордехаю в голову. Тот замертво упал на дорогу. Так этот честный и порядочный парень вместо свадебного пира нашел свою плачевную участь... Б-же мой, когда я думаю об этом, волосы встают дыбом. Ведь он был таким добрым, благочестивым, Б-гобоязненным юношей, и, даруй Г-сподь ему жизнь, достиг бы больших высот, да и мы бы от этого выиграли. Б-гу известно, как горевали мы с мужем!

Какое-то время Мордехай лежал на дороге в луже крови, и тут на него наткнулись люди, шедшие из Гильдесгейма. Они сразу же опознали его, ведь в округе он был хорошо известен, и взялись похоронить его. Нельзя передать скорбь всех, кто его знал, но бедному юноше было уже все равно! Так и погиб этот человек в расцвете сил!

Из Ганновера и Гильдесгейма нам присылали соболезнования, так как было известно, что мы совместно ведем дела, и люди думали, что при нем могли быть и наши деньги. Однако было у него с собой всего несколько рейхсталеров на текущие расходы.

Хотя в Ганновере и Гильдесгейме приняли меры, чтобы разыскать убийцу и покарать его по заслугам, все было бесполезно. Тот скрылся, и нигде его так и не нашли. Пусть Г-сподь накажет его за пролитую кровь, а душу Мордехая пусть упокоит наравне с праведниками и мучениками!

Так мы остались без разъездного агента. Но вскоре в Гамбург прибыл молодой Иегуда Берлин (Иегуда Берлин, известный также под именем Йост Либман, был финансовым агентом и придворным ювелиром Великого курфюрста, а позднее – его сына, курфюрста Фридриха III и короля Пруссии Фридриха I. В качестве «придворного еврея» он сделался преемником Израиля Аарона, на вдове которого женился. Пользовался большим влиянием при берлинском дворе и обладал многими привилегиями, включая право иметь собственную синагогу и право освобождать от уплаты подушного налога, взимавшегося только с евреев. Среди его потомков – композитор Мейербер, умер в 1701 году. – Прим. ред.) вместе с Якобом Обернкирхеном, брачным посредником, который сватал ему дочь Пинкуса Харбурга. Из сватовства, однако, ничего не вышло: видно, Б-г не хотел этого брака. Иегуда же остановился у нас, так как, будучи племянником моего свояка Лефмана, приходился родственником моему мужу. Он прожил у нас несколько недель и очень пришелся по душе. Иегуда старательно изучал Тору, имел деловую хватку и вообще производил впечатление умного парня. Поэтому муж сказал мне: «Глюкхен, как ты согласишься, если договориться с этим юношей и отправить его в Данциг? По-моему, он подходит для такой работы». Я ответила: «И у меня была такая мысль! Ведь кого-то все равно придется приглашать». И мы поговорили с Иегудой на эту тему. Он сразу согласился и уже через неделю отправился в Данциг.

В Гамбург он перевез все свое состояние – янтарь на сумму 20 или 30 рейхсталеров – и поручил моему мужу его продать. Поглядите, дети мои дорогие, как, если Г-сподь того захочет, Он может сделать из малого большое: Иегуда Берлин почти без всякого начального капитала нажил большое состояние, став видным человеком.

Некоторое время он оставался в Данциге, получая хорошую прибыль и продолжая скупать речной жемчуг. Но он мог бы расширить сферу деятельности. В то время кредит в Гамбурге труднее было получить, чем сейчас. Что до нас, то мы, еще молодые люди, не были обременены богатством. Тем не менее мы посылали Берлину аккредитивы, а порой даже переводные векселя, так что у него всегда были свободные деньги. Года через два он вернулся в Гамбург, и мой муж, подведя итоги, выплатил ему долю в прибылях 800–900 рейхсталеров.

Тем временем у нас родилась дочь Мата, чудесный, красивый ребенок.

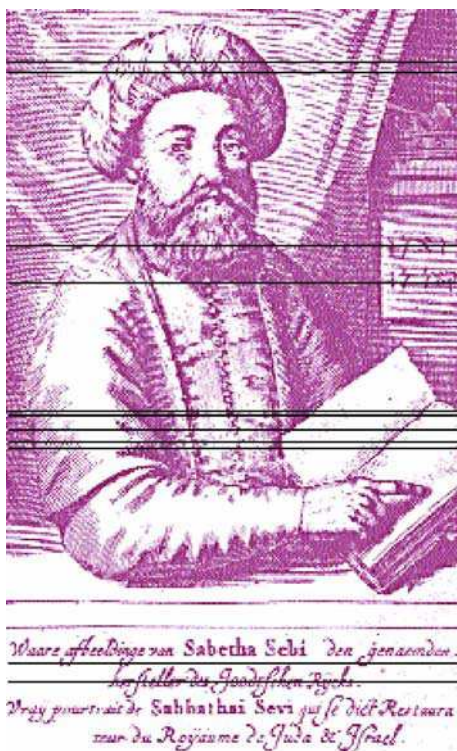
Портрет придворного еврея с кольцом. Германия, 1702 год.

II

Примерно тогда же начались разговоры о Шабтае Цви (лже-Мессии). Горе нам, грешным, чего мы только ни слышали и почти поверили... Когда вспоминаю, в каком порыве каялись и молодые, и старики, то не нахожу слов. Но это известно всему миру!

О, Г-сподь Всемогущий, в надежде на Твое сострадание к Израилю и прощение мы уподобились женщине в родовых схватках, надеющейся, что за страдания она будет вознаграждена рождением ребенка, но оказалось, все было напрасно – «мы слушали ветер». Так и по всему миру Твои дети раздирали одежды, раскаивались в грехах, молились и старались творить добро. На протяжении двух-трех лет Твой народ Израиль был как роженица, – увы, все впустую... Мало того, что мы оказались недостойны видеть ребенка, о котором мечтали, возлагая на него все наши надежды, в конце концов мы остались одни, брошенные на произвол судьбы. И все же, Г-сподь мой и Б-г, Твой народ Израиль не отчаивается, веря, что в милосердии Ты его искупишь. И хотя искупление откладывается, я верю и надеюсь, что оно придет, когда будет на то Твоя святая воля. Ты не забудешь народ свой, народ Израиль!

Теперь я вернусь к дальнейшей истории моей жизни.

Гравюра с изображением Шабтая Цви. 1669 год.

III

Пока я оправлялась от родов, поползли слухи, что в Гамбурге – защити нас, Господь! – отмечены случаи чумы. Эпидемия росла, и болезнь поразила три-четыре еврейских семейства. Почти все они умерли, и дома их стояли в запустении. Наступило время тяжелых страданий и опустошений.

Большинство евреев бежало в Альтону.

Залогов у нас было на несколько тысяч рейхсталеров. В числе заложенных вещей были и не особенно ценные вещи на сумму всего 20–30 талеров, были стоимостью до ста – ведь когда имеешь ссудную кассу, нельзя отказывать никому, сколько бы ни стоил залог, будь то 10 рейхсталеров или всего 5 шиллингов. Когда в городе стала свирепствовать чума, нас постоянно осаждали клиенты. Хотя мы понимали, что, возможно, они уже носят бактерии чумы, но были обязаны разговаривать, чтобы по крайней мере вернуть выкупаемую вещь. Если бы, спасаясь от чумы, мы бежали в Альтону, они последовали бы за нами по пятам! Поэтому мы решили, взяв детей, уехать в Гаммельн, где жил мой отец.

Сразу же после праздника Йом Кипур мы выехали из Гамбурга и за день до праздника Кушей прибыли в Ганновер, где остановились у моего сваяка Авраама Гамельна. Поскольку приближался праздник, мы решили пробыть здесь Святую неделю.

При мне были дочь Ципора, тогда четырех лет, двухлетний сын Натан и дочка Мата, крошечный, двухмесячный младенец.

Сваяк Лейб Ганновер предложил, чтобы первые дни праздника мы провели в его доме, где размещалась и синагога. На второй день утром, когда муж находился наверху, в синагоге, а я еще в спальне одевала Ципору, то заметила, натягивая на нее

одежду, что она морщится от боли. Я спросила: «Что с тобой, дитя мое?». «Мамочка, – отвечала она, – у меня что-то болит под мышкой!» Посмотрев, я увидела болячку. У мужа тоже была такая, и цирюльник в Ганновере просто залепил ее пластырем. Поэтому я сказала няне, которую привезла с собой: «Пойди к моему мужу, он наверху в синагоге, и спроси, кто тот цирюльник и где он живет. А потом отведи к нему девочку и пусть он наклеит ей пластырь!» Ничего дурного я не предчувствовала.

Девушка поднялась наверх, нашла мужа и поговорила с ним. (Следует заметить, что прежде чем попасть на мужскую половину синагоги, надо пройти через женскую.)

Когда няня прошла мужскую часть, мои золовки Ента, Сулька и Эстер, сидевшие среди женщин, остановили ее и спросили: «Что ты делала на мужской половине?». Девушка простодушно ответила: «У нашей Ципоры болячка под мышкой, и я спросила хозяина, у которого тоже такая была, какой цирюльник его лечил, чтобы отвести к нему ребенка».

Женщины сразу всполошились: не только потому, что слабо разбирались в таких делах, но и потому, что заподозрили, как бы мы не привезли с собой из Гамбурга заразу, – и сразу стали совещаться, что делать.

Случилось разговор их услышать чужой женщине, старухе, приехавшей из Польши. Она сказала: «Не пугайтесь, уверяю вас, это пустяк! Мне приходилось иметь дело с такими болячками много раз, и, если хотите, я схожу вниз, осмотрю ребенка и сообщу вам, есть опасность или нет». Женщины успокоились и попросили ее немедленно осмотреть девочку, чтобы – упаси Б-же – ничем не рисковать.

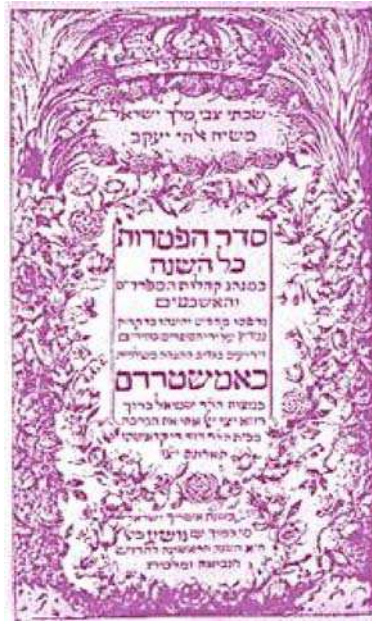
Я ничего обо всем этом не знала и, когда ко мне пришла добрая старушка и спросила: «Где тут маленькая девочка?», я удивилась: «Почему вы спрашиваете?» – «Почему? Я лекарша и хочу полечить вашего ребенка. Не бойтесь, я вылечу ее в два счета!» Ничего не подозревая, я привела дочь. Старуха как взглянула на нее, так и бросилась со всех ног прочь.

Взбежав по лестнице, она закричала во весь голос: «Прочь! Прочь! Спасайтесь, кто может! В вашем доме чума! Девочка, которая живет внизу, больна чумой!» Можете себе представить, какая паника началась среди женщин, как завизжали эти трусики!

Мужчины, женщины – все, кто был погружен в молитву, со всех ног бросились из синагоги. Они схватили мою дочь и няню, вытолкали их за двери, и никто не посмел дать им приют. Нечего и говорить, в каком я была горе!

Я и плакала, и кричала. Я умоляла людей, ради всего святого, подумать, что они творят! «С ребенком ничего страшного, – уверяла я, – разве вы не видите, что девочка, слава Б-гу, здорова. Перед отъездом из Гамбурга у нее был гнойный прыщик на головке. Я помазала его мазью, а теперь такой же прыщик вскочил под мышкой. Смотрите, она ничуть не больна, поглядите: вот она играет на лужайке и с аппетитом ест булку с маслом».

Но тщетно! «Если до Его Высочества герцога дойдет, что в столице чума, горе нам!» – отвечали они. И та старуха сказала мне в лицо: она дает голову на отсечение, что ребенок заразен.

Титул «афтарот» на целый год, отпечатанный в Амстердаме в 1666 году.

Наверху надпись: «Корона Цви», внизу: «Шабтай Цви, царь Израиля, мессия».

Что делать? Я взывала к их милосердию: «Ради Б-га, позвольте мне оставаться с дочкой. Где будет она, там и я, только пустите меня!» В конце концов вмешались мои свояки Авроом Лефман и Лейб. Посовещавшись с женами, они обсудили, что делать: куда поместить няню и ребенка и как сохранить эту историю в тайне от властей, потому что, если бы она достигла ушей герцога, всем нам несдобровать. Наконец они придумали такой план: няня и девочка, переодетые в старье, должны отправиться в соседнюю деревню Пайнхольц, неподалеку от Ганновера. Там они обратятся к крестьянам и скажут, что ганноверские евреи, сославшись на то, что и так осаждаемы бедняками, отказались принять их в дни праздника и даже не позволили войти в город. Пусть попросятся провести святые дни в деревне, предложив за беспокойство деньги. «Мы знаем, они должны уверить крестьян, что ганноверцы пришлют нам еду и питье. Ведь не захотят же они, чтоб в праздники мы голодали».

Мои родственники вступили в переговоры со старым поляком из Ганновера и с той старухой из Польши, о которой я рассказала выше: попросили их проводить няню с ребенком в деревню и посмотреть, чем закончится дело. Однако старик и старуха потребовали, чтобы тотчас же им уплатили по 30 талеров за такой риск. Мои свояки Авроом Лефман и Лейб, посовещавшись, вызвали меламеда, большого знатока Талмуда, чтобы узнать, не будет ли нарушена из-за этих денег святость дня. В конце концов они пришли к выводу, что деньги уплатить необходимо, ибо на карту поставлена человеческая жизнь.

Итак, посреди святого праздника нам пришлось отослать от себя любимое дитя и страдать от мысли, не заразилась ли она – упаси Б-же – чумой. Любой отец, любая мать поймут, что мы переживали.

Мой добрый муж в углу комнаты плакал и молился Г-споду, а я то же самое делала в другом углу. Несомненно, Б-г услышал наши молитвы ради добродетелей моего мужа. Нам было не легче, чем праотцу нашему Аврааму, когда он готовился принести в жертву своего сына. Ибо праотец наш Авраам действовал по велению Б-жию и из любви к Г-споду, и поэтому даже в горе имел утешение! Но нам, со всех сторон окруженным

чужими людьми, было так тяжело, что сердца наши чуть не разорвались. Однако другого выхода не было. Приходилось все сносить терпеливо. «Человек должен благодарить за злое, как он благодарит за доброе».

Я вывернула платье няни наизнанку, а вещи дочки завязала в узелок. Ребенка я тоже одела в лохмотья. В таком виде моя добрая няня и любимое дитя под надзором старика и старухи отправились в соседнюю деревню. Можете представить, сколько слез было пролито при прощании. И только сама девочка была весела и счастлива, как могут быть счастливы только дети. А мы с нашими ганноверскими родственниками, которые сочувствовали нам, плакали и молились Б-гу и провели праздники в самом подавленном настроении.

Между тем наш ребенок, няня и старики добрались до деревни, и одна из крестьянок их приютила, поскольку деньги у них были, а это всегда помогает! Крестьянка удивилась: «Сейчас ваш праздник, почему же вы не остановились у евреев?» Они отвечали: «Ганновер переполнен бедняками, и нас не пустили в город, но заверили, что евреи пришлют нам праздничную еду!» Мы же вернулись в синагогу, но молитва уже закончилась.

В то время Иегуда Берлин, который тогда вел с нами дела, не был еще женат и жил в Ганновере. И молодой польский еврей Михоэль, который учил детей и был в доме на положении полуслуги (у немецких евреев было принято, чтобы изучающий Тору студент, приглашенный в дом учить хозяйских детей, выполнял мелкие поручения и работу по дому. – Прим. перев.) тоже жил там. Позднее Михоэль взял жену из Гильдесгейма, а сейчас там он парнас, живет в достатке и пользуется уважением.

Как бы то ни было, когда люди расходились из синагоги, свояк Лейб позвал нас обедать у него. Но муж мой сказал: «Прежде чем сесть за стол, я должен отнести еду моей дочке и ее спутникам». «Ты прав, – сказали остальные. – Все мы не станем есть, пока не поедят они». Повторяю, деревня Пайнхольц была неподалеку, не дальше, чем Альтона от Гамбурга.

Итак, собрали продукты, причем каждый отложил что-то со своей тарелки. Встал вопрос, кто доставит эту посылку? Было видно, что все побаиваются. Тут встал Иегуда Берлин и сказал: «Я отнесу!», и Михоэль присоединился к нему. Мой добрый муж, обожавший дочку, сопровождал их. Но ганноверцы опасались, что он не сможет удержаться, чтоб не обнять ребенка. Поэтому с ними пошел и Лефман. Все они отправились вместе, взяв много вкусной еды.

Между тем няня с девочкой и их спутники были голодны, но делать нечего – пошли погулять в поле. Когда дочка увидела папу, она обрадовалась и, как всякий ребенок, захотела кинуться ему навстречу. Тогда мой свояк Лефман крикнул, чтоб няня ее удержала, а старик подошел и взял еду. Но моего мужа впору веревкой было удерживать, когда он увидел, что девочка жива-здорова, а ему не разрешают к ней подойти! И он, и ребенок стали плакать!

Еду и питье поставили прямо на траву; няня со стариками ее унесла, а муж с друзьями побрели домой. Так продолжалось до восьмого дня праздника. Старику и старухе дали мазь, пластырь и бинты, чтобы бинтовали болячку. Скоро она зажила, и наша девочка бегала по полям, как олененок. Тут мы сказали ганноверцам: «Вот куда завела вас ваша глупость! Сколько еще так будет продолжаться? Девочка, сами видите, абсолютно здорова, опасность миновала, позвольте ей вернуться домой». Они снова

собрали совет и решили не пускать ребенка с ее провожатыми еще до праздника Симхас Тойра. Нечего делать, пришлось подчиниться!

Когда же наступила Симхас Тойра, Михоэль пошел в деревню и привел девочку. Все плакали от радости и прямо чуть не задушили дочку поцелуями, такой это был прелестный, чудный ребенок». Долгое время ее иначе не называли как «девочка из Пайнхольца».

«Суббота». Германия, XVIII век.

IV

Мы оставались в Ганновере до месяца Хешван, который начинается через неделю после Симхас Тойры. Затем с детьми и няней поехали в Гамельн, где собирались пожить, пока не появится возможность вернуться в Гамбург. Однако пожить мирно-спокойно нам не удалось, приходилось заниматься делами. В то время в Польше работал наш уполномоченный Моисей, которого все называли Грин. Он писал, что, уже закупив 600 унций речного жемчуга, едет в Гамбург и желательно, чтобы муж мой приехал туда же. Однако муж задержался в Гамельне еще на 14 дней: хотя эпидемия и пошла на убыль, свекор писал ему, чтоб он не рисковал собой. Свекор даже не разрешал ему вскрывать письма из Гамбурга и, когда приходило очередное письмо, нам приходилось окуривать его дважды или трижды, а по прочтении сразу же бросать в реку.

Однажды, когда все мы сидели вместе и болтали, в комнату вошел – кто, как вы думаете? – сам Моисей Грин! Стояла холодная зима, он низко опустил на лицо капюшон, но мы его сразу узнали. Если бы свекор проведал, что Моисей прибыл из Гамбурга, он сразу же выдворил бы его из дома. Сказать по правде, всякий, кто даст у себя приют людям из Гамбурга, рисковал крупными неприятностями, если не жизнью! У городских ворот и во всех общественных местах путешественников тщательно проверяли. «Как ты пробрался в город?» – стали мы расспрашивать Моисея. «А я сказал, что работаю писцом у судьи из Хашма», – отвечал он (Хашем – это соседняя деревушка).

Что было делать. Вот он перед нами, а с ним и весь наш жемчуг! Как скрыть его приезд от свекра и свекрови? Ничего не оставалось, как рассказать им, вернее поставить перед свершившимся фактом!

Моисей настаивал, чтобы муж мой поскорей вернулся в Гамбург и продал жемчуг, дабы он, Моисей, мог снова поехать в Данциг и продолжить закупки. Другого выхода не было. Ведь мы вложили в этот жемчуг почти все наши деньги. Долго держать такой товар не было смысла: прибыль от него невелика, одни проценты съели бы ее, если не поторопиться и не вернуть поскорее долг. Муж решил ехать в Гамбург вместе с Моисеем. Там, имея на руках жемчуг на 8 тысяч рейхсталеров «банко», он сразу же пошел к оптовикам, главным образом купцам из Московии. Пришлось прощупать не менее шести потенциальных покупателей, но никто не сделал выгодного предложения. Получалось, что прибыль не оправдывает расходов.

Он уж не знал, куда обращаться. Наступил месяц Шват (январь-февраль). Мужу предстояло уплатить по векселям, выданным, чтобы приобрести жемчуг. К месяцу Ав (июль-август) московские купцы готовились отплыть из Гамбурга, и нам казалось, лучше всего продать жемчуг не позже Тамуза (июнь-июль). Но поскольку наличными предлагали слишком мало, муж решил заложить этот жемчуг и получил под него шесть тысяч рейхсталеров. В Тамузе, думал он, выручка будет больше! Но все обернулось не так! Из Московии пришло известие, что там вспыхнула война, и у купцов пропало желание приобретать жемчуг. Пришлось моему мужу продать весь жемчуг менее чем за четыре тысячи рейхсталеров и к тому же уплатить проценты за полгода. Говорю вам: первое предложение всегда бывает самым лучшим, и купцу следует знать, когда сказать «да», а когда «нет»!

Свеча для авдолы. Майнц, Германия, XVIII век.

ТЕЛЬ-АВИВСКИЙ БАБЕЛЬ: СКАЗОЧНИК ИЛИ РЕАЛИСТ?

Øëîî î Áëääááé

Бабель-драматург куда менее знаменит, чем Бабель-рассказчик. Его пьесы «Закат» и «Мария», остались, по существу, прозаическими произведениями, образцами бабелевского стиля.

«Мария» представляется мне более сценичной, чем «Закат» – хотя именно «Закат», настоящий на бесподобных «Одесских рассказах», мог бы стать истинным гимном Бене Крику, этому еврейскому Робин Гуду Молдаванки и Пересыпи. Так не случилось. Исаак Бабель – мастер прозы, творец изумрудного диалога – был, прежде всего, человеком Слова, а не Жеста. Театральная сцена привлекала его и манила, но он так и не смог подняться на нее из зрительного зала. Можно понять, однако, что это властное влечение было обусловлено самим характером писателя – он со страстным любопытством желал увидеть своих литературных героев во плоти и крови, на сцене и на экране.

Ни одна из многочисленных попыток поставить «Закат» на сцене не увенчалась успехом. За работу брались маститые режиссеры и увлеченная молодежь – ничего не получалось... Последняя, быть может, попытка замечательного, талантливейшего Юрия Любимова вдохнуть сценическую жизнь в живописных одесских уголовников на фоне кулис израильского национального театра «Габима» не принесла плодов. Вот тут-то взялся за дело главный режиссер тель-авивского театра «Гешер» Евгений Арье: он инсценировал пять рассказов Бабея, из них три – «одесских». Так родился спектакль «Город».

Прежде чем обращаться к «Городу», следует, как тому бабелевскому герою, «сказать пару слов» о самом театре «Гешер» и его худруке Арье. Евгений Арье приехал в Израиль десять лет назад с несколькими актерами, работавшими с ним в России: Александром Демидовым, Евгенией Додиной, Натальей Войтулевич, Игорем Миркурбановым. Уже через два года о театре Арье заговорили как о выдающемся художественном явлении, новой «Габиме». Еще через несколько лет «Гешер» был признан влиятельными театральными критиками лучшим театром Израиля. Успехи были зримы: театр объехал весь мир со своими спектаклями, получил государственную дотацию, стационарное помещение. Первые спектакли были поставлены по-русски, затем труппа ценой невероятных усилий стала сочетать ивритские и русские постановки. Сегодня на русском языке театр играет не более четверти спектаклей, остальные – на иврите: коренные израильтяне хотят знать своих героев. В работе над спектаклями

соблюдаются нормы демократии и равенства: «русские» актеры выучивают текст своих ролей на иврите, а ивритские – по-русски. Ничего не поделаешь, таковы правила игры на сцене театра «Гешер».

Громкий и заслуженный успех театру принес «Мольер» Булгакова, «Деревушка» Иегошуа Соболя, «Адам, сын собаки» Йорама Канюка, русская драматургическая классика. И вот – «Город». Сугубо еврейский срез из полуеврейской одесской жизни. Беня Крик, Любка Козак, Фроим Грач и Баська, мсье Тартаковский, куриная торговка тетя Песя, неуравновешенный Буцис, который не вовремя забыл, что, если стрелять не в воздух, то можно убить человека. Но и Арина с ангелом из номеров «Мадрид и Лувр»: «В нумерах служить – подол заворотить. Кто пришел, тот и хозяин: хучь еврей, хучь всякий», и юный автор со скрипкой из «Истории моей голубятни»... Арье играл по-крупному: с Бабелем его ждал либо оглушительный провал, либо оглушительный успех. И успех превзошел все ожидания.

Успех театрального спектакля складывается из нескольких компонентов, и неудачное решение лишь одного из них расшатывает всю конструкцию. Вот эти основные компоненты: режиссура, актерский состав, декорации, музыкальный ряд, техническое обеспечение. Режиссура была искрометной, актеры прекрасно играли, художник превзошел самого себя, музыкальные мелодии просились в шлягеры, а безукоризненно работавшая сценическая техника заставляла публику в зале рты разевать от приятного изумления. Премьера прошла «на ура», билеты были распроданы на десятки спектаклей вперед. Но за всем этим было еще что-то, принесшее Бабелю успех на театральной сцене.

Вот об этом «что-то» и следует порассуждать.

В писателе Исааке Бабеле и читатели, и критики во все времена видели безжалостного реалиста, писавшего золотым пером, смоченным живой кровью. Не принимались в расчет ни экстраординарные ситуации, ни характернейший диалог в той же «Конармии», имевший не много общего с разговорной речью. О Гражданской войне должно было писать «всерьез», черным по белому. Нарушение этого правила было просто невозможно. Что же до «Одесских рассказов», то в них официальная критика предпочитала видеть «картинки дореволюционного прошлого», хотя в 20-е годы идеализация криминального начала – «социально близких» красной власти воров и бандитов – была в ходу.

Евгений Арье разглядел у Бабеля то, что было скрыто от иных режиссеров, да и литературных критиков тоже – сказочность. Бандитская Молдаванка – заповедный сказочный край, Беня Крик в малиновых штиблетах – вполне сказочный персонаж, не говоря уже о куриной тете Песе. Это она, тетя Песя, скандалит над погребальными носилками своего застреленного по запарке сына и требует достойной денежной компенсации. И покойный сын с пулею в сердце приподымается с носилок и напоминает: «Мама, не забудьте про проценты!» Если это не сказка – то что это?! И деревянный жеребец, и огненный автомобиль, и похожий на Карла Маркса бог с нимбом из жестяного грамофонного раструба – все это сказка.

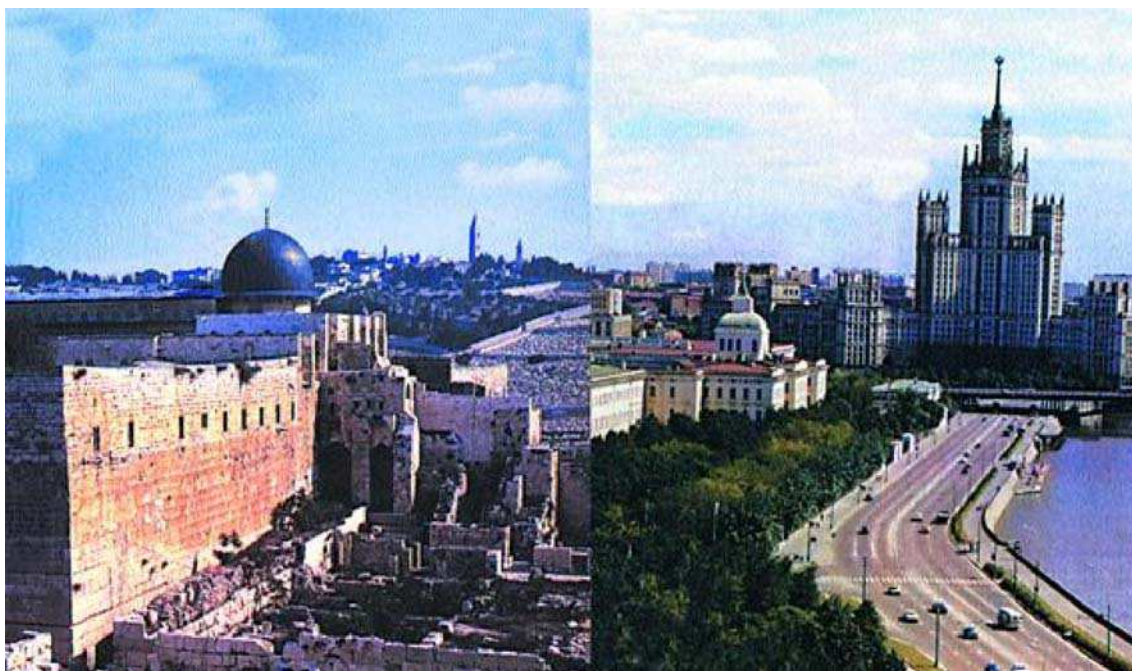
Общеизвестно, что «сказка – ложь, да в ней намек: добру молодцу урок». Советские сказочники это понимали очень хорошо, и примером тому – Евгений Шварц. Да и власти понимали не хуже самих сказочников: сочинители «нереальных историй» ходили буквально по острию бритвы, и специалисты по неконтролируемому подтексту (существовали такие деятели в цензуре) пристально следили за каждым их движением... Довольно-таки отчетливая цель всякой сказки – утверждать победу добра над злом. Зло и

добро сталкиваются в схватке, обязательно льется кровь – какая же сказка без крови! Съедает ли Серый Волк хворую Бабушку или баба Яга наезжает в своей чугунной ступе на прекраснородного недоумка – льется кровь. Однако тем и велика сказка – с легкостью необыкновенной кровь возвращается в жилы, красивые юные покойники просыпаются в своих хрустальных гробах, и начинается счастливая жизнь. Зло повержено, добро торжествует. Сказочный фон – все эти игрушечные замки, шикарные балы, послушные звери – усугубляет ощущение ирреальности. И все же – король не должен быть голым! Король – это власть, а над властью смеяться запрещено категорически! Потому что власть бывает королевская, но может быть ошибочно принята за советскую, и Шварц, таким образом, просто-напросто опасный политический преступник, его надо судить по расстрельной 58-й статье... Бабель пошел дальше. Фоном для своих историй о борьбе добра со злом он выбрал не Лукоморье и не танцевальный зал – а дикий карнавал буденновской конной лавины. Ключом к пониманию «Конармии» служит «Дневник 21-го года», написанный Бабелем куда как не для печати: будь он опубликован в свое время, автора растерзали бы немедленно. Добро и библейскую справедливость Бабель искал в душах людей – всех сынов человеческих, адамовых детях – вне зависимости от их партийной или социальной принадлежности.

Евгений Арье понял это и этим руководствовался в своей режиссерской работе. Показательно, что он и инсценировку не заказывал профессиональному драматургу – инсценировал сам, собственными силами и собственным умением. И – получилось. Спектакль собрал щедрый урожай государственных театральных премий по многим номинациям.

Впрочем, как и положено в сказках, не обошлось без «ложки дегтя». В одной из рецензий режиссеру предъявлялась претензия: что это он из глубоко реалистического еврейского Бабеля сделал «какую-то сказку» – с деревянным раскрашенным конем, с говорящими покойниками! Гнев и раздражение рецензента можно понять: неподготовленному человеку, возвращенному на современной постмодернистской литературе, оценить Исаака Бабеля совсем нелегко. Да и стоящих, умных театральных критиков в мире наперечет, и Израиль, несмотря на свой мощный культурный потенциал, не является исключением.

Так или иначе, а «Город» поставлен и идет с неизменным успехом. В этом торжество Арье, и в этом торжество Бабеля. Выходя из зала после окончания спектакля на Иерусалимский бульвар тель-авивского пригорода Яффо, зритель надеется на победу добра чуть больше, чем до начала волшебного сценического действия.

ИЗРАИЛЬСКО-РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ИЛИ РУССКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ПИСАТЕЛИ?

Àààä I àðèèø

Немало было пролито пота и чернил в споре о том, что же представляли собою произведения российских евреев, написанные по-русски на еврейскую тему. Осип Рабинович, Григорий Богров, Леванда, Фруг – к какому течению многоводной отечественной (да-да, отечественной!) литературы они относятся, как определить свод написанного ими? На них дело не кончилось, им в определенной степени наследовали после событий 17-го года такие мастера, как Бабель, Гроссман, отчасти Иосиф Уткин и Борис Слуцкий. Назвать их всех русскими писателями было бы несколько поспешно. Назвать еврейскими – неточно и небрежно. Определить их произведения как равноправную часть великой русской литературы – все-таки сомнительно...

Не знаю, была ли насущная необходимость искать определение – но его нашли: русско-еврейская литература. Это определение наиболее четко очерчивает границы рассматриваемого предмета.

Известные исторические события привели в 70-е годы к Великой алии советских евреев. За тридцать лет СССР–СНГ покинули около полутора миллиона «лиц еврейской национальности». Естественно, что с этой массой людей на берега Восточного Средиземноморья, да и в другие края мира, выплеснулись представители литературного цеха – маститые и начинающие. Большая часть этих литераторов была увлечена национальной еврейской темой, разогретой в них и кондовым антисемитизмом, и блистательной победой еврейского оружия в Шестидневной войне, и желанием восстановить и укрепить связь со своим народом. В Советском Союзе эти люди в той или иной степени вошли в конфликт с властью предрержащей и по этой причине лишились возможности публиковать свои сочинения. Отчасти это обстоятельство вынудило их искать прибежища в «еврейском самиздате», распространявшемся нелегально и

содержавшем яркие, хотя и не всегда высококачественные образцы русско-еврейской литературы. Справедливости ради следует отметить, что в зачитанных до дыр машинописных тетрадках нашего «самиздата» содержались в основном стихи и проза никому не известных авторов, стремившихся не к литературной известности, а к контакту с такими же обездоленными, озабоченными еврейской национальной судьбой людьми. Интереснейшая тема «еврейского самиздата» еще ждет своего исследователя.

В начале 70-х в Израиле появились первые профессиональные писатели из России. Одним из них был прозаик Эли Люксембург.

Прозу Люксембурга показал мне в 1971-м году известный писатель Борис Балтер, автор знаменитого романа «До свидания, мальчики!», экранизированного кинорежиссером Михаилом Каликом. В доме Балтера под Москвой я несколько дней скрывался от властей, преследовавших меня наряду с еще несколькими «отказниками». Балтер, страдавший тяжелым сердечным заболеванием, целиком разделял мое желание репатрироваться, а сам и не мечтал о возвращении на историческую родину: в его физическом состоянии он, по его словам, не смог бы ничего дать Израилю, а только лег бы бременем на его плечи... Мужественный Борис Балтер показал мне три десятка машинописных страниц из романа Эли Люксембурга «Третий Храм». Кто таков автор романа, где его найти – Борис не знал... Хорошего писателя, мастера спорта по боксу в тяжелом весе Эли Люксембурга я нашел в Израиле уже после моего туда приезда в ноябре 1972-го. Мы еще вернемся к Эли на страницах этих записок.

Сегодня, спустя тридцать лет, русская секция Федерации израильских писателей насчитывает около трехсот имен. Тут и прозаики, и поэты, и драматурги, и эссеисты с мемуаристами. Устраиваются встречи с читателями, собрания, обсуждения – все внешние признаки организованной литературной жизни. Но есть ли, существует ли израильская литература на русском языке – израильско-русская литература, продолжающая традиции русско-еврейской литературы? На этот вопрос я и попытаюсь ответить.

Израильская литература – независимо от того, на каком языке она создается – кровно и неразрывно связана с Библией, с Ветхим Заветом. Невозможно, живя в Израиле, не ощущать библейской истории – истории собственного народа на собственной земле. Библия здесь на каждом шагу, она часть повседневной жизни: улица пророка Иеремиягу, переулок пророчицы Деборы, площадь царя Давида. Двое бородатых нищих, сидя рядышком на солнцепеке и машинально звеня кружками с подаванием, степенно спорят о том, почему Священная книга ничего не рассказывает о дальнейшей судьбе возлюбленной царя Соломона нежной красавице Суламифь, а также и о том, в лоб или в глаз страшилища-Голиафа угодил юный Давид камнем из своей пращи. И, если судьба героини «Песни Песней» все же немножечко размыта временем и обстоятельствами романа, то точный бросок Давида совершенно реален и зрим: в получасе езды от Иерусалима, в долине Аяла случилась эта историческая схватка, вот здесь стояла орда филистимлян, здесь – слегка оробевшие и пригорюнившиеся евреи, а вот этот камень величиною с кулак, валяющийся среди других, возможно, и поразил в глаз или в лоб зарвавшегося великана и уложил его на месте... Но это еще не все, открываются наблюдателю пласты куда более древние! Колодец Авраама в Беэр-Шеве, урочище Фаран, по которому ушла Агарь, ведя за руку Измаила, могила Рахили у вифлеемской дороги, дубрава Мамре близ Хеврона – один дуб еще стоит, опираясь на палку, как кряжистый старик. Мимо всего этого нельзя пройти, не оглянувшись, – если ты чувствуешь, что это твои корни, твоя история и твоя жизнь.

Десять заповедей, высеченных Моисеем на каменной доске, на Синайской горе стали основой нынешней цивилизации – а, значит, и ее культуры, ее литературы. Здесь, к западу от Иордана, это ощущается особенно отчетливо. И эмоциональный фон произведений художественной литературы, выходящих из-под пера религиозных писателей, соприкасается – если не переплетается – с прозой и стихами светских авторов. Как русская литература из гоголевской «Шинели», мы все вышли из Библии.

Это утверждение касается, естественно, не только ивритских писателей, но и их иноязычных коллег – и в первую очередь, быть может, русских.

На нас, русских евреев, обретение родины оказало, мне кажется, значительно большее эмоциональное воздействие, чем на «американцев» или «марокканцев». В былые времена, не столь давние, нам даже мечтать об Израиле было опасно, а разговоры о существовании какой-либо родины помимо «родины победившего социализма» вели прямоком на тюремные нары. Израиль – его пейзаж, его климат – был знаком нам лишь по литературным описаниям, как правило, домысленным и искаженным. А мы хотели встретиться с ним лицом к лицу – и эта долгожданная первая встреча запомнилась каждому из нас на всю жизнь: одни целовали землю, другие молчали, отводя влажные глаза. Для меня самым главным воспоминанием остался вид берега Израиля, увиденный мною 8 ноября 1972 года с борта подлетающего к Тель-Авиву самолета... Тогда я в первый и, надеюсь, в последний раз в жизнипил успокоительные таблетки.

Так вот, за три десятка лет нас тут собралось, по подсчету писательской Федерации, более трехсот. Всех нас, в конце концов, объединяет еврейская тема, реже – чисто израильские реалии. Не находя в наших книжках искомого, «средний читатель» проявляет раздражение. Однажды на литературном вечере какой-то пожилой книгочей меня спросил, почему я написал «Тенти» – повесть о Киргизии, о Тянь-шаньских охотниках и пастухах: «Зачем это надо? На Тянь-Шане евреи не живут!» Это наивный и смешной пример, но достаточно характерный.

Я пишу, что хочу, и никто, разумеется, не может меня принудить писать иначе или об ином. Так же поступают мои коллеги – представленный в этом номере журнала Яков Шехтер, замечательный исторический романист Морис Семашко, знаменитый Ицхак Мерас, выходявший миллионными тиражами Анатолий Алексин, Лена Макарова, Дина Рубина, многие другие. Каждый из нас работает как хочет и как может, и все наши труды не составляют единой литературы, как русско-еврейская литература в России. Потому что литература изначально предусматривает не одноразовую, пусть даже относительно яркую вспышку, а длительный развивающийся процесс, литература продолжает самоё себя и так переходит из поколения в поколение. А мы представляем собою собрание отдельных писателей, и то, что ошибочно называют «израильская литература на русском языке», уйдет вместе с нами и закончится – до следующей волны алии, которая принесет с собой новых писателей. Но похоже на то, что не будет никакой волны – одни брызги.

«Семидесятники», к числу которых относится и религиозный – в прямом смысле этого слова – писатель Эли Люксембург, допустили в свое время интересную ошибку: они были уверены, что новая, мощная волна алии, которую все в Израиле с такой надеждою ждали, даст писателям сотни тысяч новых читателей, и литературные тиражи возрастут многократно. Пришла Великая алия-90, но тиражи остались на прежнем уровне: поэзия – 400–500 экземпляров, проза – 1000. Новые репатрианты, приехавшие из другой России, привезли с собой новых писателей – других. Эти другие писатели, хорошо разбирающиеся в живой проблеме спонсоров, тусовок и бандитских разборок посреди

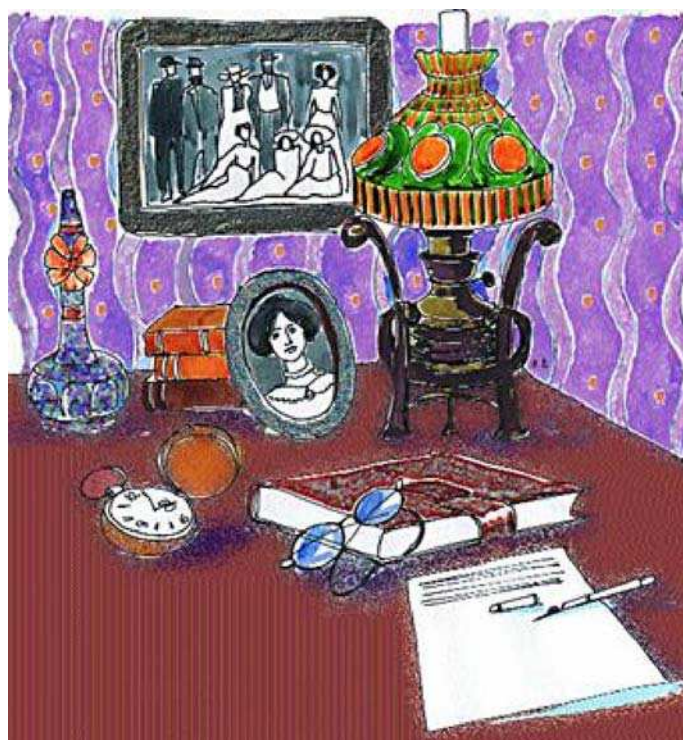
бела дня, куда ближе интересам и пониманию репатриантов 90-х годов, чем ретрограды – «семидесятники». Эта характеристика, пожалуй, не относится напрямую к религиозным писателям – их творчество все же отличается неизменной основой, а злободневные реалии являются не более чем своего рода убогим украшательством.

И еще одно замечание, непосредственно связанное с темой наших рассуждений. Казалось бы, мы о нем напрочь забыли: переход с русского на иврит! Двухязычие! Набоков, Эфраим Кишон!.. Нет, не забыли. Для писателя переход с языка на язык практически невозможен, и редчайшие исключения лишь подтверждают общее правило. В русскоязычном литературном кругу один автор решил перейти – и перешел. В России он был средним поэтом, в Израиле стал никаким.

Каждый из нас оставит после себя не только детей, долги и фотографии в семейном альбоме – но и книжки, эти живые свидетельства нашего времени. Каждого из нас будут судить по этим книжкам – судить каждого в отдельности, а не вкуче с «израильской литературой на русском языке». Мы пишем – каждый в своем луче небесного света. И в этом прелесть нашей жизни.

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

Bêta Oâbôâd

О чем бы мы ни говорили, мы всегда говорим о себе. Тема не имеет значения; от египетских манускриптов или марсианских каналов собеседник незаметно планирует на заранее подготовленный аэродром. Дурного в этом ничего нет: противоборство с вечностью заложено в человеке на генетическом уровне. Страх навсегда исчезнуть из этого мира движет как рукой обормота, царапающей на безумной высоте «здесь был Вася», так и пером знаменитого писателя.

Сочинил же какой-то бездельник, что чем глубже личность, тем интереснее рассказ. На самом деле статья оригиналом весьма просто. Необычное – та же заурядность, только стоящая на сантиметр от столбовой дороги. Хотите пример? Пожалуйста. Все люди рассказывают о себе, а я расскажу о своей бабушке.

Моя бабушка родилась в Одессе, в самом начале двадцатого века. Прадедущка Хаим снимал большую квартиру в одиннадцатом номере Треугольного переулка, там бабушка и прожила до самого замужества. Одесситам название переулка и номер двора сразу скажут о многом. Тех же, кто не удостоился родиться в нашем городе, я прошу спокойно продолжить чтение. Не волнуйтесь, все тайны будут раскрыты.

Поскольку ни очевидцев, ни домовой книги не сохранилось, я могу писать, о чем вздумается. Но самый сильный ход заключается в том, чтобы говорить правду. Врать трудно, на этом и основан полиграф. Лжецы напрягаются чуть больше, потеют слегка обильнее, и датчики сообщают об этом опытному наблюдателю. Но как проверить сочинителя, ведь не станешь после каждой книги присоединять его к детектору лжи и грозно допытывать – а это было? И вообще, чем писатель отличается от обыкновенного враня? Старый-престарый вопрос, и ответ на него давно найден.

Выходящее из сердца всегда доходит до других сердец, а вранье неизбежно повисает в воздухе. «Верю!» читателя превращает вымысел автора в правду такой мощи, что подлинные события немеют перед придуманной истиной. Хотите подробности? Пожалуйста, но чуть позже.

Одиннадцатый номер представлял собой типичный одесский дворик. По периметру его огибал деревянный балкон, на который выходили двери квартир второго этажа. У дверей стояли столы, а на столах примусы, дабы керосиновый чад не отравлял комнаты. Поскольку на примусах всегда бурлили кастрюли или шкворчали сковородки, то, помимо чада, со второго этажа струилось блаженство ароматов южной кухни. Слегка принюхавшись, можно было определить, что готовит тетя Песя и сколько чеснока съел, вернувшись из порта, старый Бимбас.

Тайн во дворе, как в сегодняшнем Интернете, не существовало. Виноваты ли распахнутые из-за жары окна, помноженные на зычные голоса обитателей, или всему виной южный темперамент, превращающий любую закавыку в маленькую драму, где все, кроме децибелов, слегка понарошку?

Простите, я забегаю вперед. Всякий одесский двор начинается с ворот, и, чем вычурнее узор их тяжелых створок, тем солиднее ощущают себя обитатели. Один чудак погулял по Одессе с фотоаппаратом и в результате защитил кандидатскую диссертацию. На чем вы думаете? А ни на чем, на тех самых узорах. Защита диссертации происходила в счастливые шестидесятые, когда за границу пускали только партийных работников с плотно завязанными глазами. В наши дни такого соискателя, скорее всего, провалили бы с позором.

Несколько лет назад я побывал во Франции и, наконец, понял, почему Одессу называли «маленьким Парижем». Маленьким потому, что много утащить не смогли, денег хватило только на мелкие детали архитектуры. Я узнавал решетки под платанами, и сами платаны, и формы карнизов, и виды чердаков, и те «самобытные узоры» на створках.

Именно в Париже мне объяснили назначение таинственных тумб по обе стороны ворот. Где каменные, а где чугунные, они были обязательной принадлежностью старых одесских дворов. Сколько я ни пытался выяснить, ни одна живая душа не могла объяснить, для чего их врыли в землю по самые плечи. Истуканы, словно статуи острова Пасхи, хранили свою тайну, беззвучно посмеиваясь над моими расспросами. И как всегда, для самых таинственных обстоятельств существуют самые простые объяснения. Тумбы парижских дворов защищали косяки ворот от ступиц въезжающих и выезжающих карет. В одесские дворы кареты сроду не езживали, но... маленький Париж, *la noblesse oblige* – положение обязывает. Впрочем, в бабушкин двор однажды все-таки заехала карета, но и об этом – чуть позже.

Посреди двора, в крошечном скверике из двух деревьев и одной колченогой скамейки высился колодец с проржавевшим воротом. Устье колодца являло собой шедевр одесской архитектуры девятнадцатого века. Оплывшие каменные обручи, полустертые гроздья винограда, лица с сифилитически провалившимися носами... Колодец был наглухо забит деревянной крышкой, прочность которой служила предметом неустанных забот управдома и дворника. Утверждали, будто камушек, брошенный через проколупнутую перочинными ножами дырку, летит до водной глади около тридцати секунд. Насколько мне известно, по своему прямому назначению колодец использовали дважды: первый раз – сразу после постройки, то есть, чуть ли не при Пушкине, а второй – во время блокады сорок первого года.

В конце двора, возле каменной стены прилепились сараи, раньше угольные и дровяные, а потом просто подсобки. По их крышам поступью Командора вышагивали дворовые коты. Это были здоровенные горластые твари, способные переорать даже тетю Песю. Кормились они от всех жильцов, требовательно рыча под окнами. Жильцы сами любили покусать, но и котам оставалось.

Прадедущка Хаим занимал первую от ворот квартиру с окнами в переулок, за ним жили богачи Пиперы, а за богачами – Вайсбейны. «Богачи», те еще богачи, если жили в Треугольном переулке, слегка держали дистанцию, а вот Лёдя – сынишка Вайсбейнов – целые дни проводил с Зисей, средним сыном прадедущки. Зися, как и четверо его братьев, не вернулся с фронта. Последнее письмо от него пришло из осажденного Севастополя.

Лёде очень нравилась моя бабушка, нравилась настолько, что он даже сделал ей предложение. Бабушка была не против, но прадедущка Хаим встал горой. Его соображения были начисто лишены романтики и зиждились на, казалось бы, совершенно материальной основе.

– Что есть у него в руках? – спросил прадедущка на семейном совете. – Из гимназии его выгнали, из Ришельевской, даже из Ришельевской! Что я скажу людям, что у меня зять, которого выгнали даже из Ришельевской гимназии?

Соображение было весьма основательным, до Лёди из Ришельевской не исключили ни одного человека. Это учебное заведение славилось катастрофической мягкостью нравов и, чтобы вылететь из него, надо было хорошенько постараться. Закончить обсуждение прадедущка решил эффектным жестом. Он был краснодеревщиком высшего класса и во всяком деле ценил доводку, последний взмах кисти.

– Папа отдал его в сапожники, мальчик сбежал, пытался пристроить в столяры – он не переносит древесную пыль, а от иголки и ножниц у него, видите ли, болят глаза. Чем он занят? расклейкой афиш у кинотеатров? распеванием песенок перед началом сеанса? Талант, вы мне говорите, талант... На талант хорошо смотреть из зала, а в доме нужно иметь что посерьезней!

На этом Лёдино сватовство закончилось. Бабушка долго не выходила замуж, безжалостно бракуя претендентов, и только в тридцать шестом году приняла предложение начальника цеха, в котором работала. Через год родилась моя мама, а в сорок первом дедушку забрали на фронт. Впрочем, все эти события произошли гораздо позже, чем история, которую я хочу рассказать.

Случилась она в девятнадцатом или двадцатом году, точнее бабушка не могла вспомнить. Времена наступили лихие, и многие хорошие еврейские мальчики пошли в бандиты. Нет, убивать они не убивали, но раздеть на улице человека было для них, что папиросу раскурить. «Богачи», соседи прадедушки, сильно боялись налета. Что уж там у них было брать, но люди боялись...

Впрочем, вскоре выяснилось, что их опасения имели под собой основу. На всякий случай Пиперы договорились с прадедушкой и Вайсбейнами: если придут, они стучат условным стуком в стену, а те бегут за милицией. Так и получилось.

Сначала «богачи» постучали к Вайсбейнам, но тех не оказалось дома. Тогда начали стучать к прадедушке. И прадедушка не подвел – грузовик с бойцами ЧОНа примчался через десять минут.

Когда в дверь забарабанили приклады, грабители вдруг превратились в хороших еврейских мальчиков.

– Спасите нас, спрячьте, эти «хазейрим» даже до участка не доводят, расстреливают у ближайшего сарая.

Насчет «хазейрим» они слегка привирали, многие ЧОНовцы ходили вместе с грабителями в один хедер. Тонкость вопроса состояла и в том, что Пиперы, несмотря на типично еврейскую внешность, были болгарами.

«Богачи» растерялись, но бандиты принялись так просить, так умолять, так плакать, что даже самое железное сердце в мире сдалось бы под их напором. Грабителей спрятали в шкафу, а ЧОНовцам соврали, будто налетчики ушли за минуту до их приезда. Мальчики просидели в шкафу до глубокой ночи, сердобольная хозяйка кормила их картошкой с морковным чаем и расспрашивала о родственниках. Уходя, злодеи пообещали:

– Мы ваши должники, если что понадобится, не стесняйтесь, вы нам помогли – и мы вам поможем.

Подобного рода обещания забываются через минуту, в лучшем случае, на следующий день. Но налетчики все-таки получили приличное воспитание, их учили помнить добро и воздавать сторицей. Увы, ничто так не поддается коррозии жизни, как хорошее воспитание. К счастью, случай воспользоваться услугами бандитов представился довольно скоро.

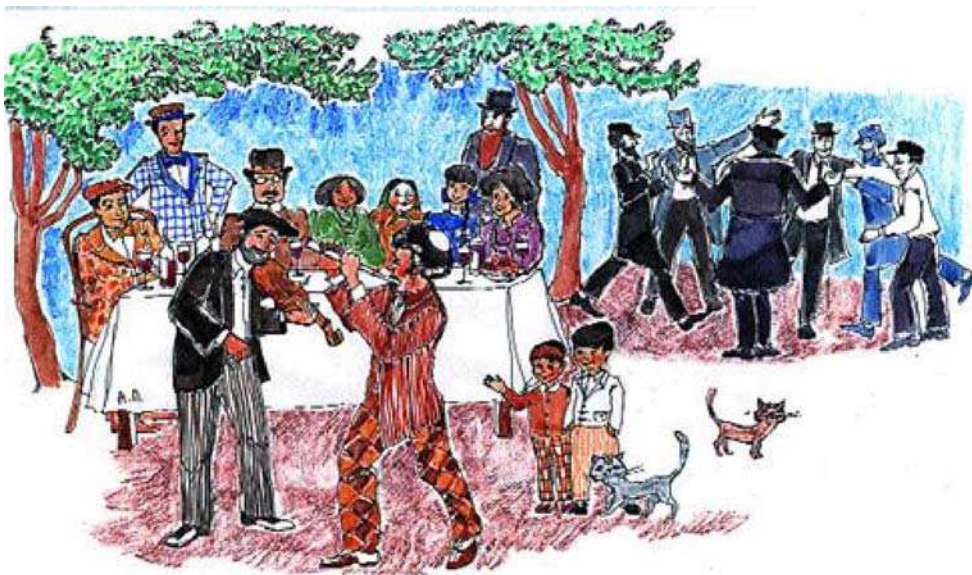
У Пиперов служила сирота из еврейского местечка Красные Окна. Варила, убирала, стирала, одним словом – Золушка. Золушка – золушкой, но и на нее нашелся принц, еврейский мальчик откуда-то с Бугаевки. Чем именно он занимался, история не сообщает, может извозом, может Привозом, но не это главное. Главное – надо было устроить «заручення».

Заручення – это ворт, эрусин, помолвка. В Одессе в те годы – как бы репетиция свадьбы, а по количеству выпивки и закуски репетиция генеральная. Поскольку у девушки, кроме хозяев и соседей, родственников не оказалось, то выдавали ее замуж всем двором.

Заручення – это хорошо, но где взять еду? Время было голодное, даже «богачи» пили морковный чай с картошкой. Голодные коты выли по ночам, как тигры, и злобно точили когти о деревья у колодца. Пришлось обратиться к бандитам.

На какое другое дело они, может, и не откликнулись бы, но на выпить и погулять отозвались о-го-го! Утром дня помолвки во двор заехала телега, груженная продуктами. Был объявлен общий сбор, и хозяйки, изголодавшиеся по хорошей готовке, принялись за дело. Запах поднялся такой, что прибежали коты даже с Тираспольской.

Заручення гуляли шумно. Бимбас, как всегда, напился и принялся проклинать турок. Он был контрабандистом, старый грек Бимбас, и всю жизнь обворовывал сначала царя, а потом Совнарком. В Греции он сроду не бывал, но алкоголь пробуждал в нем гидру патриотизма. Бимбас стучал кулаком по столу и, целуя затертую открытку с фотографией греческого крейсера, пел что-то на родном языке. Так ему казалось, а на самом деле, путая греческие и еврейские слова, Бимбас исполнял «купите папиросы». «Аф идиш» он говорил не хуже любого еврея, и в сорок первом году его по ошибке вместе с не успевшими эвакуироваться соседями сожгли в бараках за городом.

Налетчики привезли с собой скрипача и флейтиста. Шепот скрипки и хохот флейты заполнили двор. Когда село солнце и над крышами проступили крупные звезды юга, приехал Мишка Япончик. Моя бабушка, конечно же, гуляла на помолвке, и впервые о короле одесских бандитов я узнал от непосредственного свидетеля. Бабушка любила вспоминать свою молодость – наверное, это свойство всех бабушек – и любила о ней рассказывать. Когда она доходила до этого места, я всегда спрашивал:

– Ну, и какой он был, Мишка Япончик? Как выглядел, что носил, о чем говорил?

– Да ничего особенного. Рыженький, плюгавый такой, лицо в оспинках, а глаза чуть раскосые, как у японца. Во что одет был – не помню, одет, как в те годы одевались. Весь вечер он молчал, только в конце поднял руку с бокалом. Все сразу замолкли, Япончик приподнялся со своего места и негромко произнес:

– Здоровье молодых!

«Молодыми» они еще не были, но кого это волновало. Гуляли до утра, теплая ночь вздыхала и прислушивалась за окнами.

– А штейгер, на котором приехал Япончик, – тут бабушка поднимала указательный палец, – штейгер стоял всю ночь!

Наверное, по тем временам это считалось невероятной роскошью, почти преступным расточительством. Лошади штейгера, большой коляски, похожей, скорее, на маленькую карету, обвели кусты в палисаднике у колодца и украсили двор пахучими колобками. Утром Мишка устало повалился в темную глубину кареты, извозчик заботливо поднял верх, и застоявшиеся лошади, взяв с места в карьер, задели ступицей правого колеса чугунную тумбу у входа. Глубокая царапина, уже едва заметная под наслоениями краски, видна до сих пор.

– А с молодыми, что с ними стало, бабушка?

– Они поселились где-то на Бугаевке, он пошел учиться, закончил рабфак, работал инженером на Канатном заводе. Перед войной его арестовали, она поехала за ним на Магадан, и больше я о них ничего не слышала.

Когда бабушка начинала рассказывать о прошлом, я никогда не знал, куда уведет ее ниточка воспоминаний. Двадцатые годы перетекали в шестидесятые и, совершив пируэт, возвращались в сороковые. В памяти бабушки события увязывались по иным законам, история в ее интерпретации совсем не походила на плавное перемещение по оси времени, а скорее напоминала американские горки.

За несколько дней до начала блокады Одессы в доме прадедушки собралась вся семья. Из огромной «мишпухи» остались только старики и женщины, мужчины уже воевали на разных фронтах. Речь зашла о вечном – ехать или не ехать. После недолгого обсуждения решили остаться.

– Одессу не отдадут, – утверждал дядя Мойше, парикмахер Дома офицеров. Он стриг самого генерала Петрова и поэтому считался большим знатоком по стратегической части.

– И кому все оставим, – вторила тетя Циля, вспоминая недавно купленную перину. Три года она собирала на нее деньги, и бросить вот так, за здорово живешь, представлялось совершенно невозможным.

Прадедушка Хаим сидел с отсутствующим видом. Слова кружились по комнате словно мухи, цеплялись за занавески, ползали по влажной клеенке.

– Цыц! – вдруг закричал он и ударил кулаком по столу. Удар был такой силы, что столешница треснула.

– Собирайте деньги, документы и немедленно в порт. Может быть, успеем на пароход.

Бабушка смотрела на него изумленными глазами. Сколько она себя помнила, прадедушка ни разу не повысил голос.

Собрались быстро. Очередь к сходям начиналась чуть ли не у Потемкинской лестницы. Через несколько часов терпеливого перемирания с ноги на ногу, когда до поручней трапа осталось несколько десятков метров, началась бомбежка. Самолеты проносились так низко, что бабушка успела разглядеть лицо немецкого летчика в больших очках.

Несмотря на обстрел из очереди никто не ушел. Перед самым трапом моя трехлетняя мама начала страшно плакать. Оказалось, что забыли ее любимую игрушку – тряпичную мышку Мими. Без Мими мама отказывалась уезжать. Прадедушка внимательно посмотрел на маму и вдруг вышел из очереди.

– Сходи за куклой, – сказал он бабушке. – Видишь, как ребенок просит.

Бабушка оторопела.

– Я не успею вернуться до отхода.

– Так не успеем.

Мими, заботливо наряженная в два платья и шапочку, грустно сидела на стуле. Когда бабушка прибежала обратно, пароход уже разводил пары на рейде. Оставшиеся, целая толпа, зачарованно следили за его маневрами. Из трубы повалил густой черный дым, пароход протяжно загудел и двинулся в открытое море. Под форштевнем начал закипать белый бурун, полоса дыма, гонимая ветром, потянулась к Пересыпи. И вдруг – тут бабушка всегда останавливалась на несколько длинных секунд – пароход со страшным грохотом выскочил из воды и развалился на две половины.

– Мина, – закричали в толпе, – плавучая мина!

Обломки затонули со скоростью ломаного железа. Через минуту на поверхности воды осталось только огромное пятно масла. В наступившей тишине раздался голос мамы.

– Как хорошо, что мы опоздали! Мими совсем не умеет плавать.

На следующий день Пипер привел к прадедуске знакомого возчика. Бабушка уложила на подводу несколько чемоданов, посадила маму. Прадедуска и другие домашние пошли пешком, держась за борта. Через несколько дней они благополучно добрались до Николаева, а из него в Сталинабад.

Когда мне исполнилось десять лет, отец купил у спекулянтов «Избранное» Бабеля – тоненькую книгу в коричневом переплете. Проглотив «Одесские рассказы», я побежал к бабушке. Бабушка читала много и основательно. Больше всего она любила толстые исторические романы. За чтение она принималась после окончания телевизионных передач и часто засыпала в постели над раскрытой книгой. Видимо из-за этого каждую книгу она читала по несколько месяцев. Но Бабеля бабушка прочла быстро.

– Вранье, – постановила она, возвращая мне книгу. – Во-первых, так никто не разговаривал. Он собрал все словечки, нанизал вместе, как баранки на веревочку, и хочет доказать, будто так оно и было. А я говорю – не было!

А во-вторых, Мишка Япончик. Фармазонщик, бандит, головорез! Скольких людей покалечил, сколько слез из-за него пролилось. А Бабель сделал из него Робин Гуда. Вранье, сплошное вранье!

Честно говоря, бабушке я не поверил. В детстве вообще больше веришь цветастым обложкам и звонким именам, чем тонкому голосу тишины. Детство для меня категория не возрастная, а духовная. Есть старые дети и ребячливые старики. Впрочем,

это триумф, общее место. Но с другой стороны, я ведь и не обещал потчевать вас оригинальным варевом. Так, похлебкой из цитат?

«Наверное, – думал я, – была и другая Одесса, не та, в которой жила бабушка. Вернее, было много Одесс, как и сегодня много Иерусалимов, Петербургов и Конотопов. Но даже в той самой Одессе Бабель смог увидеть и записать то, что ускользнуло от дочери краснодеревщика».

Сомневаясь и негодуя, я пошел к Адасе, старшей сестре моей бабушки. Адася отличалась феноменальной памятью, она помнила все или почти все. Поскольку ее детство пришлось на самое начало двадцатого столетия, она помнила посещение Одессы Николаем Вторым. Еврейская женская гимназия, где училась Адася, в белых платицах выстроилась вдоль Пушкинской с цветами в руках. Адася, благодаря живости характера, всегда оказывалась в первом ряду. Спустя восемьдесят лет она подробно описывала фасон и цвет платья императрицы, которая махнула ей рукой из окна кареты.

За два дня до нашего отъезда в Израиль Адася упала, сломав шейку бедра. В Вену я привез ее в полубессознательном состоянии. Представитель Сохнута не шибко возликовал при виде девяностолетней старухи на носилках, но Адася заметно оживилась.

– Янечка, – сказала она мне громким шепотом, – позови его сюда, я спою ему песенку.

В полной уверенности, что у Адасы от перелета совсем замутилась голова, я принялся ее отговаривать.

– Нет, позови, позови обязательно, – настаивала Адася.

Пришлось позвать. И тогда Адася запела ему «Атикву». За всю свою жизнь я ни разу не слышал от нее ни одного слова на иврите. И вот, прорвало. Видимо, в еврейской гимназии разучивали не только «Боже, царя храни»?

Представитель Сохнута чуть не заплакал от умиления и побежал заказывать «амбуланс». Адасю отвезли в больницу, сменили гипс, накачали лекарствами. В Израиль она прилетела почти в нормальном состоянии. В реховотской больнице «Каплан», куда я отвез ее прямо из аэропорта, она вдруг начала читать надписи на больничных простынях. Самое удивительное, что она не только читала, но переводила, и переводила правильно!

С томиком Бабеля под мышкой, я отправился к Адасе, в те годы еще весьма бойкой или, как написал бы Исаак Эммануилович, жовиальной старушке. Быстро пробежав глазами текст – Адася читала с безумной скоростью, сто страниц в час, – она постановила:

– Не было этого. То есть, может и было, но не в Одессе. А уж Одессу, – тут она улыбнулась, – уж Одессу я знаю хорошо!

Признаюсь честно, об этом несоответствии я забыл на следующий день. В десять лет столько всего происходит с человеком, что частные вопросы литературы сами собой отступают на второй план. Спустя много лет я вспомнил свое небольшое расследование, но теперь это несоответствие уже не кажется мне странным.

Правда литературы сильнее, чем правда жизни. Бабель создал свою Одессу, свой одесский язык и своих одесситов, и этот придуманный мир, словно чугунные створки ворот, перекрыл живую реальность. То есть подлинная история осталась, можно пойти в музей, поднять архивы, а сегодня влезть на нужный сайт в Интернете. Но кого это волнует, как оно там на самом деле? Абсолютное большинство говорящих по-русски убеждено, что в Одессе разговаривали так, как написал Бабель, а Мишка Япончик – невинно убиенный большевиками Робин Гуд с Малой Арнаутской.

Из этого логического построения следует замечательный вывод. Подлинная история создается не в правительственных кабинетах, а под пером писателя. То, как сегодня выглядит Израиль, о чем спорят в России и как живут в Америке, будут судить не по толстым монографиям, а по книжкам в мягких переплетах. Хочется воскликнуть: берегите писателей! – но вот это действительно банально.

Ну, вот, мы и добрались почти до конца. Осталось несколько эпизодов, которые я обязан досказать.

Одесса показалось Лёде Вайсбейну провинциальной. Талант требовал простора, и Лёдя переехал в столицу, сменив чересчур характерную фамилию на псевдоним – Утесов. Под этим именем он и вошел в историю – настоящую или созданную музыкальными критиками – не все ли равно? Артистом Леонид Осипович оказался большим, по-настоящему большим. Его узнавали на улицах, им восхищались, и Леонид Осипович, не скупясь, дарил людям радость общения с талантом. Особенно щедро он оделял женщин. Что при этом чувствовала его жена, никого не интересовало: жена артиста – это особое призвание, а большого – призвание вдвойне. Елена Яковлевна терпеливо сносила сложную личную жизнь мужа, и тот, кто немного знаком с печальной историей семьи Утесовых, не может не оценить мудрость прадедушки Хаима.

Прадедушка дожил до глубокой старости и умер, увидав правнука, то есть меня. Из его огромной семьи остались в живых только две дочери; пятеро сыновей и зятя не вернулись с войны. Но прадедушка до последнего дня верил в милость Творца и утверждал, что с Неба на землю спускается только хорошее.

Бабушку и Адасю я привез в Израиль, обе они покоятся в Святой Земле. С ее высоты память об Одессе представляется мне глубоким колодцем, тяжелую крышку которого я предпочитаю не открывать.

ИЗ ЯНВАРСКОЙ ПОЧТЫ

Здравствуйтесь, уважаемая редакция журнала «Лехаим»!

Давно хотелось поблагодарить вас за замечательные интересные материалы. Ваш журнал – самый лучший из всех периодических изданий, распространяющихся в России. Отдельное спасибо за рубрику «Послания Любавичского Ребе» и другие, посвященные жизни и размышлениям этого великого человека.

Хотелось бы еще ответить г-ну Козаку, автору статьи «Абраша и Даша» («Лехаим», №8, 2000). За свою жизнь я видела немало примеров, подтверждающих и опровергающих его «теорию полтинников».

Но я не буду писать обличительных писем – я обращаюсь, чтобы поздравить с приближающимся днем рождения моего чудесного деда, Кримштейна Марка Романовича. 25 февраля ему «стукнет» 71 год. Он честный человек, большой труженик, и никогда не стеснялся своей национальности. Дед – мой единственный «еврейский предок». Я – только «четвертинка». Но чувствую себя еврейкой, жила в Израиле, работаю в еврейской воскресной школе, преподаю иврит, учусь по программе «Лимудим» Института изучения иудаизма, всегда зажигаю свечи на Хануку и получаю свои «ханука гелт» от деда. Если Г-споду было угодно, чтобы моими предками были и евреи, и русские, значит, так это и должно было быть. И если Абраше на роду было писано полюбить именно Дашу, а не Рахиль или Хану, неужели никто из ваших корреспондентов не учел «фактора» Б-жьей воли?

Я не собиралась писать целое письмо, а просто хотела поздравить любимого деда, много сделавшего и для еврейской общины, и для родственников и друзей. Но ваши публикации просто заставили высказать свое мнение, если уж представилась такая возможность.

Итак, Кримштейну Марку Романовичу все родственники желают здоровья, долголетия, счастья и радости! С днем рождения! Мазл тов! Ад мэа вэ-эсрим! Мы тебя очень любим!

Ń ōāāēāī ēāī ē āēāāāāāī īñōīř çā āāōō āāāī ōō

Ōāāī ōī āāā ēēēī ā, ēāçāī ū

Уважаемая редакция!

С интересом прочитала рассказ «Абраша и Даша» и отклики на него. Эти публикации затрагивают вопросы менталитета современного еврейства. И здесь можно проследить противоречивые тенденции. Но я не ожидала, что позиции могут быть настолько различны, пока не столкнулась с этим сама, непроизвольно проведя исследование по самоидентификации.

Дело в том, что два года назад кабинет министров Республики Башкортостан поручил мне написать к 10-летию Еврейского национального культурного центра (ЕНКЦ) «Кохав» («Штерн») нечто вроде брошюры по истории евреев региона. Как-то само собой

Мне бы хотелось на страницах Вашего журнала обратиться к Белле Штейн, автору письма в предыдущем выпуске «Лехаима».

Уважаемая Белла!

Вы задеваете весьма актуальный вопрос о национальности детей от смешанных браков. Позвольте привести на сей счет положение еврейского Закона: национальность ребенка определяется по матери. Поэтому, когда Вы со здоровым украинским юмором высмеиваете довольно грубо изложенные взгляды А. Козака на воспитание русской женой ребенка еврея в русских традициях, то спорите с самим еврейским Законом, в котором мудрость и опыт тысячелетий. Примеров, подтверждающих его правоту, великое множество, начиная с жен царя Соломона. Кроме того, данные биологии говорят, что большинство элементов и структур человеческого организм наследует от матери, а не от отца.

Достоверность материнства легче определить, чем отцовства. Я ни в коей мере не хочу задеть ни Вас, ни Вашу мать, ни Вашу дочь, но объективно, в условиях галута это показалось мне существенным. Тем более, что большинство стран проживания, включая СССР и Россию, имеют законы, основанные на кодексе Наполеона, действовавшего в интересах своих доблестных солдат. Этот кодекс гласит: «Отцом ребенка считать мужа». С другой стороны, еврейское право патриархально, наследование происходит только по мужской линии...

И тут я поняла если не все величие и благородство еврейского Закона, то какую-то его часть: он не предъявляет претензий к нееврейским отцам еврейских детей и не претендует на наследство еврейских отцов для детей от неевреек. Эти претензии регулируются законами стран проживания. Таким образом, еврейский Закон основателя христианства евреем считает, а детей основоположника коммунизма от благородной фон Вестфален и детей Березовского от русских жен евреями не считает.

Ваша тройка за «лучшее сочинение» – пустяки по-сравнению с теми принципами, по которым осуществлялся естественный отбор в послевоенное время. Евреи были до того духовно и физически «забиты», что я предпочла выйти замуж за татарина, но он оказался с необрезанным сердцем. Теперь я с детьми уезжаю в Израиль.

Î äëàì ää Ñîóÿ, Êàçàì ü

ГАРМОНИЯ И КОНТРАСТ ЛЕОНИДА БЕРЛИНА

Áðèãðèé Áí èñèì ïá

Он едва переступил порог тысячелетия – в свои семьдесят пять лет...

Это был один из самых значительных скульпторов нашего времени, замечательный художник. Его работами восхищались А.Матвеев и С.Коненков, Н.Хикмет, М.Шагал, А.Тышлер, Л.Арагон, А.Мальро и другие выдающиеся мастера своего дела. Он создал памятники писателю Ю.Домбровскому, погибшим артиллеристам, на «Мосфильме» установлена его композиция «Оптимистическая трагедия», а перед театром зверей имени В.Дурова – скульптурная группа «Цирк». В 1988 году в числе пятидесяти лучших художников мира он был приглашен в Сеул, где проходили Игры XXIV Олимпиады, и представленные на выставке его работы вскоре вошли в постоянную экспозицию музея корейской столицы. За монументально-декоративное оформление станции «Римская» ему присвоено звание лауреата премии Москвы, мэр столицы Ю.Лужков лично вручал ему награду. Было отмечено его оформление станций «Орехово» и «Битцевский парк»... Сегодня работы этого мастера – его скульптуры, графика, живопись – находятся в крупнейших музеях России – в Третьяковке, Русском – и зарубежья, в частных коллекциях.

Он родился, когда история России открывала одну из самых драматических своих страниц, и этот факт не мог не отразиться на мироощущении художника. В 1938-м был репрессирован отец Леонида, и мальчика усыновил Лев Берлин. Отчима-инженера радовала любовь ребенка к технике. «В детстве я считал, что техника – это все. У меня к ней были способности. А изобразительное искусство, рисование давались легко», – вспоминал Л.Берлин.

Во время войны он работал в Малом театре, в ту пору оказавшемся в Челябинске, под руководством художника Бориса Кноблока. Наверное, именно там и не без помощи мастера определилась его дальнейшая судьба. Когда театр вернулся в Москву, Леонид поступил на скульптурный факультет Суриковского института, где учился в мастерской профессора А.Матвеева.

Он вырос в художника в самом высоком, сокровенном значении этого слова. Яркая индивидуальность проявляется в каждой из его работ. Восприятие искусства вообще субъективно, и, я думаю, нет и не может быть на свете художника, творчество которого может нравиться всем без исключения. Что касается

Берлина, то его работы очень раздражали определенный контингент – партийных бюрократов, антисемитов, фашиствующих. Было в его искусстве что-то царапающее, задевающее звериные инстинкты, волчьи нравы. А сам Берлин любил и людей, и животных, сострадал им всей душой и завещал эту свою любовь сыну Анатолию.

Он был человеком нежным, трогательным, как ребенок. Был доверчив, словно жизнь не преподносила ему жестоких уроков, или он не воспринимал их всерьез. Помню, приехал какой-то делец из Парижа, представившись известным галеристом, попросил у Берлина сто рисунков якобы для продажи и выпуска альбома. Тот без разговоров отдал, а после долго сокрушался, что доверился аферисту: конечно, рисунки пропали...

Зато, я уверен, никто не вспомнит, чтобы он поступился совестью или профессиональным призванием.

Я видел Леонида в самые тяжелые моменты его жизни. Однажды была уничтожена значительная часть его произведений, и Вера Зайцева, преданная жена, едва ли не зубами вытащила Берлина с того света. Потом Веры не стало, и он – человек, совершенно не приспособленный к бытовой стороне действительности, оказался в предельно бедственном положении: даже голодал, не умея приготовить еду. Но работа от этого не прерывалась – он лепил, варил железо, рисовал. Его графика покорила меня гармонией и контрастом, выразительностью деталей, остротой конфликта внутри белого листа.

Зная Леонида Берлина на протяжении довольно долгого времени, я часто поражался его человеческой цельности, страстности художника, размаху воображения, неиссякаемости творческих идей, как и воле их воплощать. Но несмотря на это Берлин не был благополучным, преуспевающим, он частенько нуждался, а когда случались деньги, немедленно тратил их на материалы, формовку, литье.

Скульптуре он отдавался самоотреченно, не считаясь ни с чем. Занимаясь сварным железом, испортил себе легкие.

– Однажды поняв, что сам не смогу отливать свои работы, я пошел на стройку и за бутылку купил сварочный аппарат. Скульптуры из сварного железа мне нравились еще тем, что начинать и заканчивать работу можно в своей мастерской, – рассказывал Леонид Берлин. – А позже я обратился к старому любимому занятию – стал технически оснащать свои работы: вставлял в них разные моторчики. Мои скульптуры стали стрелять, раскаляться, качаться, позванивать, двигаться – ожили! Техника соединилась с «пластикой».

Когда он пробовал делать первые работы сварочным аппаратом, соседи испугались, что Берлин из-за дилетантизма может устроить пожар. Тогда он сдал экзамен на сварщика, получил разряд.

Как скульптор он редко ошибался в своем деле, а если иногда и «заносило» его, то виной тому были страстность и увлеченность.

– Во мне находили героический пафос, антиэстетику, натурализм и многие другие грехи, даже святотатство, причем угрожали расправиться за это со мной. – Берлин разводил руками. – А мне важно было найти выразительность объемов, силуэтов, пластических структур. Меня интересовали композиции символического плана. Я искал сквозной мотив моих скульптур. Мне казалось, это должен быть лирический или

драматический, даже трагический образ. Никакая «подробноописательная» трактовка меня не устраивала. Сварочные работы не так просты, как может показаться.

Часто простым кажется высочайшее мастерство. Для самых разных его работ, созданных в 60–80-е годы, таких как «Стадо», «Фемида», «Семья», «Художник», «Охрана природы» (на станции метро «Орехово»), характерны остроэкспрессивная манера, структурная «сбитость». При этом Берлин не создавал сцены героического труда, молодых улыбающихся героев, не достигал вершин догматической грамотности ремесла, убивающей не только пластику, но и намек на живое творчество. Его сварные композиции всегда отличала острота – мысли, чувства.

Я думаю, что Берлин – один из самых ярких мастеров, причем даже в мировой пластике, умело сочетающий барочную декоративность с удивительной силуэтностью, которая способна подчинить себе пространство. Его монументальность лаконична, хотя вмещает всю палитру человеческих чувств.

Он хочет доказать, что скульптура, в которой есть осязаемость, форма, вбирающая в себя весомые массы материала, оперируя объемами, может свободно конкурировать с графикой, живописью по богатству выразительных средств.

«Я отвергаю понимание скульптуры как искусства полутонов, едва заметных движений, изнеженных модуляций поверхности», – это кредо мастера подтверждается всем его творчеством, всей жизнью.

Однажды с вывихнутой ногой он лежал дома. Я позвонил ему и спросил, как проходит время вынужденного сидения.

– Лепить не из чего, нет пластилина, рисовать надоело... – Чувствовалось, он подавлен.

– А ты маслом писал когда-нибудь? – спросил я.

– Да мечтаю попробовать, только нет холста...

Я повез ему холст и краски.

Своеобразный «эмоциазм», как определил Берлин свой скульптурный стиль, «проступил» и в его живописи, в первой же картине «Эскалатор». Едут вверх улыбающиеся, веселые люди – мужчины, женщины, дети. Солнце светит, день благостный, праздничное настроение. Только один художник видит страшный финал этого движенья. Эскалатор поднимает людей в никуда, дальше – обрыв, смертельный полет. И тем трагичней жизнерадостная картина, что верхние пассажиры уже стремительно падают, а нижние, поднимаясь, ничего не подозревают.

Семья. 1956 год.

Одержимость, с которой «кипел» Леонид Берлин над своими работами, я назвал бы мусульманской. Не случайно его обожал Назым Хикмет. Новое чувствование мира и новое построение скульптуры, в которой нет детализации, а драма назревает на глазах, синтез художественного творчества и технического прогресса почти немислимый в силу своей полярности, – всем этим Берлин поражал.

Когда-то с Жаком Ихмальяном мы задумали выставку, в которой должны были принять участие четверо: Д. Штеренберг, Г. Басыров, К. Сапегин и сам Ихмальян. Так случилось, что, пока ее утверждали на разных уровнях, подбирали все необходимое, замечательный живописец Жак, заболев, умер. И четвертым пригласили Леонида Берлина, который представил множество рисунков и скульптур. Пожалуй, тогда впервые он предстал во всем блеске своего незаурядного мастерства, глубоко индивидуального творческого стиля. Остаться равнодушным к тому, что он ваял, было невозможно.

Когда в 1957 году в Москве открылась третья выставка произведений молодых художников, «Советская культура» писала: «...Несомненно, очень талантлив скульптор Л. Берлин, вещи которого и на предшествующих, и на этой выставке отличаются глубоким пониманием пластических задач, умением построить композицию, связать объемы в пространстве в единое целое» (№ 67, 18 мая). Однако далее в стиле тех лет «клеймилась» композиция «Семья»: «Так видеть действительность, простых людей – это значит не знать народа, не общаться с ним, не знать силы и сложности его характера»...

А Берлин всегда очень тесно общался с самыми простыми людьми, прекрасно знал их сильные стороны, остро подмечал и негативное, не боясь преувеличений, вплоть до шаржированной абстракции. Его «нестандартность» всегда бросалась в глаза. Рассказывали, что на выставке «30 лет МОСХ» Хрущев подошел к композиции Л.Берлина «Оптимистическая трагедия»:

– А это что такое?

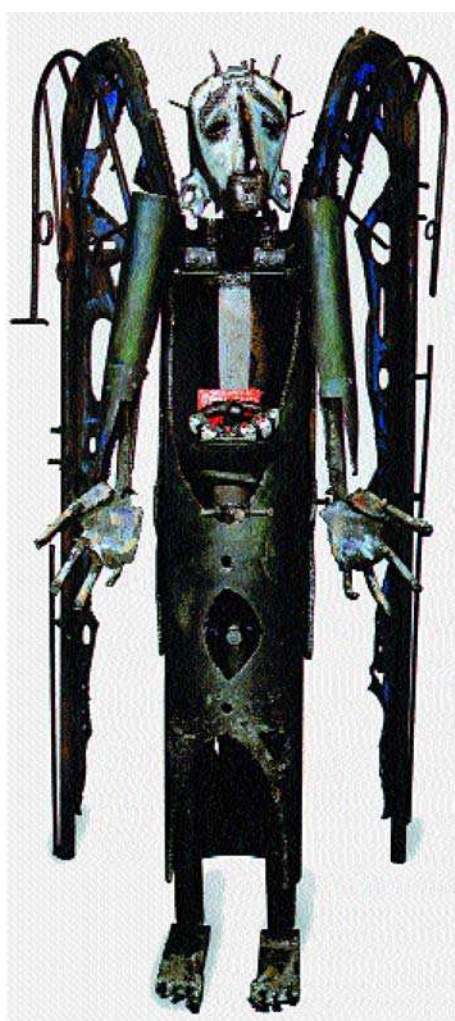
Ему пояснили:

– Это для кино!

– А-а-а, для кино, ну так и быть.

Потом его повели к работам А.Тышлера...

Важную страницу его творческой биографии занимает графика. В наше время – это искусство со всевозможными «ухищрениями»: фотографией, коллажем, монтажными контрастами. Находки и открытия графиков перекочевывают в живопись, дизайн, даже в скульптуру. Но графика Берлина традиционна. Она сохраняет классическую добросовестность мастера, а главное, сохраняет духовность.

Ангел. 1974–1991 годы.

Когда-то, в ставшие уже давними времена

велись оживленные дискуссии о духовном в искусстве. Академия художеств насмерть стояла за натурализм. Духовным считалось искусство, отражающее только видимую реальность. Никакой условности, фантазии, ничего субъективного. Главным теоретиком тогда был академик М.Лившиц, который говорил: не мы отражаем

действительность, а действительность отражается в нас. Согласно той теории Леонида Берлина следовало отнести к художникам- «пачкунам», как называли представителей «другого искусства». К ним относили и Пикассо с его гениальной «Герникой». Великого художника ни разу не пригласили в Советский Союз, чтобы он, не дай Б-г, не нарушил девственную чистоту соцреализма.

Были у нас в искусстве и свои «вредители» – Малевич с его «черным квадратом», ослепительным зеркалом тоталитарной системы, Филонов, равный художникам Возрождения, Древин и десятки других, на которых можно по-настоящему изучать жизнь высокого человеческого духа.

Искусство Л.Берлина – это закодированная в выразительной форме информация о любви, человеке, вообще о живом и его трагедии. Люди, по мысли автора, исполнены царственного безумия. То пышная победоносная Ева стоит на поверженном Адаме, то Фемида совсем уж непотребно утверждает свою правоту, то страшный акт движения жизни свершается в тюремном пространстве...

Карандаш твердо, решительно, как скальпель, вскрывает грани бытия. «Меня всегда привлекали драматические события жизни», – однажды признался Леонид Берлин.

Когда Марк Шагал был в Москве, его привели на выставку «Рисунки скульпторов». Больше всего заинтересовавшись работами Берлина, он захотел познакомиться с ним и попросил поскорее его найти.

Рисунку Берлин учился у одного из лучших графиков – Павла Яковлевича Павлинова. И научился. Силе духа, удивительной остроте прозрения, выраженных линией, которая движется, дышит, мерцает. Его графика на высокой грани совершенства... Как и его душа, оттого так остро чувствующая и отзывающаяся на драму жизни.

Леонид Берлин оставил яркий и добрый след на земле.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ЯНВАРЯ

2 ЯНВАРЯ

105 лет со дня рождения кинорежиссера, одного из создателей и первых теоретиков советского и мирового документального кино, постановщика фильмов «Годовщина революции», «Кино-Правда», «Кино-Глаз», «Шестая часть мира», «Три песни о Ленине» (премия Мкф в Венеции) и др. **Дзиги Вертова** (наст. имя и фамилия Денис Аркадьевич Кауфман; 1896, Белосток – 1954, Москва).

4 ЯНВАРЯ

90 лет со дня рождения актера и режиссера Театра кукол, народного артиста РСФСР, постановщика (совм. с С.В. Образцовым) спектаклей «Кошкин дом», «Чертова мельница», «Конек-Горбунок», «Божественная комедия», «Тридцать восемь попугаев» и др. **Семена Соломоновича Самодура** (1911, Буй Костромской губ. – 1991, Москва).

6 ЯНВАРЯ

70 лет со дня рождения писателя, члена Американской Академии искусств и литературы, автора исторических романов «Регтайм», «Гагачье озеро», «Всемирная выставка» и др. **Эдгара Лоренса Доктороу** (р. 1931, Нью-Йорк).

7 ЯНВАРЯ

100 лет со дня рождения актера, режиссера, народного артиста СССР, профессора ГИТИСа **Иосифа Моисеевича Раевского** (1901, Оренбург – 1972, Москва).

8 ЯНВАРЯ

70 лет со дня рождения антрепренера, организатора гастролей Боба Дилана, группы «Роллинг стоунз» и др. **Билла Грахама** (наст. имя и фамилия Вольфганг Грайонца; 1931, Берлин – 1991, погиб в авиакатастрофе над Калифорнией).

9 ЯНВАРЯ

80 лет со дня рождения спортсменки, гимнастки, обладательницы пяти золотых, четырех серебряных и двух бронзовых олимпийских медалей **Агнеш Келети** (р. 1921, Будапешт).

11 ЯНВАРЯ

100 лет со дня рождения кинорежиссера, педагога, народного артиста СССР, профессора ВГИКа, постановщика фильмов «Тринадцать», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Пышка», «Мечта», «Человек № 217» (премия Мкф в Канне), «Секретная миссия», «Убийство на улице Данте», «Девять дней одного года» (главная премия Мкф в Карлови-Вари), документально-публицистических фильмов «Обыкновенный фашизм», «И все-таки я верю» и др., лауреата пяти Государственных премий СССР **Михаила Ильича Рома** (1901, Иркутск – 1971, Москва).

13 ЯНВАРЯ

70 лет со дня рождения прозаика, автора (совм. с братом Георгием) детективных произведений «Визит к минотавру», «Эра милосердия» (экранизировано под названием «Место встречи изменить нельзя»), романа-дилогии «Петля и камень...» и «Евангелие от палача» – документально-художественного расследования «дела врачей» и убийства Михоэлса, и др. **Аркадия Александровича Вайнера** (р. 1931, Москва).

14 ЯНВАРЯ

90 лет со дня рождения писателя, президента советского ПЕН-центра, секретаря правления Союза писателей СССР, автора романов «Водители», «Екатерина Воронина», «Тяжелый песок», «Дети Арбата», «Тридцать пятый и

другие годы», повестей «Кортик», «Приключения Кроша» и др., лауреата Государственной премии СССР **Анатолия Наумовича Рыбакова** (1911, Чернигов – 1998, Москва).

15 ЯНВАРЯ

90 лет со дня рождения экономиста, академика РАН, автора трудов по экономике индустриально развитых стран, анализу и критике экономических теорий, лауреата Государственной премии СССР **Абрама Герасимовича Милейковского** (1911, Минск – 1995, Москва).

110 лет со дня рождения писателя, публициста, автора романов «Хулио Хуренито», «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца», «Падение Парижа», «Буря», повести «Оттепель» (название которой стало метафорическим обозначением периода советской истории после смерти Сталина), мемуаров «Люди, годы, жизнь» и др., лауреата двух Государственных премий СССР **Ильи Григорьевича Эренбурга** (1891, Киев – 1967, Москва).

16 ЯНВАРЯ

125 лет со дня рождения оперного режиссера, заслуженного артиста РСФСР, режиссера оперного театра Солодовникова, организатора, художественного руководителя и директора Петербургского театра музыкальной драмы, директора и главного режиссера Большого театра в Москве, одного из организаторов Киевского и Сталинского оперных театров **Иосифа Михайловича Лапицкого** (1876, Минск – 1944, Москва).

115 лет со дня рождения живописца, скульптора, одного из родоначальников абстрактного искусства, профессора ВХУТЕМАСа, автора работ «Наряжающаяся женщина», «Проекция пространства», «Взлетающая птица» и др., кавалера ордена Почетного легиона **Антуана (Натана) Певзнера** (1886, Климовичи Могилевской губ. – 1962, Париж).

20 ЯНВАРЯ

105 лет со дня рождения актера театра и кино, сыгравшего в фильмах «Солнечные мальчики» (премия «Оскар» за лучшую мужскую роль второго плана 1975 года), «О, Б-же» и др. **Джорджа Бернса** (наст. имя и фамилия Натан Бернбаум; 1896-1996, Нью-Йорк).

125 лет со дня рождения педагога, пианиста и композитора, исполнителя произведений Ф. Шопена, профессора и директора Музыкального института Кёртис в Филадельфии, автора книги «Фортепианная игра» **Иосифа (Юзефа) Гофмана** (1876 – 1957).

110 лет со дня рождения скрипача, виртуоза романтического направления, основателя струнного квартета, автора сочинений и транскрипций для скрипки **Миши Эльмана** (1891, Киев – 1967, Нью-Йорк).

21 ЯНВАРЯ

70 лет со дня смерти пианиста, дирижера и композитора, заслуженного деятеля искусств РСФСР, дирижера Мариинского театра, профессора Петербургской, Киевской и Московской консерваторий, первого исполнителя многих фортепианных произведений А.К. Лядова, А.К. Глазунова, А.С. Аренского, постановщика опер Р. Вагнера, Н.А. Римского-Корсакова, в том числе «Сказания о невидимом граде Китеже...» в 1907 году, дирижера оперных спектаклей «Русских сезонов» С.П. Дягилева в Париже **Феликса Михайловича Blumenфельда** (1863, Ковалевка Херсонской губ. – 1931, Москва).

95 лет со дня рождения балетмейстера, народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда, организатора и художественного руководителя Ансамбля народного танца СССР, почетного члена Народного собрания Франции и французской Академии музыки и танцев, члена президиума Российской академии искусств, лауреата двух премий «Оскар» в области танцев, пяти Государственных премий СССР и Государственной премии России **Игоря Александровича Моисеева** (р. 1906, Киев).

22 ЯНВАРЯ

110 лет со дня рождения врача и психолога, основателя Чикагского института психоанализа, президента американских психоаналитических ассоциаций, главы чикагской школы психосоматиков, разрабатывавшего проблемы соответствия между органическими заболеваниями и типами эмоциональных конфликтов **Франца Александра** (1891, Будапешт – 1964, Палм Спрингс, США).

40 лет со дня рождения сценографа, главного художника Московского театрального объединения «Ленком», президента и художественного руководителя сценографической фирмы «Краснов дизайн», автора декораций для шоу звезд русского балета, А. Пугачевой, Ф. Киркорова, Т. Гвердцители, Ж Агузаровой и группы «Браво», Л. Вайкуле, В. Леонтьева, Л. Долиной, А. Розенбаума и др., оформителя студий для телеканалов ОРТ, РТР, НТВ, ТВЦ, режиссера уличных праздников и массовых мероприятий в Москве, в том числе для московского еврейского общинного центра (праздник Ханука на Пушкинской и Триумфальной площадях, открытие здания центра), оформителя церемонии открытия шестого чемпионата мира по легкой атлетике в Афинах, лауреата шести национальных премий «Овация», премий «Лицо года» (1995 год), «Дизайнер года» (1996 год), победителя российского конкурса «Менеджер года» (1998 год) и др. **Бориса Аркадьевича Краснова** (наст. фамилия Ройтер; р. 1961, Киев).

115 лет со дня рождения ученого в области строительной механики, члена-корреспондента АН СССР, генерал-майора инженерно-технической службы, профессора МИСИ, Героя Социалистического Труда, автора трудов по динамике и прочности сооружений, строительной механике **Исаака Моисеевича Рабиновича** (1886, Могилев – 1977, Москва).

23 ЯНВАРЯ

55 лет со дня рождения ученого в области теории управления, члена-корреспондента РАН, предпринимателя, общественного деятеля, исполнительного секретаря СНГ в 1998–2000 годах, одного из создателей и руководителей ЛОГОВАЗа, основателя благотворительного фонда «Триумф», автора трудов по теории моделирования, теории принятия решений **Бориса Абрамовича Березовского** (р. 1946, Москва).

27 ЯНВАРЯ

90 лет со дня рождения физика, члена-корреспондента РАН, автора трудов по физической оптике (вынужденное рассеяние света и другие нелинейные эффекты), нелинейной оптике и молекулярной акустике (закономерности распространения ультразвука и гиперзвука в вязких средах), автора ряда открытий и свыше 130 научных работ **Иммануила Лазаревича Фабелинского** (р. 1911, Граево Щучинского уезда Ломжинской губ.).

28 ЯНВАРЯ

100 лет со дня рождения экономиста, члена-корреспондента АН СССР, президента ВСНХ СССР, автора трудов по проблемам методологии политэкономии, воспроизводства, структуры и эффективности общественного производства **Александра Ильича Ноткина** (1901, Луганск – 1982, Москва).

29 ЯНВАРЯ

110 лет со дня смерти физиолога и общественного деятеля, доктора медицины, приват-доцента Новороссийского университета (Одесса), председателя Одесского общества врачей **Натана Осиповича Бернштейна** (1836, Броды – 1891, Одесса).

Умер академик Гольданский

14 января 2001 года на 78-м году жизни в Москве скончался академик РАН, физикохимик Виталий Иосифович Гольданский.

В.И. Гольданский родился в Витебске в 1923 году. Окончив в 1944 году МГУ, он одиннадцать лет проработал в Институте химической физики АН СССР. Затем с 1952-го по 1961-й – в Физическом институте АН СССР, а с 1956 года он профессор Московского инженерно-физического института.

В 1961-м Гольданский вернулся в Институт химической физики и проработал там до конца своей жизни, с 1988 года в качестве директора. В 1962 году он избран членом-корреспондентом, а в 1981-м – академиком АН СССР. Труды этого ученого были воистину революционными в области ядерной и радиационной химии. Он предсказал (1960) явление двупротонной радиоактивности, открыл в 70-е годы низкотемпературный предел химической реакции.

Академик Гольданский был главным редактором журналов «Химия высоких энергий» и «Химическая физика», председателем Пагуошского комитета. Он отмечен Государственной премией СССР (1980) и премией им. Д.И. Менделеева АН СССР (1966). Похоронен в Москве.